

«Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»

(священномученик Серафим (Чичагов))

Главы из книги по
Житию преподобного отца нашего Серафима Саровского.

Глава III.

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в году 20 ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм, и поручен был в послушание старцу Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его Исидор Мошнин имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим и богатого именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752 году состоялась закладка храма, и когда нижняя церковь с престолом во имя преподобного Сергия была готова в 1762 году, благочестивый строитель,

отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав все состояние своей доброй и умной жене Агафий, он поручил ей довести дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца, она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам.

Агафья Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778 году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759 году 19 июля и наречен Прохором в честь св. Прохора, единого от семидесяти апостолов и семи диаконов первенствующей Церкви, память которого ублажается в том же месяце 28 числа. У него был старший брат Алексей, потомство которого и ныне живет в Курске. При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего, это видели все духовно развитые люди и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафья Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и по неосторожности упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти. Но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрой памятью и одновременно кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотой, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни в сонном видении Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни.

Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход,

вероятно, для сокращения пути и избегания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафья вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение [Библии](#) и духовных книг.

Старший брат Прохора Алексей занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке. Впоследствии он рассказывал в Сарове Н. А. Мотовилову: «Я родом из курских купцов, и, когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту, как-то: ремни, деготь, бечевки, дуги, шлеи, лапти, железо и т. п., но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не опускал почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия, и за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни, по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрени и ранней обедне. В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чтили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний, в свою очередь, возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни. Умная мать его все примечала и душевно радовалась, что ее сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь. Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно признавал, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и охотнее хотела бы отпустить его, чем удержать в миру; от этого в его сердце еще сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих он нашел сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и еще двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Следуя церковно-гражданским установлениям духовного регламента, он взял себе увольнение от Курского городского общества (Монастырский архив, отд. XV, № 13). Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись

совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил ее родительского благословенья. Агафья дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собой этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Немаловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из курских жителей и настоятельствовао о. Пахомий, курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать через них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей прпп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл перед ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение (Краткое жизнеописание старца Серафима, изд. Дивеевского монастыря 1874 г., с.7):

– Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге через непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоём; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святине, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговевши, исповедавшись и причастившись Св. Тайн, поклонившись еще раз св. угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим,

благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о св. местах и послушать чтение. Это время было его прощанием с родиной и родными.

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь здесь указал ему место для спасения души. Отец Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию, в келье он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать, кроме келейного, еще послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание. Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великой ревностью, но, конечно, не избегал многих искушений, как печали, скуки, уныния, которые действовали на него сильно. «С духом печали, – говорил он впоследствии, – неразлучно действует и скука. Скука, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и местожительство, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром. Сей демон, если не может извлечь монаха из кельи, начинает развлекать ум его во время [МОЛИТВЫ](#) и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

«Болезнь сия врачуется, – говорил он по собственному опыту, – молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия и праздности и празднословия».

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно ранее на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на одном определенном месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза, опущенные долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Прохор любил уединяться в своей келье, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утружденному это позволительно, а Св. Евангелие и Послания Апостолов – всегда стоя пред св. иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения св. отцов, например, Шестоднев св. [Василия Великого](#), беседы св. [Макария Великого](#), Лествицу прп. Иоанна, Добротолюбие и проч. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, то отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором-столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавлять лес, готовить дрова и т. п. Как он проводил ночи, а также принимал пищу, известно из его личного свидетельства. Он говорил, наставляя других: «Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, **аще** можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в ночи спи три часа: десятый, **одиннадцатый** и **двенадцатый** час до полуночи. **Аще** изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несумненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы . твоей. *И я с молодых лет держал таковой путь.* Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в ночное время. **Аще** тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел». С течением времени от слишком напряженного состояния, от недостатка в ночном отдыхе о. Серафим, как сам неоднократно сказывал, получил сильную головную боль. Болезнь эта разрешилась сама собой, когда он начал несколькими часами более давать себе отдых во время ночи. После этого о. Серафим,

на основании собственного опыта, советовал немощным спать 6 часов в сутки, а более сильным телом и крепким душой – пять часов, повторяя при этом наставление отцов-пустынников, что мы не тело, а страсти умерщвлять научаемся.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к большому уединению и подвижничеству, а потому испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Если, говорил о. Серафим, не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание; и за это малое Господь [Бог](#) не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость. Такое правило теперь исполнял сам Прохор, удаляясь в пустынную кущу. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал *правило, еже даде Ангел Господень великому Пахомию*, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по [Отче наш](#): Господи, помилуй, 12. Слава и ныне: Приидите поклонимся – трижды. Псалом 50: Помилуй мя, Боже. Верую во единого Бога... Сто молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и по сем: Достойно есть и отпуст. Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов, двенадцать днем и двенадцать ночью. Это правило, принятое в Саровской пустыни, Прохор исполнял по наставлению старца Иосифа с самого поступления в монастырь. Но в куще, среди природы, наедине с Богом, он сосредоточеннее и с большим умилением предавался молитвенному подвигу. С молитвой он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз. Всем видимо стало, что Прохор ставит себя твердо на пути иноческого жития, и поэтому его любили и уважали во времена игуменства Пахомия как необыкновенного подвижника. Подобный Прохору был в то время 25-летний послушник Василий, вступивший в пустынь в 1787 году из мещан г. Темникова и предназначенный Господом в будущем в строители Саровской пустыни под именем Нифонта.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и все тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предполагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Строитель о. Пахомий и

старец о. Исаяя попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нем. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда еще простым послушником. Наконец стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святой, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством – причащением Св. Тайн». Старец Иосиф по просьбе Прохора и собственному усердию особо отслужил *о здравии* больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащен. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым, и в том числе любимой сестре Дивеевской общины, церковнице Ксении Васильевне (монахине Капитолине). После причащения Св. Тайн ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с апостолами Иоанном Богословом и Петром, и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: «*Этот от нашего рода!*» «Правую-то ручку, радость моя, – говорил о. Серафим церковнице Ксении, – положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл, и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка, вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!» «И батюшка сам, бывало, возьмет да и вложит мою руку в яму, – прибавляла матушка Ксения, ныне Капитолина, – и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдет!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: Дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомий, предприняты были в Саровской пустыни многие нужные постройки. В числе их на месте кельи, в которой болел Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых и при больнице [церковь](#) о двух этажах с престолами, в нижнем – во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем – во славу Преображения Спасителя. Прохор, после болезни молодой еще послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за свое исцеление и попечение начальства, он с охотой понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей, со своей

стороны, оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор, как искусный столяр, построил собственными руками престол из кипарисного дерева для нижней больничной церкви, в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился; будучи высокого роста, около 2 аршин и 8 вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и пронизательные, густые брови, светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он обладал большой физической силой, имел мужественное сложение, увлекательный дар слова и счастливую память. Теперь он прошел уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года с соизволения Св. Синода о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инок. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исайя. При посвящении ему было дано имя *Серафима* (пламенный), и в братских ведомостях сказано, что он был пострижен в монахи на вакантное место в Гороховский Николаевский монастырь, в котором и числился значительное время, хотя никогда в нем не жил. В октябре 1786 года монах Серафим по ходатайству о. Пахомия был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому служению. Со дня возведения в сан иеродиакона он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев почти непрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питии и, ложась спать, жалел, что человек, подобно ангелам, не может непрерывно служить Богу. Строитель о. Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения один или с другими старцами, то часто брал с собой о. Серафима. Так, в 1789 году в первой половине июня месяца о. Пахомий с казначеем о. Исайей и иеродиаконом о. Серафимом отправился по приглашению в село Леметь, находящееся в 6 верстах от нынешнего

города Ардатова Нижегородской губернии, на похороны богатого благодетеля своего помещика Александра Соловцева и заехали по дороге в Дивеево навестить Агафью Семеновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над ней таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за годы подвижнической жизни в Дивееве. По свидетельству жившей с ней Девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику протоиерею о. Василию Садовскому, матушка Агафья Семеновна передала строителю о. Пахомию мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммой в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомию поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных послушниц ее, а также попещись в свое время об обители, обетованной ей Царицей Небесной. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь, также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодеяний твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и браться за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, духовность его тебе известна, и он молод, доживет до этого, ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13 июня, в день св. мученицы Акилины. Отец Пахомий с братией на обратном пути как раз успели к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим по своему целомудрию не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Н. А. Мотовилов пишет, что мать Александра перед [смертью](#) говорила послушнице Евдокии: «Молись Богу, Господь не оставит тебя, я уж скоро отойду от сего света, а ты еще долго проживешь и то, что сбудутся слова

мои, то есть что соберется на месте ее большая обитель, увидишь на деле, будет большое смятение; ты и до него доживешь». Предчувствуя приближение своей кончины, мать Александра пожелала воспринять на себя ангельский образ и послала она Евдокию Мартынову с другой какой-то девушкой в Саров, и о. Исайя, бывший тогда казначеем сей обители, прибыв в Дивеево, постриг ее во время вечерни в великий ангельский образ и нарек ей имя Александры. Пострижение это было за неделю или за две до кончины, в Петровский пост.

А в день кончины приобщалась Св. Тайн, которые она принимала за несколько времени каждодневно, и лишь только священник ушел из кельи, то она и скончалась в самую полночь. При кончине матушки была только Евдокия Мартынова и еще другая старушка Фекла. Перед кончиной своей матушка изволила говорить Евдокии Мартыновой: «А ты, Евдокиюшка, как я буду отходить, возьми образ Пресвятой Богородицы Казанский да и положи его мне на грудь, чтобы Царица Небесная была при мне во время отхода моего, а перед образом свечку затепли». Матушка скончалась в одной рубашечке, и платочек был на голове.

Глава IV.

В записках, напечатанных в «Маяке» 1844 года (кн. 32), говорится, что о. Серафим в сане иеродиакона по временам видал при церковных службах св. ангелов, сослужащих и поющих с братией. Они принимали образы молниеобразных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; но пение их нельзя уподобить никакой гармонии на земле. Дивное

печатление производили на его душу эти видения! *«Быст сердце мое, – говорил о. Серафим, – яко воск тая от неизреченной радости! не помнил я ничего от такой радости; помнил только как входил в св. [церковь](#) да выходил из нее».*

В жизнеописании о. Серафима Дивеевского издания 1874 года говорится (с. 12), что он, весь осиянный благодатью Божией, уже во время иеродиаконства своего удостаивался разных видений. Так, он видел ангелов, сослужащих и поющих во время богослужений. Вид их, как говорил о. Серафим, был молниезрачен, одежда белая, как снег, или златотканая, пение же их и передать невозможно. При этом обыкновенно о. Серафим изменялся в лице, которое то светлело, то бледнело, то покрывалось румянцем, и говаривал старец: «Бысть сердце мое, яко воск, тая от неизреченных радости!» или «Не могу сказать, в теле или кроме тела был я; но только упомнить мог, что выходил из церкви, да еще помнил, что я входил в нее!» Однажды в Великий Четверток строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о.

Серафима, начал Божественную литургию в 2 часа пополудни вечерней, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» Но едва, обратясь к народу, навел на предстоящих орарем, возглашая: «и во веки веков», – как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два Иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он три часа, меняясь непрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею свое видение. «Только что провозгласил я, убогий, «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» и, наведя орарем на народ, окончил: «и во веки веков», – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю [церковь](#). Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Автор записок в «Маяке» 1844 года, по-видимому, был саровский инок, которому о. Серафим лично рассказал об этом видении. Показания сходятся. Весьма важно для нас, что видение это совпало со входом священнослужителей в алтарь, когда он изображает вшествие их как бы в самое небо и священник просит Господа: «Сотвори со входом нашим входу св. ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благодать». Это видение показало, что мы не напрасно веруем, что силы небесные с нами невидимо служат во время литургии.

Иеродиакон Серафим проводил дни с утра до вечера в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, а вечером по-прежнему удалялся в пустынную келью и там проводил ночь в молитве; рано утром он опять являлся в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братии и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель по новому расписанию перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о.

Серафима вызвали в Тамбов, и 2 сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвизаться в духовной жизни с высшей ревностью и удвоенной любовью. В течение долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячей любовью, верою и благоговением.

В настоятельство о. Пахомия в окрестностях Сарова был несколько раз голод, но обитель не терпела недостатка в хлебе и с изобилием наделяла нуждавшихся. Одно лето в особенности был продолжительный голод, и вдруг случилось так, что и для иноков обители не осталось ни муки, ни жита, так как ежедневно кормили тысячи голодающих. Вся братия собралась в [церковь](#), и строитель Пахомий соборно отслужил молебен Божией Матери и всенощное бдение. Братия молилась, как бы перед [смертью](#), не теряя, однако же, упования на Господа и Его Пречистую Матерь. Утром на другой день о. Серафим по особому доверию строителя Пахомия пошел в житницу и нашел, что все закрома наполнены разным хлебом и житом. С той поры во все продолжение голода по окрестностям в обители не было оскудения: сколько ни раздавали нуждающимся, житницы снова наполнялись. Эти события способствовали к утверждению сердца о. Серафима в непоколебимом уповании на промысл Божий и покровительство Богородицы.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыни, так как пустынножизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах, с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился способности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию пустынножизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные кельи, а не в пустыню, то есть от меньших трудов к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, ввиду болезни его и приближения смерти. Отец Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

– О чем, отче святой, так печалишься ты? – спросил его о. Серафим.

– Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, – ответил старец Пахомий, – кто их будет назирать после меня?

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и с благословения нового настоятеля о. Исаяи, также горячо любимого, удалился в пустынную келью (20 ноября 1794 да), в день прихода в Саровскую пустынь.

Келья, или так называемая пустынка о. Серафима, в которой он спасался, находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на холме, в пяти или шести верстах от монастыря, на восход зимнего солнца. Она состояла из одной хаты с печкой и имела крылечко с сенями. Вокруг пустынки о. Серафим устроил себе небольшой огород и обнес все занимаемое им пространство забором. Одно время он имел даже пчельник, дававший ему весьма вкусный мед. На половине пути от пустынки к монастырю жили другие отшельники в уединенных избушках: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка немного напоминала собою Афонскую гору, состоящую из разных возвышений, усеянную лесом, монастырями и кельями пустынножителей, поэтому о. Серафим прозвал свой пустынный холм Афоном, а другие уединенные места в лесу он прозвал в духовном смысле именами разных святых мест, как Назарет, Иерусалим, Вифлеем, Фавор, Кедрский поток, река Иордан и т. д.

Несмотря на удаление о. Серафима в пустынку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины. Великий подвижник, начиная строгую пустынножизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом, неугодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших деревьев. В преданиях, записанных в свое время, есть сказание, что Господь [Бог](#) действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова, о. Серафим пришел в монастырь к поздней обедне, в храм Живоносного Источника, и причастился Св. Христовых Тайн. После обеда в своей монастырской келье он вернулся на ночь в пустынь. На следующий день, 26 декабря, празднуемый по положению (Собор Пресвятой Богородицы), о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где он спускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонской, он увидел, что с обеих сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и

завалили дорожку; вечером ничего этого не было. Отец Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное по молитве его знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жены не входили на его гору. Кое-как пройдя сквозь сучья, завалившие тропу, он пришел в обитель, поспел к самой литургии и пошел в [церковь](#) Живоносного Источника. В тот день строитель о. Исайя служил литургию соборно. Отец Серафим стал в алтаре. По перенесении Св. Даров на престол, когда была пропета вторая половина Херувимской песни, о. Серафим, приблизившись благоговейно к престолу, сказал отцу Исайи: «Батюшка, отец строитель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа».

Строитель, намереваясь читать молитву предложения, по перенесении Св. Даров на престол, ответил на это с некоторым раздражением: «В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!»

» *Теперь-то* и благослови, батюшка», – просил о. Серафим.

«Как же я могу, – сказал строитель, – за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа?»

«Вы только благословите, батюшка, – сказал о. Серафим, – и уже никто из них не взойдет на мою гору».

Нечего делать; подали образ Пресвятой Богородицы «*Блаженное чрево*», и старец Исайя, благословляя о. Серафима св. иконой, сказал:

– Благословляю, чтобы не было женам входа на твою гору, а ты сам охраняй!

Приложившись к св. иконе, о. Серафим отошел на свое место и затем в обычное время причастился Св. Тайн. После обеда, возблагодарив старца Исайю за данное благословение, на ночь опять возвратился в свою пустынную келью.

Существуют разные варианты этого рассказа, не изменяющие сущности дела, и потому разноречия не имеют исторического значения. Так, некоторые, лично знавшие о. Серафима, передают, что разговор со старцем Исайей происходил не во второй день Рождества Христова, а на пятой неделе Великого поста в субботу, в день Похвалы Пресвятой Богородицы, и что после благословения о. Исайи, через неделю, о. Серафим увидел преклонившиеся ветви дерев. Несомненно, что о. Серафим молил Бога и Пресвятую Богородицу о запрещении женщинам восходить на его гору, ему было дано знамение свыше, благословение настоятеля, и после этого он сам завалил колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще сторонним людям вход к нему был совершенно закрыт.

Сведения о жизни великого Серафима в дальней пустынке получены значительно позже, частью из рассказов самого подвижника и его наставлений, частью из повествований других пустынножителей,

посещавших его, а также из свидетельств самой местности его уединения и обстановки убогой хижины.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома, а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. В жизнеописании Дивеевского издания сказано (с. 16), что по подражанию древним святым о. Серафим носил вериги на обоих плечах и к ним были привешены кресты, одни спереди в 20 ф., другие сзади в 8 ф. каждый, и еще железный пояс. И эту тяжесть старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т. д. В холодную пору он топил келью, колот и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы, Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нем благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов. Владея счастливой памятью, он знал наизусть множество церковных песен, которыми и услаждал свой дух. Так, он певал, например, *Всемирную славу* в честь Пресвятой Богородицы, считая Ее покровительницей своей пустыни; чудный антифон: *«Пустынным непрестанное Божественное желание бывает»*, представляющий пустынную жизнь; песнь, возносящую душу к великому делу любви Божией, творению мира и человека: *«Иже от несущих вся приведый, Словом создаемая, совершаемая духом»* и т. п. Отец Серафим завел в одно время и пчельник. Замечались иногда явления такого рода: во время занятий в огороде, или в пчельнике, или в лесу, он вдруг на некоторый срок прерывал работу, руки опускались, топор, нож или лопата вываливались, глаза закрывались, и старец всей душой погружался в самого себя, уходил умом и сердцем на небо и витал в богосозерцании. Если кто-нибудь был при нем в это время, то, не нарушая сладкой его тишины, каждый с благоговением взирал на старца и старался отойти. Отец Серафим читал

много книг. Постоянным правилом его в пустыни было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по несколько зачал из Евангелия и Апостола, что он считал делом весьма важным в духовном совершенствовании христианина, в его восхождении к небу и соединении с Богом. Это он называл *снабдением души* и свои мысли о том изложил письменно («*Чем должно снабдевать душу ?*»).

«Если хочешь устроить дом души своей, – писал о. Серафим, согласно наставлению великого и преподобного Варсонофия, – то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такого здания суть твердая вера для устройства стен, деревянные оконца, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоём ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* ([Пс. 120, 6](#)). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гневе твоём*, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгучим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о нощном нашем унынии и лености. Наконец, требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь – Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь*. Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он придет с благословенным Отцом и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветит сердце твое радостью неизглаголанною (Отв. 171). Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит [Григорий Богослов](#), есть хлеб Ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания Апостолов должно читать *стоя* пред св. иконами, а псалмы можно читать *сидя*. От чтения св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитывать всю [Библию](#) разумно. За одно такое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разума.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины [Священного Писания](#) и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, учит преподобный [Исаак Сирин](#), охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждой и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная [молитва](#). Пока не примет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, – имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится через вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою ([Исаак Сирин](#). Сл. 58).

Следует также снабждать душу и познаниями о Церкви, как она от начала доселе сохраняется и что терпела она в то и другое время, – знать же сие не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также для убеждения и утешения своего духа. Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи (118,165)*».

С о. Серафимом находилась Псалтирь с воследованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых, строгих пустынножителей. Так, около полунощи, вставши от сна, он совершал правило [Пахомия Великого](#), читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. При наступлении девятого часа он читал часы третий, шестой, девятый и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением сперва по уставу св. [Пахомия Великого](#), а потом, применительно к сему уставу, составил свое чинопоследование, которое известно под именем *келейного правила*.

Келейное правило отца Серафима

Прежде начатия Псалтири читай сие: Боже, очисти мя грешного и помилуй мя. *Поклон.* Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклон.* Без числа согреших, Господи, прости мя. *Поклон.* Боже, милостив буди мне грешному. *Поклон.* Боже, прости мне беззакония и согрешения. *Поклон.* Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. *Поклон.*

Господи, **аще** словом или делом согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть. Слава и ныне. Господи, помилуй. *Трижды.* Благослови. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. *Трисвятое.* По [Отче наш](#):

На славах:

Слава, и ныне. Аллилуиа, *трижды.* Господи, помилуй, трижды. Посем: Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущие: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братии наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное. По окончании кафизмы читай:

Тропари и кондаки.

В беззакониях зачався аз блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человеколюбие Твое, зову: Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя.

Аще праведник едва спасается, аз где явлюся, грешный? Тяготы и зноя дневнаго не понесох; но поне с наемниками единонадесятаго часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятия Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждих, житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших на небо и пред Тобою.

Достойно есть яко воистину, *до конца.*

Согреших к Тебе, Спасе, яко блудный сын: прими мя, Отче, кающагося, и помилуй мя, Боже.

Зову к Тебе, Христе Спасе, мытаревым гласом: очисти мя, якоже онаго, и помилуй мя, Боже.

Милосердия сущи источник, милости сподоби нас, Богородице; призри на люди согрешившия, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе, Радуйся, вопиим Ти, якоже Гавриил, бесплотных Архистратиг.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства! Чистоте запечатанной и девству храниму, Мати позналася еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спастися душам нашим.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Небесных воинств Архистратизи, молим вас присно мы недостойнии, да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественныя вашей славы, сохраняюще ны, припадающия прилежно и вопиющия: от бед избавите ны, яко чиновначальницы вышних Сил.

Боже Отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не остави милости Твоя от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи, души раб Твоих; на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Упование христиан, Пресвятая Дево, Его же родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли с горними Силами, дати оставление грехов нам всем, и исправление жития, верою и любовью присно Тя чтущим.

Господи, помилуй. *Сорок.* И молитву святого Ефрема:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. *Поклон.*

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми рабу Твоему. *Поклон.*

Ей Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего: яко благословен еси во веки веков, аминь. *Поклон. Таже малых дванадцать поклонов, глаголюще на кийждо поклон:* Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя. *И паки последи молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончании трех кафизм глаголи:

Создавый мя Господи, помилуй мя.

Без числа согреших, Господи, прости мя.

Боже, милостив буди мне грешному.

Боже, прости моя беззакония и согрешения.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим.

Господи, **аще** словом, или делом, или помышлением согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоя ради.

Достойно есть: Слава, и ныне. Господи, помилуй, *трижды*. Благослови. Молитвами святых отец наших.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе: Царю небесный: Трисвятое: По Отче наш: Господи, помилуй, *дванадцать*. Приидите поклонимся, *трижды*. И псалом пятидесятый, и: Верую во единого Бога Отца:

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой: Троице Святая, слава Тебе.

Отче наш, и проч.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Кресту Твоему, *и проч.*

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч.*

Взбранной Воеводе победительная, *и проч.*

Преславная Приснодево, *и проч.*

Все упование мое, *и проч.*

Богородице Дево, не презри мене грешного, *и проч.*

Упование мое Отец, *и проч.*

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного; и прости моя беззакония и согрешения.

Всемилоостивая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дева, Богородице Марие, Мати Божия, спаси мя грешного.

Святии Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне грешном.

Святой Ангеле Господень, Хранителю мой Святой, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мне грешном.

Вси Святии, помилуйте мя и молитесь ко Господу Богу о мне грешном.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Спаси, Господи, и помилуй отца нашего строителя иеромонаха (имя рек), со всею о Христе братиею: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй.

Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан на всяком месте владычества Твоего, и подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами меня, окаянного, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братии наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, и подаждь им, Господи, причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Слава и ныне. Аллилуиа *трижды*. Слава. Спаси, Господи, и помилуй всех православных.

И ныне. Упокой, Господи, души усопших, *и проч. Посем*. О Тебе радуется: Слава и ныне. Господи, помилуй. *Трижды*. Благослови. Молитвами святых отец наших:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша вольная и невольная, яже в слове и деле, яже в ведении и не в ведении, яже во дни и в нощи, яже в уме и в помышлении, вся нам прости, яко благ и человеколюбец. Ненавидящих и обидящих мя прости, Господи человеколюбче, *и проч. Молит.*

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия: ликуй ныне и веселися, Сионе, Ты же Чистая красуйся, Богородице, о возстании Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповедуем спасеннии Тобою, Дево чистая, с бесплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч.*

Радуйся, девственное похвало, радуйся, Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными песньми величает.

Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы, но предвари яко Благая на помощь нас, верно зовущих Ти: ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно, Богородице, чтущих Тя.

Милосердия двери отверзи нам, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетленная, *и проч.*

Молитва на повеч.

Слава; и ныне. Господи, помилуй. *Трижды*.

Благослови. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

* * *

Провождая жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыни он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собой по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий. Также он

употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить *ничим же обители* и, по примеру великого подвижника ап. Павла, питаться, *делаяще своими руками* (4, 12). Впоследствии времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и хлеба *насущаго*, а, по благословию настоятеля Исаяи, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Св. Тайн в субботу. Еще через некоторое время воздержание и постничество о. Серафима дошли до невероятной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух с половиною лет. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Но пред смертью, в разговоре от 10 мая 1832 года с одной доверенной особой, которая тогда же записала свою беседу, о. Серафим открыл это, начавши так:

«Ты знаешь снитку? Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье».

«Я спросила его о снитке, что это значит? За притчу ли это принять или что действительное? Он отвечал: «Экая ты какая! Разве не знаешь *травы* снить? Я это тебе говорю о самом себе. Я сам это себе готовил кушанье из снитки».

Я спросила его, как зиму он ее кушал и где брал?

Он отвечал: «Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал».

Я спросила: а долгое ли время он кушал ее?

Он дал мне точный ответ и на это. Но я забыла, без скольких именно дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более Двух с половиною лет, невступно три года, он питался одною сею травкою».

По будням, спасаясь в пустыни, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннею литургиею в больничной церкви свв. Зосимы и Савватия причащался Св. Христовых Тайн. Затем до вечерни он принимал в монастырской келье приходивших к нему, по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляли его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустынь. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался Св. Тайн. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаяя.

Так проводил старец дни свои в пустыни. Другие пустынножители, имена которых мы упоминали уже, имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Отец Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожителемствовывать с о. Серафимом в пустыни и были приняты им, но ни один из них не мог вынести трудностей пустынножического жития; ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться, в качестве ученика, подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвращались опять в обитель. Посему хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они в строгом смысле учениками не были и название Серафимов ученик в то время не существовало. «В пребывание его в пустыни, – говорили тогдашние Саровские старцы, – вся братия была его учениками».

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустынь. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустроению жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшийся в пустыни. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний – однажды. Отец Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах. На сердце их с особенной глубиной напечатлелась беседа его о непрестанной внутренней или умной молитве, ее силе и значении – учение, которое известно стало о. Серафиму не из книг, а из собственного опыта жизни. Краткий образчик этой беседы мы находим в следующем наставлении о. Серафима о молитве.

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешнага*, или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородица, спаси нас*, или говорить поздравление Ангельское: *Богородице Дево, радуйся!* Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам св. [Исаака Сирина](#), кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Сл. 69, лист 142).

Виды молитвы весьма хорошо изъяснил св. Симеон, Новый Богослов (Добротолубие, часть 1, лист 61. Слово о трех образах молитвы).

Достоинство же молитвы ясно определил св. Златоуст: велие, говорит он, есть оружие [МОЛИТВА](#), сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, пичина тишины и множеству благих дел корень, источник и мати есть (Маргар. Сл. 5 о непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую перед ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствами.

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит св. Макарий: все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить (Сл. 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния, и стараться, чтобы все служило к Его благоугождению».

Несмотря на редкость посещений, пустынножителем Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженным в богомыслие. В таком случае, не решаясь нарушать его духовных занятий, они ожидали, неведомо для старца, окончания их. Случалось и так, что, пождав около часа, они не получали свидания с ним, уходили в свои места и, имея такой живой урок подвижничества пред собою, сами с вящим усердием предавались духовным подвигам.

Из посторонних посетителей о. Серафима в это время особенно известен один Нижегородской губернии диакон, впоследствии иеромонах и подвижник Тимон. Он происходил из духовного звания, окончил полный курс учения в Нижегородской семинарии и был человеком образованным. Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверх его желаний. Потом он хиротонисан был во диакона. Но в скором времени Господь разрешил его от уз брачных: немного поживши,

супруга его скончалась. Оставшись свободным, этот о. диакон часто ходил в Саровскую пустынь. Тут он сблизился с пустынножителями о. Серафимом и Марком. Старцы, видя его искреннее усердие к богоугодному житию, охотно приняли его в свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова их падали на добрую землю. Отец диакон поступил в монашество и в сане иеродиакона был экономом при архиерейском доме. Нижегородский преосвященный желал посвятить его в иеромонаха. Но «аз, – говорил о себе Тимон, – никак не соглашался, потому что все желание мое было в пустыни жить одному, с единым Богом». Спустя много лет преосвященный послал его в городской монастырь строителем. Однажды, приехавши в монастырь для служения, архиерей сказал, что неприлично быть иеродиакону строителем, и хиротонисал его во иеромонаха, хотя он и не искал этого. «Аз же, – говорил о. Тимон, – пожелал на покой в Костромскую епархию, в Кривозерский монастырь, который и прежде знал». Святейший Синод его уволил от монастыря, и игумен Кривозерский благословил ему поселиться во внутренней пустыни, где он прожил один почти двадцать лет. Близ того места, где была внутренняя пустынь о. Тимона, стоял монастырский хутор и небольшая старая [церковь](#). С хутора доставляли пустынножику пищу. Потом, «грех моих ради великих, – повествовал о. Тимон, – повелел Господь мне из пустыни выйти на хутор, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустыней и воспротивился Господу своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезши мне пищи, нашли меня без памяти и без языка и всего разбитого, и взяли меня и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня исцелил в скором времени, яко николи же был болен. И аз благодарил Господа Бога моего, и более противиться воле Божией не стал, и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие. И аз, с помощью Божией, в скором времени устроил сию обитель». Обитель эта называется ныне Надеевскою пустынею и состоит в Костромской епархии¹.

Если же вне пустынной кельи своей старец неожиданно встречал кого-либо в Саровском лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и удалялся прочь: «от молчания никто никогда не раскаявался», говорил он впоследствии в своих наставлениях. На людей, лично не знавших о. Серафима, такая внезапная встреча с ним в пустынной местности, при его костюме, производила чудное впечатление, никогда неизгладимое, и нередко поучала их добродетели не менее самой его беседы. Строгости его жизни и отношений к другим соответствовали и первые опыты его учения в духе подвижническом, отличающиеся верностью мысли, краткостью и силой выражения:

«Совершенная любовь к Богу, – учил он, – соединяет любящих с Богом и между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовью не мыслит.

Уединение, [МОЛИТВА](#), любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо.

Истошай тело свое постом и бдением – и отразишь мучительный помысл сладострастия.

Как дело Божие правит миром, так дело души – управлять телом.

Похоть истребляется страданием и скорбью, или произвольной или посылаемой Промыслом.

Какою мерою меришь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ.

Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего.

Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях.

Хорошо бесстрастие: Сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых.

Не будь нерадив в деятельной жизни – и просветится ум твой; Сам Бог обещает это: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебе* (Исайи, 45).

Уединение и молитва – великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым.

Подвижничество требует терпения и великодушия: ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием.

Кто переносит с молитвой удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным.

Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен.

Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укореняясь, рождает терпение – навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам, опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ.

Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные *страхования*. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни,

однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь кельи, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восьмью человеками с трудом был вынесен из кельи. В другие разы, и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему *видимо* вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так он, по Божию попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что если бы не Ангел-хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самых злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам... По крайней мере, заметно, что старец точно видал злых духов. Ибо один мирянин в простоте сердца спрашивал его: «Батюшка! Видали ль вы злых духов?»

Старец с улыбкой отвечал:

«Они гнусны... как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно: потому что они гнусны».

Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силою крестного знамения и молитвами. После них долгое время он пребывал мирно в своей пустыни, благодаря Господа за сей мир и спокойствие.

Духовное начальство знало о Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца *аввою*, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. Отца Серафима предназначали было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего Саровского настоятеля Исаяю отклонить от него это назначение. Строителю Исаяи и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Жарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно из повиновения, принял на себя это звание. В другой раз о. Серафима предназначили строителем в Краснослободский Спасский монастырь.

Но и в настоящем случае, по просьбе о. Серафима, по взаимной любви и согласию братии его заменил иеромонах Иероним.

Видя смиренномудрие старца Серафима, диавол воздвиг на него большое гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силой, от которых пал некогда великий во отцах Феофил, экононом Аданской церкви (см. Четьи-минеи, 23 июля). В тяжком душевном обстоянии старец Серафим обратился к Господу, подвигоположнику нашего спасения, Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, а сам решился усилить свои иноческие труды, чтобы при помощи свыше разрушить страшные козни диавола, повергавшие его в уныние. Благословясь, он принял на себя новый высший молитвенный подвиг.

В глухом лесу, на половине пути от кельи к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге св. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он обыкновенно или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди ми грешному*. Чтобы уравнивать ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келье имел камень. На нем он молился *во время дня* с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нес по временам в течение тысячи суток. «Нам все старание должно иметь о душе, – говорил о. Серафим в наставлениях, – тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа. Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то такое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели». От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изнурению сил духа и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаяи игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился *черновой* отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений

своей жизни он, в назидание слушателям, рассказал и о своем подвиге некоторым из братии.

Один из слушателей этого рассказа, будучи подвигнут удивлением к подвигам моления на камнях, заметил, что это свыше сил человеческих. Подвижник в объяснение совершенной возможности дела заметил со смирением: «Св. Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?»

Собеседник же со своей стороны прибавил: «В этом подвиге, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрепляющей?»

«Да, – отвечал старец. – Иначе сил человеческих не достало бы... Внутренно подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца Светов...»

Потом, немного помолчав, прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

В последних словах, против воли старца, высказался дух его моления. Он молился с умилением, и молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12 сентября 1804 г. подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. Отец Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова Спасителя: *все приемшии нож ножом погибнут* ([Мф. 26, 52](#)), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно Господа ради. Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням кельи, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и

ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку... А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сени, сами бросились в келью, соображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали и ничего для себя не нашли: видели только у него св. икону да попало несколько картофелю. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избили благочестивого человека, какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали. Между тем о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц, и, проведши ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежды, измятые, окровавленные, засохли и по местам пристали к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулись и спрашивали: что с ним такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаяю и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастьем о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Дьявол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни. Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель старец Исаяя, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовавши старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить это о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье о. Серафима; он состоял из трех врачей, с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между

собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. Отец Серафим с глубокой признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе. Когда все это происходило, кто-то вдруг крикнул: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул: сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение. Подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная славою. За Нею следовали свв. апостолы Петр и Иоанн Богослов. Оставаясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показывала на больного и, обратясь пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять, обратись лицом к старцу, сказала: «*Сей от рода нашего*», и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали. Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исая с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келье и вечером в девятом часу подкрепился пищей, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою естественную прямоту и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгой или палкой. Так эта согбенность, это уязвление в пятую служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустынножизни, то просил настоятеля Исая снова отпустить

его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии, и сам искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая св. мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления, какие бы ни случились. Он боялся только душевных разбойников, твердо помня слово Спасителя: *не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих губити, убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* ([Мф. 10, 28](#)). Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаяя благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келью.

С новым поселением старца в пустыни диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своем. «В противном случае, – говорил старец, – я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место». Строителю же о. Исаяе, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Отец Серафим представил отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян; в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и св. его молитв.

Из своей продолжительной и разнообразной борьбы с диаволом о. Серафим вынес основательный и верный взгляд на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносил большую пользу другим во спасение души. Так, один инок, намереваясь поселиться в совершенном уединении, пришел к о. Серафиму в пустынь и, волнуемый разными мыслями насчет пустынножительства, спросил его:

«Отче! Говорят некоторые, что удаление от общежительства в пустынь есть фарисейство; что пременением оказывается пренебрежение братии или, еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

Старец отвечал: «Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь [Бог](#). И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при

множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: *бегай людей и спасешься* (Четьи-Минеи, 8 мая)».

Другому иноку, после тщательного испытания, было дано настоятелем благословение начать пустынножизнь. Настоятель писал и письмо к отцу Серафиму, прося его принять к себе этого инока и наставить на путь пустынной жизни. Отец Серафим весьма ласково принял его и благословил ему построить себе пустынную келью неподалеку от своей. Когда иннок стал еще прежде сего просить у него наставлений касательно пустынножизни, то старец, по глубочайшему смирению, а еще скорее по великому благоразумию и опытности в этом деле, отвечал: «Я сам ничего не знаю». Потом, как бы желая удовлетворить любознанию инока, присовокупил: «Спаситель сказал: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). По разуму св. Иоанна Лествичника, не от Ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научиться».

Вообще, он неохотно советовал другим поселяться в пустыни и в предостережение объяснял, что живущий в пустыни должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыни – точно как со львами и леопардами. А потому если и склонялся в сторону пустынножизни, то никому не благословлял уединяться одному, а советовал отходить на пустынные подвиги двум или даже трем единовременно. В доказательство он приводил всегда следующие слова из Писания: *блази два паче единого, им же есть мзда блага в труде их: яко аще падется един от них, воздвигнет другой причастника своего: и горе тому единому, егда падет, и не будет второго воздвигнута его: и вервь переплетена не скоро расторгнется* (Екк. 4, 9-12). Брат от брата помогает, яко град тверд и высок, укрепляется же, яко же основанное царство (Притч. 18, 19).

Лучшим свидетельством верности и основательности взглядов о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служат его аскетические статьи.

Господь Бог в награду за подвиги и победу над диаволом ниспослал на о. Серафима дар прозорливости, действия которого обнаруживались в первый раз именно здесь, в дальней пустыни. Так, Саровские иноки свидетельствуют следующее: один боголюбивый посетитель Саровской обители положил в душе своей непременно вступить в нее для спасения себя в звании иноческом; но, возвратясь домой, он увлекся мирскою жизнью, потом вступил в брак и имел двух детей. Совесть, однако же,

напомнила ему обеты сердца, и он, прибыв снова в Саров, как грешник, кланялся в ноги Саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев присоветовал ему обратиться к о. Серафиму. Увидав о. Серафима, выходящего из кельи, с заступом в руках, так как это был праздничный день, когда старец являлся к литургии, этот приезжий бросился к нему в ноги, умоляя дать совет в его душевном расстройстве и помолиться Господу, чтобы Он принял его на желанный путь иноческий. Отец Серафим, выслушав его безмолвно, спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Когда же он, забыв о жене и детях, клялся быть до смерти верным исполнителем монастырских правил, изъявляя готовность и усердие понести какую-нибудь эпитимию, то старец Серафим, провидя возможность исполнения его обещания, сказал: «Если ты точно по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой!» Затем он благословил этого человека и отпустил от себя. Вскоре действительно умерла жена, а за нею и дети его, так что он, не связанный более с миром никакими житейскими узами, пришел в Саровскую пустынь, был в ней пострижен в монашество и умер истинным иноком.

1

Об этом старце Тимоне иеромонах Парфений, строитель Гуслицкого монастыря, в известном сказании о своих странствиях (Москва, 1855 г., в 4 частях) рассказывает следующее: «Однажды, избрав удобное время, я отправился к старицу Тимону и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300-пудового колокола звону не мог слышать, а разговаривал манием или на письме. Но когда начал подъезжать к Надеевской пустыни, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Егда же, приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премного возрадовался душа моя и вострепета сердце мое. Он же меня благословил и ввел в келью свою, разверз медоточивые своя уста и начал мене поить от изобильных своих источников живою водою, и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что яко бы никогда я не бывал раскольников, и в то же время перекрестил я лицо свое в три перста во имя Св. Троицы, и более уже не творил крестнаго знамения двумя перстами, даже до сего дня. Воистину дан сему старицу от Господа Бога такой дар премудрости, что ему никто не мог противиться, и во всем моем многолетнем странствии подобного ему в словесном даре не видал. Потом аз много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во святую Его [Церковь](#)» (часть I, с. 193–195).

Глава V (неполная).

Монахиня Ермиония, старица, определенная в обитель самим о. Серафимом, рассказывала, что когда она пришла к о. Серафиму, то, посылая ее жить в Дивеево к родной тетке, послушнице Евдокии

Ефремовне (впоследствии монахиня Евпраксии, удостоенной в день Благовещения видения Божией Матери в Серафимовой келье), батюшка сказал последней, державшей ее за руку и приведшей на благословение: «Отведи ее к матушке Ксении Михайловне. Во, матушка! – сказал старец, обращаясь к отроковице. – Ксения-то Михайловна жизни высокой, бич духовный, матушка!» «И действительно, – рассказывает монахиня Ермиония, – и вправду она была строга; станет выговаривать, думаешь, вот-вот убьет, сейчас тут умрешь, а кончит – делается прещедрая; скажет бывало: «Ну-ка, ну-ка, Оря (так звали ее дочь), прочти-ка вот ей такое-то житие!» Она сама была неграмотная. И прочтет Ирина Прокофьевна, что велит матушка». «Вот видишь ли, Евдокиюшка, – скажет Ксения Михайловна, – как трудно идти-то в Царствие Небесное, ведь оттого так-то я и выговариваю. Ну, матушка, иди! Погляди-ка, Оря, нет ли тут у нас чего, не принес ли кто чего-нибудь, дай ей!» «И мне же, бывало, чего сунув, отпустит», – говорила Евдокия Ефремовна. Последняя жила одно время у Ксении Михайловны келейной, и у нее были две красненькие тесемочки; раз подпоясалась она ими. Увидала это матушка. «Что это, – говорит, – вражью-то силу ты на себя надела!» Взяла Ксения Михайловна, сняла тесемочки с нее и сожгла их в печке. Не терпела она, чтобы носили хорошую одежду.

«Было это с Евдокией, – повествует монахиня Ермиония. – Раз как сшили ей первую ряску, матушка ее не видала. Пришла она в [церковь](#), стоит, а она, наша голубушка, своею клюшкою-то и достает. «Кто это? Кто это? – спрашивает Ксения Михайловна. – Ах! Это всечестная Евдокия! Что это ты делаешь, матушка: на что это ты восемь-то бесов себе посадила! (т. е. восемь клиньев). Выпори, выпори, – говорит матушка, – четыре-то беса!» В другой раз идет тетка Евдокия двором, надев сарафан из посконного холста, только что выкрашенный, новый. Увидала матушка, кричит: «Стой! Стой!» Подошла она. «Аи, аи, матушка, – говорит она. – Бога ты не боишься, Евдокиюшка всечестная! Что надела плисовый-то сарафан! Подбери, подбери все кругом, матушка, подрежь, чтобы рубашка была бы видна, чтоб не до полу было!» Так была строга матушка Ксения Михайловна».

Все начальницы и сестры Дивеевской общины ходили в трудные часы испытаний, горей и борьбы духовной подкрепляться молитвой на могилку незабвенной и великой старицы Матери Александры. По свидетельству сестер первой общинки, переданному протоиерею о. Василию Садовскому, и также согласно показаниям священника обители о. Александра Филиксова, все жившие при Казанской церкви священнослужители и многие другие видели по ночам на могиле матери Александры огонь и горящие свечи, по временам слышали необычайный звон, а некоторые ощущали необыкновенное

благоухание, исходящее из могилы ее. Затем в могиле слышалось какое-то журчание, и поэтому сложилось поверье в народе, что источник, открывавшийся под горою, исходит из могилы матери Александры. Так называемый дальний источник матери Александры великая старица сама вырыла, когда для создаваемой ею Казанской церкви ломали камень для извести. Она приходила носить камни и для утоления жажды рабочих и прохладения от трудов и жары вырыла этот колодезь. Народ считает этот источник целебным и приносит купать в нем больных детей.

Как было уже сказано, старец о. Серафим после смерти строителя Исайи не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно *молчальничество*. «Паче всего должно украшать себя молчанием, – говорил он, – ибо св. [Амвросий Медиоланский](#) говорит, что молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия сущности мира сего». Отец Серафим стал руководиться деяниями двух древних подвижников – [Арсения Великого](#) и Иоанна молчальника и пустынника. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустынку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредет он во время вьюги по снегу, утопая в нем по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Вошедши в сени, он произносит молитву, а старец, сказавши про себя: *аминь*, отворял дверь из кельи в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу на землю: сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись, по обычаю, и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях.

Со своей стороны о. Серафим клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принесший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, попросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услышав от о. Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знаменья молчальничества.

Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу. Такое молчаливничество, по описанию самого старца, имело многие плоды. Оно решительно обезоруживало диавола для борьбы с пустынножителем. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил о. Серафим, – тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчаливника разные плоды духа. От уединения и молчания, – говорил он, – рождаются умиление и кротость: действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исайя: *воды Силоамли текущая тисе* (тихо) ([Исайи 8, 6](#)). В соединении с другими занятиями духа молчаливничество возводит человека к благочестию. Пребывание в келье в молчании, в упражнении, в молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым; ибо, по словам св. отцов, келья инока есть пещь Вавилонская, в которой трие отроцы Сына Божия обретоша. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только седи в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: *на кого бо, говорит Он, возрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* ([Исайи 66](#), г). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл не развлекаемым. Наконец приобретшаго сие ожидает мирное состояние». Вот как старец Серафим проходил подвиг молчаливничества! Вот чего хотел он достигнуть путем сим, *возложив всю печаль свою на Господа* ([1Петр.5,7](#)).

Многие из братии очень жалели об удалении старца от общежития с ними. С возложением на себя молчания он лишал их своих советов и руководства. Ближайшие к нему даже спрашивали его, зачем он уединяется, когда бы, пребывая в близком общении с братиею, мог назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей. Старец отвечал, говоря словами св. отцов: «Возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире, – сказал св. [Исаак Сирин](#). И св. [Григорий Богослов](#) рек: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

Молчаливничество не было, однако же, таким подвигом, на котором старец Серафим решил бы покончить жизнь свою. Через него, как бы лестницею, получив большее совершенство, он перешел к высшему подвижничеству, называемому *затвором*. Поводом к этому послужило

следующее обстоятельство. В описываемое время настоятелем был, как уже известно, о. Нифонт, муж богобоязненный, добродетельный, отечески любивший братию, входивший во все потребности и нужды каждого брата, ревнитель устава и порядков церковных. Отец же Серафим, со времени смерти старца Исаяи, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Тайн. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги, ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Тайн, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассмотрение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Тайн, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жить в монастырскую келью. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим. Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить соборное предложение в следующее воскресенье. Принесши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение... Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был по болезни ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские врата после 15-летнего пребывания в пустыни, о. Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Это было днем до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Столько лет уже не бывал старец в обители! Братия удивились, когда мгновенно разнесся слух, что о. Серафим решил жить в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства. На другой день, 9 мая, в день святителя и чудотворца Николая, о. Серафим пришел, по обычаю, в больничную [церковь](#) к ранней литургии и причастился Св. Христовых Тайн. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келью строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келье, к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый, труднейший подвиг затворничества. Молчание о. Серафима

было, видимо, переходом к затвору. В келье монастырской о. Серафим продолжал то, что уже начато года три тому назад в пустыни, с которою, быть может, он и соединил бы затвор, если бы не повстречались указанные обстоятельства.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келье своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых общих вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня. По словам Саровских старцев, в это время для умерщвления плоти, *да дух спасется*, он носил на плечах своих под рубашкой на веревках большой пятивершковый железный крест, который, вероятно, и назван веригами в прежних его жизнеописаниях. Но собственно вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди». В Дивеевском жизнеописании о. Серафима, наоборот, говорится о веригах и поясе, которые и доныне хранятся в церкви Преображения.

Послушник Иван Тихонов рассказывает (Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, с. 37), что, поступив в Саровскую пустынь 18 лет и читая жития св. отцов, решил он непременно, Господа ради, возложить на себя что-нибудь для умерщвления тела. Он в течение трех лет домогался получить чрез каких-либо духовных особ желаемые вериги или власяницу, и когда он добыл вериги, то «восхитился тщеславной мыслью, которая неприметно закралась в глубину его сердца». Когда он пришел к о. Серафиму, то великий старец сказал ему улыбаясь: «Вот что я скажу тебе: приходят ко мне Дивеевские младенцы и просят моего совета и благословения, один носить вериги, а другие – власяницы, то как ты думаешь: по дороге ли их дорога-то? Скажи мне». Ничего не понимая, Иван Тихонов ответил: «Я, батюшка, не знаю». Когда же батюшка Серафим повторил вопрос, то Иван Тихонов, как уверяет, вдруг вспомнил, что ведь и он пришел к старцу за благословением носить вериги, а потому высказал о. Серафиму свою просьбу. «Как же ты не понимаешь? Ведь я тебе об этом-то и говорю!» – сказал о. Серафим. Затем старец начал объяснять ему все безумие его подвига. «Многие из св. отцов носили вериги и власяницу, – говорил о. Серафим, – но они были мужи мудрые и совершенные; и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и покорения их духу². Но младенцы, у которых царствуют в теле страсти, противящиеся воле и закону Божию, не могут этого делать. Что в том, что наденем и вериги, власяницу, а будем спать, и пить, и есть столько,

сколько нам хочется?» Затем, намекая на недостатки Ивана Тихонова, о. Серафим продолжал: «Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью и, с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство к себе. Из этого рассуди сам, как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни; и это все оттого, что мы мало о ней рассуждаем и внимаем ей».

Одежда о. Серафима теперь была та же самая, что и в пустыни. Питием его была одна вода, а в пище он употреблял только толокно да белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему брат, отец Павел, вблизи живущий, подошедши к келье, сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном. Покров, набрасываемый на лицо, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые куколем скрывали вид свой, *во еже не видети суеты*. Случалось и так, что старец вовсе не являлся брату, и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Молитвенные труды его в затворе, по свидетельству Саровских иноков, были велики и разнообразны. Как и в пустыни, он совершал теперь свое правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Сверх того, он предавался подвигу умной молитвы, читая в сердце попеременно то молитву Иисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитве, старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял пред св. иконой, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов.

В течение недели он прочитывал весь [Новый Завет](#) по порядку: в понедельник – Евангелие от Матфея, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, в остальные дни – Деяния и послания св. Апостолов. В сенях, сквозь дверь, иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя Евангелие и Деяния св. Апостолов. Деяния св. Апостолов он толковал вслух довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слово в сладость утешения и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Св. Тела и Крови Христовой.

Для сохранения во всей чистоте затвора и молчальничества пренебесные Тайны по благословию строителя Нифонта приносили ему из больничной церкви в келью после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собой, о. Серафим сделал себе гроб и поставил его в сенях затворнической кельи. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. Отец Серафим в беседах с Саровскими братьями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Из сокровенных подвигов этого времени нечаянно сделался известен один, в котором с духовным деланием старец соединял телесный труд, освежая грудь свою чистым воздухом. Это открыл случайно брат, исполнявший в монастыре послушание будильщика. Однажды утром, вставши ранее обыкновенного, послушник отправился на кладбище близ соборного храма, где почивают достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятников, брат заметил у кельи о. Серафима человека, который двигался быстро назад и вперед. Воображение инока встрепенулось. Он оградил себя крестным знаменем и с молитвой стал всматриваться в ночное видение. Оказалось, это был сам подвижник, старец Серафим. Читая чуть слышно молитву Иисусову, он переносил тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое ближайшее к келье место. Обрадованный видением затворника, который давно никому не являлся, будильщик бросился к нему в ноги и, целуя их, просил его благословения. Старец, благословив его, сказал: «Оградись молчанием и внимай себе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта: всякий мог прийти к нему, видеть его, старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келью, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

Тамбовские архиереи, любя Саровскую пустынь, с усердием посещали ее, обыкновенно раз в год в августе месяце, на храмовый праздник Успения Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть о. Серафима, пришел было к его келье, но старец, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодничества, не нарушил своего молчания и затвора. Отец Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться еще примером [Арсения Великого](#), которому подражал в подвигах затвора и

молчания. Феофил, архиепископ Александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери? Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему». Так и о. Серафиму еще не наступило время – хотя и недалеко уже оно было – оставить затвор. Игумен Нифонт предлагал было снять двери с крюков, думая, вероятно, не отошел ли старец уже ко Господу; но преосвященный Иона не согласился на это, говоря: «Как бы не погрешить нам». Оставив старца, он удалился в мире из обители. Через неделю после этого случая прибыл в Саров тогдашний тамбовский губернатор [Александр Михайлович](#) Безобразов, с ним была жена его, и оба они пожелали принять благословение о. Серафима. В это время, видно, окончился срок строгого затворничества и молчания, положенный на сердце о. Серафимом. Когда губернатор с женой подошли к келье, старец сам отворил первым им двери своего затвора и благословил их. Это было через десять лет после начала затвора. С этого времени начали приходить к нему многие из братии, с которыми он стал уже вступать в беседу.

Так, из братии нередко бывал у о. Серафима инок Гавриил. Вступивши в обитель, он два года не видал о. Серафима и после очень жалел об этом, но когда пришел к отцу Серафиму, старец с первого же раза привлек к себе его сердце. Со своей стороны и Гавриил полюбился старцу, ибо он имел сердце чистое, прямое, со всеми обращался как перед Богом, удаляясь всякой скрытности. После сего этот Гавриил пять лет находился под руководством чудного старца, пережив в обители и его кончину. Если что смущало молодого инока, располагало к искушениям, он шел к старцу Серафиму, тревожимый страхом, но после беседы с ним возвращался в свою келью в мире и восхищении духовном. И во всем простосердечный Гавриил поступал так, как руководствовал его батюшка о. Серафим.

Много сказано было ему на пользу вперед. Не скрыл батюшка Серафим и того, как много горестного предстоит молодому иноку на пути жизни. По переселении о. Серафима в вечность Гавриил с восхищением вспоминал о его жизни и своих беседах с ним и с глубокою горестью говорил о важности сей потери для него. В отраду же сердца и жизни он взял и всегда имел при себе портрет старца Серафима.

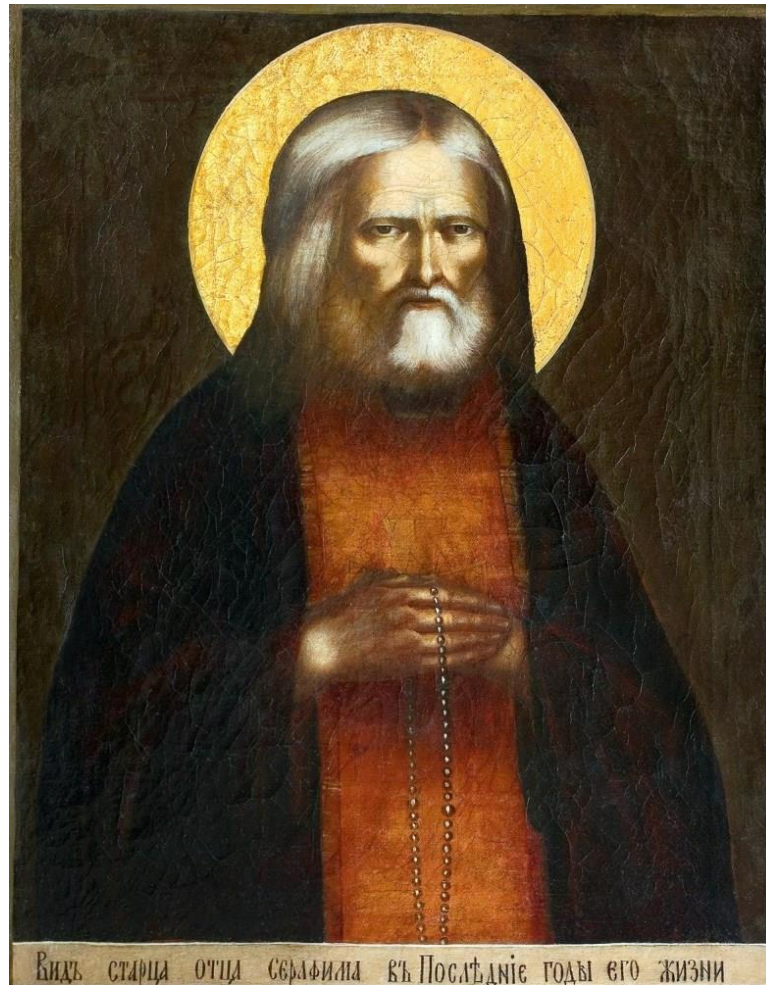
Здесь представим в общих чертах те наставления, какие делал старец приходящим к нему инокам Саровской обители. Все было направлено к утверждению их в соблюдении правил иночества. Он внушал братии совершать церковное богослужение неопустительно по церковному уставу и, присутствуя в храме, сам следил за этим делом, советовал всем ходить на церковные службы, на молитве в церкви стоять с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же разве тогда, как уныешь

или сон отягощать станет; обращать в таком случае глаза на образ или на горящую свечу! Развивая эту мысль подробнее, о. Серафим учил так: «На жизнь нашу смотреть надобно, как на свечу, делаемую обыкновенно из воска и светильни и горящую огнем. Воск – это наша вера, светильня – надежда, а огонь – любовь, которая все соединяет вместе, и веру и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при горении своем и угасая – так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме да вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни; ибо как тает свеча, зажженная пред ликом Божиим, так с каждой минутой умалется и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтоб жизнь наша пред Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающую смрада». Отец Серафим внушал непрестанно заниматься умною молитвою, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушание, не вкушать пищи до времени, определенного уставом: на трапезу непременно ходить, хотя бы и не хотел кто кушать, чтобы отсутствием не соблазнял братии; за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, с благодарностью вкушать предлагаемое; без уважительной причины и благословения не выходить за ворота монастыря, а тем более не покидать совсем иноческого пути, удерживаться от своеволия, губительные последствия которого неисчислимы; терпеливо сносить все искушения для спасения души ([Мф. 10, 22](#)), хранить взаимный мир. Бог обитает только в жилище мира, как сказано: *в мире место Его* ([Пс. 75, 3](#)).

На иноке, который исправлял в больничной церкви пономарскую должность, лежало послушание ежедневно, после каждой литургии, носить к о. Серафиму часть св. антидора, собственно для него отделяемую. Затворник иногда сам принимал этот дар, а иногда не являлся к принесшему брату. Последний полагал в таком случае часть антидора в чистую сумочку, для сего повешенную у двери, и, сотворив молитву, якоже обычно, удалялся восвояси. Из больничной же церкви по воскресным и праздничным дням ему носили в келью Св. Дары для причащения.

Глава VI.

Письменные наставления отца Серафима

1. О Боге. Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живет.

Где [Бог](#), там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневаем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония? И когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным и правым; но Сын Его показал нам, что, Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас ([Исаак Сирин](#). Сл. 90, л. 171 на обор.).

Поколикую человек совершенствуется здесь пред Богом, по-толикую ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лице Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его как в зеркале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует Богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщению своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

2. О вере. Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть и взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11,6). Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть крестом, помощью вервия, то есть благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26), а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел, кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О надежде. Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно, дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне еси труждающися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня, и утетишься от труда и страха.

В Евангелии св. Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещано Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вождеденного Спасителя миру и, с радостью приняв Его на свои

руки, сказал: теперь Ты отпускаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня царство, ибо я увидел надежду мою-Христа Господня.

4. О любви к Богу. Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с Ангелами взлетит, как бы от чужой страны на родину.

5. О страхе Божиим. Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс.2,11)*.

Он должен проходить путь свой с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением (Иерем. 48, 10)*.

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (то есть сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гади, имже несть числа*, то есть в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые, – порождения злых духов.

Бойся Бога, говорит Премудрый, и заповеди Его храни ([Еккл. 12](#), 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола, для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай. Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благодати Божией.

6. Об отречении от мира. Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрехшись от всего, что в мире, соберет все свои мысли и

чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам прп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища! И како воспоем песнь Господню на земле чуждей? Мир сей есть область инаго, то есть князя века сего (Сл. 15).

7. О безмолвии. Преподобный Варсонофий учит: доколе на море – корабль терпит беды и приращения ветров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приращения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приращений мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстями и похотями. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит Апостол, *аще с Ним страждем, с ним и прославимся*. Другого пути нет (Варс. Отв. 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

8. О внимании к самому себе. Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рискающий, иский кого поглотити* ([1Петр. 5, 8](#)), и те, которые напрягают лук свой *состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. ю, 2).

По учению св. отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоём, очевидно, в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твоё, то узнавай это по делам его (Ант. Сл. 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит [Исаак Сирий](#), и при непрестанном делании имей пред глазами и приключаящиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, то есть искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравью внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкие слезы и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, то есть страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другой последовательно и стремительно и через какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти, или сложные и мешанные, и проходят ли в памяти только как слабые, или сильно восстают на душу, и как восстают – властительски или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступят вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своею крепостью, или и видя не видит их вовсе и не занимается ими; и какие остались из

старых страстей, и какие вновь образовались; притом возникают ли страсти в живых образах или в чувстве – без живых образов и в памяти – без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Исаак Сир. Сл. 45. лист 76 наобор.).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, *принимает вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют (Ефес. 6, 13)*, и сими оружиями, при содействии благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове многострадальном, о коем св. [Церковь](#) воспеваает так: *«Богатство видево добродетелей Иовлих, украсти козньствоваше праведных враг, и растерзав столб телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооруженну непорочнога душу»* (тропарь, мая 6-го).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *не возглаголют уста мои дел человеческих* (16, 4), а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего (Пс. 18,13-14)*.

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути целуйте (Лк. 10, 3)*, то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братии поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

9. О попечении о душе. Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: *кая бо польза человеку, **аще** мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макарий Великий. Слово о свободе ума. Гл. 32).

[Василий Великий](#), [Григорий Богослов](#), [Иоанн Златоуст](#), [Кирилл Александрийский](#), [Амвросий Медиоланский](#) и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на

попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то такое удрочение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога!

10. О мире душевном. Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *проедохом сквозь огонь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби.

Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая – с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* ([Ефес.6,12](#)).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном – то есть с совестью благою; в премирном же – когда его ум созерцает в себе благодать Святого Духа по слову Божию: *в мире место Его* ([Пс.75,3](#)).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа? Тогда воистину радуется он радостью Ангельскою. О сем-то и Апостол сказал: *наше житие на небесех есть* ([Флп.3,2](#)).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго. Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* ([1Цар.2,3](#)), и слова Господни: *лицемере, изми первее бевно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* ([Мф.7,5](#)).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш [Иисус Христос](#) ученикам Своим пред смертью Своею, глаголя: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам (Ин. 14, 27)*. О нем также говорит и Апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе (Флп. 4, 7)*; *мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14)*.

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с [Церковью](#) всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир дажд нам (Ис. 26, 12)*.

11. О хранении мира душевного. Надобно всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни св. [Григория Чудотворца](#), от которого некая жена блудница всенародно требовала мзды, аки бы за [грех](#) с нею содеянный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: *дажд скоро ей цену, колико требует*. Жена только что прияла несправедную мзду, подверглась нападению беса, святитель же изгнал из нее и беса молитвою (Чет.-мин. Ноябрь 17).

Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно удерживать язык по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголах (76, 5)*.

В сем случае мы можем взять в образец себе св. Спиридона Тримифунтского и прп. [Ефрема Сирина](#). Первый (Чет.-мин. Декабрь 12) так перенес оскорбление: когда по требованию греческого царя входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал в палату и даже ударил его в ланиту. Св. Спиридон, будучи незлобив, обратил ему по слову Господню и другую ([Мф. 5, 39](#)). Преподобный Ефрем (Чет.-мин. Январь 18), постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брате; аще бо не восхоте прийти к нам пища, то мы пойдем к ней». Итак, преподобный пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снесь, вкушал ее. Так-то он был безгневен.

А как побеждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого (Чет.-мин. Июня 19), который просил Господа Иисуса Христа,

явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: *аще хочещи победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный; по слову премудрого Сираха, *многи печал уби, и несть пользы в ней* ([Сир. 30, 25](#)).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает божественные откровения.

Чтобы не впадать в осуждения ближних, должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему Мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

12. О подвигах. Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* ([Притч. 4, 27](#)): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *воздадите кесарево кесареви и Божия Богови* ([Мф. 22, 21](#)).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается* ([Рим. 14, 22](#)). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *аще не обратитесь и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* ([Мф. 18, 3](#)).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. [Иисус Христос](#), тотчас по воскресении дщери Иаировой от смерти, *повелел дати ей ясти* ([Лк. 8, 55](#)).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* ([Пс. 113,9](#)).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовления земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. [Василий Великий](#) свидетельствует (Беседа на начал. Притч., с. 305): многие много собрали в юности, но посреде ясития бывши, воставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились.

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по учению св. [Исаака Сирина](#): якоже на мериле приличествует извесити коемуждо жительство свое (Сл. 40).

13. О свете Христовом. Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному (Лк. 3.22), человек в призываемом имени находит наслаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит сердце, тогда возсияет свет Христов, освещая храмину души божественным сиянием, как говорит от лица Бога св. пророк Малахия: *и возсияет вам, боящимся имени Моего, солнце правды* (4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* ([Ин. 1,4](#)).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага-Бога.

14. О слезах. Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блажени плачущий, яко тии утешатся* (Мф. 5,4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфириносного Пророка: *ходящий хождаху и плакахуся, метаяще семена своя; грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* ([Пс. 125, 6](#)) и слова [Исаака Сирина](#): омочи ланите твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от

скверны злобы твоя. Умиловити Господа твоего слезами, да придет к тебе (Сл. 68, об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это – от дьявольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды – Христа Бога.

15. О покаянии. *Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни дьявола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? откуда убо плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори* ([Мф. 13, 28](#)).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражий бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире, сказано, место Его* ([Пс. 75, 3](#)).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит св. мученик Вонифатий (Чет.-мин. Декабря 19): страх Божий есть отец внимания, а внимание-матерь внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния. Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно. По Псаломнику: *превратихся пасти, и Господь прият мя* ([Пс. 117, 13](#)). Когда св. пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаившись, тут же получил прощение ([2Цар. 12, 13](#)).

К сему примером служит и один пустынный, который, пошедши за водой, при источнике пал в [грех](#). Но возвратившись в келью, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грех, ублажить за таковую победу над дьяволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбежали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть [грех](#) к смерти, как гласит Писание ([1Ин. 5, 16](#), Ант. Сл. 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, – говорит Варсонофий, – то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже не быти во еже быти» (то есть из грешника в праведника, отв. 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние. Итак, несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву прп. Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мене имя святое Твое, и искупил мя еси Ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Св. Духа Твоего и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих-лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не дажд ми и похоть злую отстави от Мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не обьимут мя, и душе безстыдней не предажд мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не обьимет мене тма, и ходящий в ней да не похитят мя. Не предажд, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждых. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святой, созижди мя. Путеводителю заблудших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждь созданию Твоему, да не изсохну, яко смоковница, юже Ты проклял еси и да будут слезы питием моим, и [молитва](#) моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и прими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи,*

и щедроты Твоя да объимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты, бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамиться делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единокровным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя, грехми умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь (Ант. Сл. 77).

16. О посте. Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом, и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедами вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущий, яко тии насытятся (Мф. 5,6).*

Подвигоположник и Спаситель наш Господь [Иисус Христос](#), пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере как плоть постящегося становится тонкой и легкой, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишит себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 1г, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели: иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, и Ангел Господень прилепится к тебе.

17. О хранении сердца. Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *всяцем хранением блюди сердце твое, от сих бо исходяща живота* (4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5,8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

18. О многословии. Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердец человеческих: ибо ничтоже тако устужает огонь, от Св. Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже соображение и многословие и собеседование, кроме онаго, еже со чады тайн Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению (Исаак Сирин. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом не приметно расслабевает, о чем и св. [Исидор Пелусиот](#) говорит так: *аще* (глаголющу Писанию) кия беседы злыя тлят обычаи благи, то беседа с женами, *аще* и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает: *аще* убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во что же, страждет и умалается: то как воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгаго не будет побеждена и превращена ([Исидор Пелусиот](#). Письм. 284, и Чет.-мин. в жит. его февраля 4 дня).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удерживать язык от многоглаголания: *муж бо мудр безмолвие водит (Притч. 11,12); иже хранит свои уста, соблюдает свою душу (Притч.13,3);* и помнит слова Иова: *завет положих очима моима, да не помышлю на девицу (Иов.31,1),* и слова Господа Иисуса Христа: *всяк иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем (Мф. 5, 28).*

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение (Притч. 18, 13).*

19. О распознавании действий сердечных. Когда человек примет что-либо божественное, то радуется в сердце; а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное; ибо ощущает в себе плоды духовные: *любы, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, веру, кротость, воздержание (Гал. 5,42).*

А диавол хотя бы преобразился и в Ангела света (2Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, св. [Макарий Египетский](#) говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благаго обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает (Сл. 4, гл. 13)».

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет св. [Григорий Синаит](#): «От действия убо возможешь познать возсиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин (Доброт., ч. 1, л. 96, на обор. О безмолвии)».

20. О болезнях. Тело есть раб души, а душа – царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя, да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними [грех](#), и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. [Василий Великий](#): «Откуда недуги? откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не [грех](#)? Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла, с. 213).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяной болезнью, говорил братьям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не

подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее; ибо, поколику *внешний наш человек тлеет*, потоплику *внутренний обновляется* (2, Кор. 4,16)».

21. О милостыне. Должно быть милостиву к убогим и страннным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *будете милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* ([Лк. 6, 36](#)), также: *милости хочу, а не жертвы* ([Мф. 9, 13](#)).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет неодинакова, как сказано: *сеющий скудость и пожнут; сеющий же о благословении, о благословении и пожнут* ([2Кор. 9, 6](#)).

Пример Петра Хлебодара (Чет. мин. Сент. 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, – да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению св. [Исаака Сирина](#): «Аще даси что требующему. Да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словеси благими утешай скорбь его» (Сл. 89).

22. О помыслах и плотских движениях. Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовоением.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассеивать их от земли сердца нашего. Пока дети Вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искутить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей ([Пс. 9, 30](#)), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не ори юнцем и*

ослятем ([Втор. 22, 10](#)), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *во утрия избивах вся грешным земли, еже потребити от града Господня вся делающая беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей – мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *устрой душу мою от злодейства их* ([Пс. 34, 17](#)); *расточи языки, хотящая бранем* ([Пс. 67, 31](#)), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавих тя* ([Пс. 80, 8](#)).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благодати Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешне. Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

23. О терпении и смирении. Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому *недостойны по Апостолу страсти нынешнего времени к хотящей славе явитися в нас* ([Рим. 8, 18](#)).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по словам Евангелия: *от взимающего твоя, не истязуй* ([Лк. 6, 30](#)).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и перед всеми должны уничивать себя, следуя учению св. [Исаака Сирина](#): «Уничижи себе, и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию: идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Несущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и

немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему ([Мф. 4, 11](#)). Так, если во время искушений несколько отходят от нас Ангелы Божий, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяживает и прочия совершенства. Почему св. пр. Исайя говорит: *Терпящий Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут, и не утрудятся, пойдут, и не взалчут* ([Ис. 40, 31](#)).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди, мужу беззаконный*, – он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинаят пс умерший сей Господина моего Царя?* – он запретил ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинаят мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое* ([2Цар. 16, 7-12](#)). Почему после и воспел: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* ([Пс. 39, 2](#)).

Сосуды скудельничи искушает пещь: и искушение человеческое в помышлениях его ([Сир. 27. 5](#)). *Но горе вам, погубльшим терпение! И что сотворите, егда посетит Господь?* (2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его, а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает, – так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: *делайте не брашно гнблющее, но брашно, пребывающее в живот вечный*, тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* ([Ин. 6, 31](#)). – Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благо сотвориши ему*- и таковой даже до века не узрит света ([Пс. 48, 19-20](#)).

Посему апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна, видяще, яко искушение ваша веры соделывает терпение; терпение же дело совершенно да имат, и прибавляет: блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв примет венец жизни* ([Иак. 1, 2-4, 12](#)).

24. О должностях и любви к ближним. С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. [Исаак Сирин](#) (Сл. 89): «Прости ризу твою над согрешающим и покрой его».

Все мы требуем милости Божией, как [Церковь](#) поет: *еще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы!*

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслию чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши, ближнего твоего, яко сам себе* ([Лк. 10, 27](#)). Но не так, чтобы любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин, иже любит сына или дочь паче Мене, несть Мене достоин* ([Мф. 10, 37](#)). О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. [Димитрий Ростовский](#) (Часть 2, поуч. 2, лист 165): «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцом сравнивается, а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любитя и предпочитается».

25. О неосуждении ближнего и о прощении обид. Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судими будете* ([Мф. 7, 1](#)); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеву стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его* ([Рим. 14, 4](#)).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдетя, да не падет* ([1Кор. 10, 12](#)).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *рех в обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* ([Пс. 29,4-8](#)).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия; *еще не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* ([Мф. 6, 15](#)); *молитесь за творящих вам напаст* ([Мф. 5, 44](#)).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* ([Мф. 5, 44](#)). Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что

в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим; поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои*. Так Он говорит о Давиде, незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит прп. Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага ([Исх. 23,5](#)). Об Иове свидетельствовал [Бог](#), как о человеке незлобивом ([Иов. 2,3](#)); Иосиф не мстил братьям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом ([Иер. 18,20](#)), говорит о гнавшем его Израиле: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоящего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Ант. Сл. 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначально оболстил человека и изгнал из рая – против человекоубийцы – дьявола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом. Отчего мы осуждаем братии своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только дьявола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит прп. Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судье, ведущему сердца наша и сокровенная страсти естества (Ант. Сл. 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* ([Пс. 56,5](#)).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда дьявол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное.

26. Против излишней попечительности. Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и

малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся нам, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).*

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо тогда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно Апостолам при божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. *Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, воскресения сынове суще (Лк. 20, 36).*

Есть недуг, говорит Екклезиаст, егоже видех под солнцем, богатство храним от стяжателя в зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавие: еси дние его во тме, и плачи, и в ярости мнозе, и в недуже, и в гневе (Еккл. 5, 12, 16).

27. О печали. Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братьями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и исступленной, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Ант. Сл. 25).

28. Об отчаянии. Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от

гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно разуму. Первое врачуетса воздержанием и благою надеждою, а второе смирением и неосуждением ближнего (Лест. Лист, 102, степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчastьях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться: но Петр – твердый камень, когда впал в [грех](#), как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит прп. Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змеиную главу» (Ант. Сл. 27). И с умилением будем молиться ко Господу: *Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истиннаго Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, призри многим Твоим благоутробием и прими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многия прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищущу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причинам глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злыя дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от бесчестных дел, и не возмешь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденнаго за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы*

цепями связанного. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому неизвестных, которых знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя – врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия дающего время покаянию. Возсияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И твоим благоутробием прости мне руку и возставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящегося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретнице и препояшь мене веселием (Пс. 29, 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежали болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимся светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

29. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа. Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

1. **Любовь** Божия к роду человеческому: тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть ([Ин. 3, 16](#)).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевают Св. **Церковь** (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я): истлевша преступлением, по образу Божию бывшего, всего тления суца, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетел.

3. Спасение душ человеческих: не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит миру, но да спасется Им мир ([Ин. 3, 17](#)).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

30. О жизни деятельной и умозрительной. Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяний и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, **молитва** и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводите живот вечный ([Мф. 7, 14](#)).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов [Священного Писания](#): *блажен чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5,8)*, и из слов св. [Григория Богослова](#) (в слове на Св. Пасху): к созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности.

Так и [Церковь](#), ублажая святителя Николая, воспевает: молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси (Акаф. св. Николаю. Конд. 10).

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: дерзый бо и презорливый, по словам [Григория Синаита](#) (О прелести и о иных многих предлогах. Доброт. Часть 1, лист 951 и на обор.), паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени dospети. И паки: *аще мечтает кто мнением высокая достигнута, желание сатанино, а не истину стяжав, – сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу. Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священнаго Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вы мните в них имети живот вечный (Ин. 5,39)*.*

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оныя, и таким образом мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. [Григория Богослова](#) (Слово на Св. Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную; ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять онаго потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению учителей церковных (Блаж. Феодорита толков, на Песнь песней, лист. 84 на обор.), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божиим: *страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами [Бог](#). Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественного имени, *и Той будет нам в страх* ([Ис. 8, 12-13](#)).

Глава VII.

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келья его освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и камнями, служившими ему вместо постели, обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келья растворялась для всех братии монастыря во всякое время, для сторонних после ранней обедни до 8 ч. вечера. Теперь жизнь старца приняла новое христиански-общественное направление. До сих пор он видимо заботился об одном себе и о спасении души своей. Деятельность его о спасении ближних исключительно состояла в молении о всем мире, о живых и усопших православных христианах. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближних еще не входили в разряд его действий. До сих пор духовно работая над собою, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, ставши в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигам веры и душеспасительного назидания и руководства ближних.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение, и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Тайн, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их склонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: *«Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением»*. Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: *«Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит ти, чадо (имя его), вся согрешения твоя, и аз, недостойный иеромонах Серафим, властью Его, мне данную, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь»*. При последних словах он благословлял склоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, то есть имеющими степень священства, аввами. Получившие разрешение чувствовали облегчение совести и вкушали несродное земным благам духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы, и если это было ранее полудня, следовательно, до принятия пищи, давал вкушать из чаши великой агиасмы, то есть св. богоявленской воды, благословлял частицею антидора либо св. хлеба, освящаемого на всеобщем богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: *«Христос воскрес!»*, – и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконой Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*. «В этом да будет, – говорил он, – все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоём. С призыванием, таким образом, имени Божия, ты

найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Св. Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святые, во всяком благочестии и чистоте».

Из частных наставлений отца Серафима было еще: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ю в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие – по недосугу). Отец Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню «Отче наш» трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице «*Богородице Дево, радуйся*»- также трижды, и наконец [Символ веры](#): «*Верую во Единого Бога*» – единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи, помилуй*, и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: «*Пресвятая Богородице, спаси мя грешного*», и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: «*Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного или грешную*».

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, то есть трижды *Отче наш*, трижды *Богородице* и однажды *Символ веры*. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что, держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы – основание христианства: первая – как [молитва](#), данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая – принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры.

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, спасется ([Иоил. 2, 32](#); [Римл. 10, 13](#)).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило, и вдобавок он человек грамотный, тот пусть к этому присоединяет и другие полезные молитвословия и чтения, как-то: чтение нескольких зачал из св. Евангелия и Апостолов, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься вверх христианских добродетелей.

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. Отец Серафим относился к ним с должной честью и с христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их отсюда быть верными св. Православной Церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличия, украшающие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте, и говорил, что знаки сии должны служить им живой проповедью о их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самую жизнь для блага родины и Церкви. Более же всего, по нуждам того времени, он умолял их охранять великую, святую православную, католическую [Церковь](#), сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрованиями века. «Этого, – говорил он, – ждет от вас народ русский, к тому должны побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил государь, к этому обязывает св. [Церковь](#) и Сам Господь Бог, ее основатель и хранитель».

В 1825 или 1826 году великий князь Михаил Павлович, посетив (инкогнито) Саровскую обитель, в проезд через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Еще гораздо более являлось к нему простых людей, которые требовали не одних советов, но подчас и помощи. Так, однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкой в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инок: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь». Отец Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал:

«Огради себя молчанием и поспеши в *такое-то* (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно, нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Другой подобный сему случай рассказывал о. Павел, инок Саровский. «Однажды привел я, – говорит он, – к о. Серафиму молодого крестьянина с уздою в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их одних. Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: «Ну, что? Отыскал ли ты своих лошадей?»

«Как же, батюшка, отыскал», – отвечал крестьянин.

«Где и как?» – спросил я еще его.

А он отвечал: «Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидел и взял к себе моих лошадок».

Жена управляющего селом Елизарьевым, находящимся в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, А. И. Моляева, рассказывала следующий случай прозорливости о. Серафима, принадлежавший настоящему времени: «Муж мой Николай Кириллович Моляев, лишившись места управляющего в селе Елизарьеве, вскоре получил такое же место в селе Череватове, Ардатовского же уезда, и здесь жестоко занемог; это было в 1822 году. Зная мою преданность к о. Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня к нему попросить его св. молитв и благословения и спросить: может ли он надеяться на выздоровление или нет?

Я отправилась в Саров и, по прибытии моем туда, нашла, что о. Серафим затворился и никого к себе не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода о. Серафима, к его келье, и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей кельи и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне и сказал: «Дочь Агрипина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне св. воды, антидора, красного вина и несколько сухарей и сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: «Вот, дочь моя, сперва Мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спеши же теперь и помни мою тяжесть. Прощай». С этими словами он благословил меня и ушел опять в свою келью, где снова затворился и никого к себе не принимал. По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни; у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о кресте старца и поняла, что он предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по

приказанию о. Серафима, больному красного вина с антидором и потом св. воды, больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, святой отец, в последний раз получаю от тебя благословение». После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мной и сказал: «Велики дела о. Серафима!» – лег снова и мирно отошел к Господу».

Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в родовом своем имении селе Нуче, жили сироты брат с сестрой, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии на военной службе и женился там на лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нучу. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить ее причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его Святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени кельи старца-затворника. Когда Михаил о Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его:

– Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческой любовью трижды спросил его о. Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И получив, также трижды, в ответ самое искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоящего в сенях, а сам удалился в келью, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги и, приготовившись потереть их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Отец Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того

старец вынес из кельи большое количество сухарей, высыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг по слову святого старца нес уже целую грудку сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова. Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа. И только он приехал в Саров и вошел к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!» Тогда о. Серафим, взглянув на него особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смугился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился Евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий и мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся, я укажу

тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицей Небесною Себе в земной жребий.

По благословению батюшки о. Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в селе Дивееве 15 десятин земли, на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшей заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женой и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам, молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием, по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и ближайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтити Мантурова, повинуюсь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Анны Михайловны, когда она жила в Дивееве вдовой и тайною монахиней. «Часто и почти непрестанно, – говорила Анна Михайловна, – я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю я, бывало: ну, можно почитать старца, можно любить его и верить ему, да уже не до такой степени... Михаил Васильевич все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более раздражало. Так вот раз, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чем осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку о. Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит да вздыхает... Вдруг слышу какой-то треск... Смотрю, Господи, страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и

глазам своим не верю... Пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною елея. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную, никогда более не буду! И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать, и как ни трудно бывало, а все терпела». (Записки Н. А. Мотовилова и тетрадь № 1 рассказов, записанных за монахинями.)

Отец Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал некоторых послушников к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины, что видно из поручений, даваемых им Михаилу Васильевичу Мантурову. Последний довольно часто уже ездил в Дивеево. Вскоре произошел весьма неприятный эпизод из-за наговоров управляющего местного помещика, знаменитого генерал-губернатора г. Москвы, графа Закревского. По приезде последнего в свои имения почему-то управляющему его потребовалось доложить, что Дивеевская общинка есть не что иное, как скопище развратных беглых девок. Граф Закревский потребовал к себе в контору почтенную старицу Ксению Михайловну и, не разобрав ничего, при всех неслыханно грубо оскорбил ее. Михаил Васильевич в негодовании поспешил рассказать все произошедшее батюшке о. Серафиму. Старец же поручил Михаилу Васильевичу, не горячась и не оскорбляя, кротко объяснить всеобщему графу его ошибку, заключающуюся в превратном понимании новоустрояющейся во славу Божию общины, и выразить ему, что он совершенно напрасно оскорбил ничем неповинную Божию старицу; затем, низко кланяясь графу, смиреннейше благодарить его за им соделываемое благодеяние этой же общинке. Всегда буквально и беспрекословно послушный Михаил Васильевич дождался приезда вельможи в Саров и, по выходе его из храма, громко при всех, не боясь силы и славы графа Закревского, выразил ему все, что приказал старец, и на непозволительно грубые за то ругательства и угрозы рассерженного всеобщего генерал-губернатора смирил себя, подавил свое негодование, перенес молча оскорбления своего достоинства и, всеусерднейше кланяясь, благодарил его за соделываемое им благодеяние этой же общинке. Впоследствии подтвердилось и объяснилось предсказание о. Серафима. Приехав в Москву, граф Закревский поднял большой шум, выразил свое негодование, по которому было немедленно наряжено два следствия об общинке: светское и духовное, которые окончились полным оправданием ее и официальным признанием ее общинкой при Казанской церкви. Хотя она

и не получила вполне документальное утверждение от епархии, тем не менее как бы приобрела чрез это законное дозволение на свое существование.

Протоиерей о. Василий Садовский пишет в своих записках по этому поводу следующее: «Матушка Ксения Михайловна правила бо сестрами целых 43 года. Когда графиня Толстая, проездом в свои имения, посетила общинку и убедилась в богоугодном житии сестер, то, соболезнуя убогому их положению, подарила им небольшую полосу своей земли, прилегающую к земле общинки. За это враг, не терпящий богоугодного жития сестер и водворения здесь обители, воздвигнул, по попущению Божию, великую на них скорбь и смуту. Ксении Михайловне даровано было претерпеть и понести унижение, клевету ради общинки. Вот как это было: узнав о подаренной графиней полосе земли, недовольный за то управляющий зятя ее, тогда Московского генерал-губернатора графа Закревского, немедля донес о том своему господину, елико возможно грязно и черно оклеветав собрание сестер в с. Дивееве, и все выставил в совершенно превратном виде. Почему верующий правдивости его слов граф, проездом в свои имения, при виде ничего не значащей и подошедшей к нему с просьбой старицы Ксении Михайловны, вскипел негодованием до самозабвения и грозно закричал: «Ах ты, старая развратница!» Осыпав ее потоком ругательных слов, граф велел вытолкать старицу вон, но она, не будучи в состоянии даже что-либо вымолвить, зашаталась и тут же упала замертво, так что долго не могли ее привести в сознание...

Зная батюшку Серафима за раба Божия и великого прозорливца, матушка Ксения Михайловна после этого случая стала еще строже, суровее и часто говорила: «Дитятки, дитятки! Живите вы помирнее, ведь батюшка-то Серафим сказал мне: никак тебе не обойтись, матушка, хотя и перед концом твоей жизни, а непременно, как хочешь, должна будешь ты посидеть в темнице! Вот так я и гляжу, – *накличете* вы чего, и засадят меня из-за вас в темницу!»

В 1823 году однажды потребовал к себе батюшка о. Серафим Михаила Васильевича и, взяв колышек, перекрестился, поцеловал его, то же самое велел сделать Мантурову, потом поклонился своему Мишеньке в ноги и сказал: «Ступай ты, батюшка, в Дивеево; как придешь, стань там напротив самого среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитай столько-то шагов (число забыто), и как отсчитаешь их, батюшка, тут будет межка; вот от нее ты еще, батюшка, отсчитай столько-то шагов (число забыто), и придет пахотная земля; потом отсчитай еще столько-то шагов (число забыто), и придет луговина; тут как придешь, по глазомеру рассчитай, батюшка, где придется самая срединка, да в срединке-то самой этот колышек и вбей, чтобы хоть немного, а видно бы

его было; вот, батюшка, что прошу тебя, сделай это!» Поехал Михаил Васильевич в Дивеево и, очутившись на указанном батюшкой заглазно месте, пришел просто в ужас от удивления. Это было только поле, и все его шаги сошлись с батюшкиными размерами. Мантуров исполнил все в точности и вбил колышек в назначенном месте. Когда Михаил Васильевич вернулся с докладом к батюшке, то о. Серафим опять молча поклонился ему в ноги и был необыкновенно радостен и весел. Целый год о. Серафим ничего не вспоминал о колышке и отмеренном поле в Дивееве, так что Михаил Васильевич, ровно ничего не зная и не понимая в притче великого старца, порешил, что о. Серафим забыл уже это. Но вдруг батюшка, потребовав Михаила Васильевича к себе, дал ему на этот раз уже четыре небольших колышка, перекрестившись, поцеловав их, и заставил Мантурова сделать то же, поклонился ему в ноги и сказал: «Теперь, батюшка, сходи опять туда же в Дивеево, на то место, где, помнишь, ты в прошлый год вбил колышек, и там, по равному же размеру, по четырем углам, около большого-то колышка, и вбей эти четыре; а чтобы как-либо не затерялись они, батюшка, ты возьми камешков, да и положи на них по кучке, чтобы после не спутаться, а заметно бы место их было!» Исполнив в точности, Мантуров вернулся с докладом к батюшке. Отец Серафим опять молча, но весело и радостно встретил его и поклонился ему в ноги. Терялся Михаил Васильевич в догадках, что это все значило и что должно совершиться, а спросить не осмеливался. Наконец в 1826 году на этом самом месте возникла мельница – питательница дивеевских сирот.

Сестре Михаила Васильевича Елене Васильевне в 1822 году едва минуло 17 лет, и она сделалась невестой. Успокоенный с этой стороны, Михаил Васильевич не видел препятствия удалиться от мира и служить всецело Господу и о. Серафиму. Но жизнь Елены Васильевны как-то вдруг непонятно странно изменилась. Искренно и горячо любя жениха своего, который ей чрезвычайно нравился, она неожиданно отвергла его, сама того не понимая: «Не знаю почему, не могу понять, – говорила она брату, – он мне не дал повода разлюбить себя, но, однако, страшно мне опротивел!» Свадьба расстроилась, и крайне веселый характер ее, любовь к светской, общественной жизни, молодость, стремление к веселию и забавам пугали родных и не предвещали хорошего, при семейной ее обстановке. О духовном она, конечно, не имела ни малейшего понятия.

Вскоре скончался единственный богатый родственник Мантуровых, давно из виду потерянный, отец их матери. Находясь при смерти, дедушка через газеты вызывал их к себе, дабы передать им свое состояние. Михаила Васильевича в то время не было дома, а потому, чтобы не замедлить, Елене Васильевне пришлось ехать одной с

дворовыми людьми. Недолго думая, она отправилась, но уже не застала деда в живых и присутствовала только на похоронах. Потрясенная этим несчастьем, она заболела горячкой и, как только немного окрепла, пустилась в обратный путь. В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции, и Елена Васильевна вздумала напиться в ней чаю, для чего послала людей распорядиться, а сама осталась сидеть в карете. Хотя человек отговаривал свою барышню и настаивал, чтобы она отдохнула в почтовой комнате, но Елена Васильевна уступила только, обещав пить чай на станции, а пока его готовят, осталась сидеть в карете. Не смея далее прекословить своей госпоже, люди поспешно занялись приготовлением чая, и когда пришло время, горничная выслала лакея просить барышню кушать. Едва успел лакей спуститься по лестнице на подъезд станции, как вскрикнул при виде Елены Васильевны и замер на месте. Она стояла во весь рост, совершенно опрокинувшись назад, едва держалась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты, и на лице выражались такой ужас и страх, что немислимо передать его словами. Немая, с сильно увеличенными глазами, бледная как смерть, она уже не могла держаться на ногах, казалось – еще момент, и она упадет на землю замертво. Лакей и все сбежавшиеся на его крик люди кинулись на помощь к Елене Васильевне, бережно взяли ее и внесли в комнату. Пробовали узнать, в чем дело, спрашивали ее, но Елена Васильевна лишилась языка и оставалась в бессознательном положении или, вернее, в оцепенении от охватившего ее ужаса. Горничная, предполагая, что барышня умирает, сказала: «Не позвать ли вам священника, барышня?» После того как она несколько раз повторила этот вопрос, Елена Васильевна точно начала приходить в себя и даже с радостной улыбкой, уцепившись за девушку и как бы боясь ее отпустить, прошептала: «Да... да...» Когда явился священник, Елена Васильевна была уже в сознании, и язык и рассудок действовали по-прежнему; она исповедовалась и причастилась Св. Тайн. Затем целый день не отпускала от себя священника и все еще в страхе держалась за его одежду. Пробыв таким образом в Княгинине и успокоясь от всего произошедшего с нею, Елена Васильевна поехала домой, где и рассказала брату и невестке следующее: «Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по-прежнему около меня. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела я над своей головой огромного, страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его выходило пламя, и пасть эта казалась такой большой, что я чувствовала, что змий совершенно поглотит меня. Видя, как он надо мной вьется и все спускается ниже и

ниже, даже ощущая уже дыхание его, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но наконец вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!» Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез... Но я не могла прийти в себя от ужаса!..»

Михаил Васильевич долго не мог опомниться от случившегося с его сестрой, а Елена Васильевна, как бы чудно спасенная от врага человечества, совершенно изменилась в характере. Она сделалась серьезная, духовно настроенная и стала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь и совсем затвориться в нем, страшась гнева Матери Божией за неисполнение данного ею обета.

Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к о. Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка крайне удивил ее, сказав: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь – нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» «Что это вы, батюшка!! – испуганно сказала Елена Васильевна. – Ни за что не пойду замуж, я не могу, дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня!» «Нет, радость моя, – продолжал старец, – отчего же тебе не выйти замуж! Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут! Нет, ты не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!» «Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замуж!» – возражала Елена Васильевна. Но старец стоял на своем и твердил одно: «Нет, нет, радость моя, тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка!» Елена Васильевна уехала недовольная, разогорченная и, вернувшись домой, много молилась, плакала, просила у Царицы Небесной помощи и вразумления. Еще с большим рвением принялась она за чтение творений св. отцов. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя и все более и более убеждалась, что все светское, мирское ей не по духу, и она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила к о. Серафиму, и он все твердил одно, что она должна выйти замуж, а не идти в монастырь. Так целых три года готовил ее батюшка о. Серафим к предстоящей перемене в ее жизни и к поступлению в Серафимову общину, которую он начал устраивать в 1825 году, и заставлял работать над собою, упражняться в молитве и приобретать необходимое терпение. Она, конечно, этого не понимала, и невзирая на просьбы, желание и мольбы Елены Васильевны, о. Серафим однажды сказал ей в духовном смысле следующее: «И даже вот что еще скажу тебе, радость моя! Когда ты будешь в тягостях-то, так не будь слишком на все скоро; ты слишком скоро, радость моя, а это не годится, будь тогда ты потише. Вот как

ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а все потихоньку да потихоньку! Если так-то пойдешь, благополучно и снесешь!» – и, показав при этом видимым примером, как должно ходить осторожно, продолжал: «Вот, радость моя! Также и поднимать если тебе что случится, не надо так вдруг, скоро и сразу, а вот так, сперва понемногу нагибаться, а потом точно так же все понемногу же и разгибаться». Снова видимым примером показал о. Серафим и прибавил: «Тогда благополучно снесешь!» Этими словами старец довел Елену Васильевну до отчаяния. Сильно негодуя на него, она решила не обращаться к нему и съездить в Муром в женский монастырь. Там ей игуменья, конечно, сказала только приятное, и Елена Васильевна тотчас купила себе в Муромском монастыре келью. По возвращении домой она стала совсем уже собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со старцем о. Серафимом. Каково же было ее удивление и каков ужас, когда вышедший к ней навстречу о. Серафим, ничего не спрашивая, прямо и строго сказал ей: «Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!» Прозорливость старца, доказавшая его святость, обезоруживала каждого приходящего к нему и действовавшего по своей воле. Сердце невольно привязывалось к такому праведнику, и Елена Васильевна почувствовала, что без о. Серафима все-таки нельзя ей жить, тем более что в Муроме не у кого будет и спрашивать наставления и совета. Отец Серафим приказал ей пожертвовать Муромскому монастырю данные за келью деньги и не ездить больше туда. Но Елена Васильевна на этот раз не почувствовала отчаяния, а, напротив, вполне смирилась и возвратилась домой, заливаясь слезами. Она опять заперлась в свою комнату, из которой почти не выходила уже целых три года, проводя в ней жизнь отшельника, отрешенная от всего и всех. Что она делала в своей комнате и как молилась, никому не было известно, но неожиданный случай убедил Михаила Васильевича и всех живущих в доме, насколько она трудилась уже на пути духовного совершенства. Разразилась страшная гроза вблизи дома, в котором жили Мантуровы; раскаты и удары молнии были ужасны, так что все решительно собрались в комнату Елены Васильевны, где теплилась лампада, горели свечи, и она покойно молилась. Во время одного из страшных ударов со стороны двора вдруг в углу, под полом и под образами, раздался совершенно неестественный и отвратительный крик, как бы кошки. Но крик этот был настолько силен, неожидан и неприятен, что Михаил Васильевич, жена его и все бросились невольно к киоте, перед которой молилась Елена Васильевна. «Не бойтесь, братец! – сказала она покойно.

– Чего испугалась, сестрица? Ведь это диавол! Вот, – прибавила она, сотворив знамение креста на том самом месте, откуда был слышен крик, – вот и нет его: разве он что-либо может!» Действительно, тотчас водворилась полная тишина.

Через полгода после последнего свидания с о. Серафимом Елена Васильевна опять поехала в Саров. Она стала неотступно, но смиренно просить старца благословить ее на подвиг монашества. На этот раз о. Серафим сказал ей: «Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойди вот, за 12 верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости там, радость моя, и испытай себя!» Елена Васильевна в неизреченной радости и неопisanном восторге поехала из Сарова прямо к матушке Ксении Михайловне и совсем поселилась в Дивееве. За теснотой помещения Елена Васильевна заняла крошечный чуланчик около маленькой кельи, которая выходила крылечком к западной стене Казанской церкви. Часто на этом крылечке сживала подолгу молча Елена Васильевна, погруженная будто в думу и в немом созерцании храма Божия и премудро созданной окружающей природы, не переставая умом и сердцем упражняться в Иисусовой молитве. Ей было тогда 20 лет от роду (в 1825 году). Через месяц после переезда Елены Васильевны в Дивеево ее потребовал к себе батюшка о. Серафим и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Елена Васильевна, испуганная, зарыдала и воскликнула: «Не хочу я замуж, батюшка!» Но о. Серафим успокоил ее, говоря: «Ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице-то, Ксении Михайловне, что о. Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежду одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!» Много и усладительно беседовал с ней о. Серафим, говоря: «Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафья Семеновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила, и ты подражай ей также, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу, вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда Акафист, Псалтирь, псалмы и правила с утренею отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая сестра тебе все приготавливает, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать; пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы, и то «аки с трудом», а станут много спрашивать, отвечай: я не знаю! Если случайно

услышишь, что кто неполезное между собою говорит, скорее уходи, «дабы не внити во искушение». Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную! А от обеда до сна: Пресвятая Богородица, спаси нас! Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше улыбайся; так молитвою, вечно-неразлучною молитвою и приготавливай все. Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенок, как Екатерине-то великомученице матушке. Так вот три года и приготавливайся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; через три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно; а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: «Се раба Господня! Буди Мне по глаголу твоему!» Тогда вот и ты скажи также: «Буди мне по глаголу Твоему!» Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все мною реченное тебе сбудется, радость моя!» (Записки протоиерея о. Василия Садовского и записки Н. А. Мотовилова.)

Не помня себя от радости, Елена Васильевна возвратилась домой, в Дивеево, и, надев все монашеское, простое, начала с живейшей любовью нести прежние свои подвиги, пребывая в непрестанной молитве, в постоянном созерцании и совершенном молчании. Так как маленькая келья ее была беспокойна, переполнена сестрами, то батюшка о. Серафим благословил Михаила Васильевича Мантурова построить ей другую, также небольшую келью, в которой она и поселилась со своей крепостной девушкой Устиньей, чрезвычайно любившей ее. После смерти Устиньи с Еленой Васильевной жили две послушницы: Агафья и Ксения Васильевна.

К о. Серафиму было еще весьма близко семейство крестьян Нижегородской губернии Ардатовского уезда деревни Погибловой – Мелюковы. Это праведное семейство состояло из брата Ивана Семеновича Мелюкова и двух сестер Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны. Прасковья Семеновна поступила в общину матери Александры по благословию батюшки о. Серафима и была высокой жизни. В 1823 году 21 ноября, в день Введения во храм Пресвятой

Богородицы, она пришла к о. Серафиму со своей 13-летней сестрой Марией Семеновной, которая, как рассказывала Прасковья Семеновна и за нею записано в документах, хранящихся в Дивееве, «увязалась за нею». Великий старец, провидев, что девочка Мария есть избранный сосуд благодати Божией, не позволил ей возвратиться домой, а приказал оставаться в общине. Таким образом 13-летняя Мария Семеновна поступила в число избранных Серафимовских сирот. Это была необыкновенная, не виданная доселе отроковица, ни с чем не сравненная, ангелоподобная, дитя Божие. Избранница и раба Божия с таких лет вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже сестер общины, отличавшихся строгостью жизни, начиная с самой начальницы Ксении Михайловны. Непрестанная молитва была ее пищей, и только на необходимейшие вопросы она отвечала с небесной кротостью. Она была почти молчаливица, и батюшка о. Серафим особенно нежно и исключительно любил ее, посвящая во все откровения свои, будущую славу обители и разные тайны, заповедуя не говорить о том до времени, что и выполнила она свято, невзирая на просьбы и мольбы окружающих сестер и родных. Когда она возвращалась от батюшки о. Серафима, то вся сияла неземною радостью. Как увидим вскоре, Мария Семеновна только шесть лет прожила в общине и 19 лет отошла ко Господу, как бы мирно и тихо уснула.

По сестре своей Прасковье Семеновне, удостоенной от господа дара прозорливости, брат ее Иван Семенович стал близок к о. Серафиму. Он ходил работать к батюшке, и впоследствии его дети – три дочери – поступили в Дивеевскую общину, а сам он кончил жизнь монахом в Саровской пустыни. Дочь его Елена Ивановна с 5-летнего возраста жила у тетки Прасковьи Семеновны и изредка бывала у батюшки о. Серафима, который занимался ею, ласкал, заигрывал и пророчески сказал, что она будет «великая госпожа», благодетельница Дивеева. Приходившим с нею сестрам о. Серафим приказывал кланяться малютке и благодарить за будущие благодеяния ее для обители. (Действительно, выйдя замуж за друга и горячего почитателя о. Серафима Николая Александровича Мотовилова, она до сих пор продолжает оказывать помощь монастырю и, живя ныне в Дивееве, по смерти мужа, напоминает собою блаженные прошлые времена управления Ксении Михайловны, возрождение обители при о. Серафиме, святые дни наставничества великого старца, любовь к Дивееву искреннего и любвеобильного Николая Александровича Мотовилова и, наконец, дополняет личными духовными качествами и добродетелями чудный ряд сирот-молитвенниц о. Серафима.) За покойным старцем Саровской пустыни Иваном Семеновичем Милюковым, имевшим послушание привратника, записан был следующий рассказ (№ 78). «Будучи еще мирским

крестьянином, – говорил он, – я часто работал у батюшки Серафима, и много-много чудного он мне предсказывал о Дивееве и всегда говорил: «Если кто моих сирот девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание; а кто заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Божия свыше. Кто даже сердцем вздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе, батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!» Помня заповедь батюшкину, я всегда это говорил и всем говорю».

Кроме Милюковых, была очень близка к батюшке о. Серафиму и любимая им сестра Ксения Васильевна Путкова, постриженная в монашество под именем Капитолины. Она ходила к о. Серафиму часто, еще будучи крестьянской девушкой, и осталась в Дивееве «почти насильно», полагаясь на слова батюшки. Однажды о. Серафим стал уговаривать ее поселиться в Дивеевской общине. Молодая и красивая Ксения никак не ожидала себе такой судьбы, так как жила в родительском доме в довольстве, и мать сильно любила ее. У Ксении был, кроме того, жених, которому она платила взаимной любовью. С другой стороны, Дивеевская община, еще не устроенная, без церкви и без земли, не нравилась ей. Ксении не хотелось променять домашний покой и удобства на суровость и нужду обители. «Нет, батюшка, не хочу! Не смогу никак!» – ответила ему Ксения. «Послушай, радость моя! – продолжал о. Серафим («да так-то сладостно, хорошо», прибавляла Ксения), – я тебе открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место! А чего Царица-то Небесная не возможет, все будет у Ней! Вот Она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила бы их. Потом благословила Матерь-то Божия и [Церковь](#) им свою выстроить, матушка! Вот, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и [церковь](#), и земля, и все, все свое у нас будет! Это я тебе только говорю, а ты умолчи до времени». Ксения хотя и слушала батюшку, но странно показалось ей, как все это может возникнуть, когда ничего нет у обители и сама земля – чужая кругом. Тогда о. Серафим, провидя ее мысли, взял за руку, потрясая ее, и произнес: «Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это совершится!» Вид о. Серафима при этом был чудесен, привлекателен и весьма вдруг просветлел... Ксения не могла более колебаться, смотря на чудного старца, и согласилась поступить в общину. Чтобы не огорчить жениха и родителей совершенным отказом, она стала жаловаться на нездоровье, затем просила отсрочить свадьбу на год, а сама все чаще и чаще отпрашивалась к батюшке о. Серафиму.

По его молитвам совершилось так, что родители согласились отдать Ксению в общинку к начальнице Ксении Михайловне.

Вера ее в силу молитв батюшки укрепилась после следующего случая (тетрадь № 1, ее рассказ № 15). Через год пришла она однажды с другой сестрой вечером к батюшке о. Серафиму за приказанием. Отпуская их до утра в гостиницу, он сказал им вслед: «Кто бы к вам ночью ни вошел, не вставайте, не откликайтесь и не говорите, и не пускайте никого!» Они обещались и ушли. В гостиницу, когда сестра заснула, а Ксения еще только собиралась заснуть, действительно, вдруг вошел незнакомый монах и спросил; «Кто тут?» Ксения ответила, что дивеевские, но так как она ходила еще в мирском платье, то он любопытствовал, кто она такая. Он оказался земляком Ксении, и она заслушалась его, забывая приказание батюшки. Увлекаясь в разговоре, она, однако, вспомнила о. Серафима. Когда монах ушел, она начала горько плакать и от страха, что ей придется отвечать батюшке, она не спала всю ночь. Утром у батюшки застала того самого монаха, и о. Серафим разговаривал с ним очень любезно. Ксения отвернулась, а когда ушел монах, то упала батюшке в ноги и стала просить прощения. «То-то вот, – сказал о. Серафим, – не послушала меня, а знаешь ли, что я ныне всю ночь только за тебя одну молился, и если бы не молитва моя, пропала бы ты; вот как надо быть осторожною и хранить себя, потому ведь вы, глупые, сами не видите и не знаете, как погибаете. Ведь секунда одна... ну, да полно, полно, радость моя, встань, Господь тебя простит; ведь теперь ты еще больше моя, ибо я тебя ныне ночью, аки добычу, у льва из зуб вырвал!»

Не менее близок к о. Серафиму был второй священник Казанской церкви о. Василий Никитич Садовский, который с годами достиг высшей духовности и сделался истинным отцом и другом Серафимовых сирот. Родившись в 1800 году, он определился по окончании воспитания в Нижегородской семинарии около 1825 года в Казанскую [церковь](#) и 28 лет состоял приходским священником, а затем переведен в Дивеевский монастырь. 30 лет он был благочинным. Н. А. Мотовилов много говорит о нем в своих записках и называет его высокодобродетельным человеком, несомненной чистейшей совести, исполненным крепчайшей веры и евангельской правды, глубокоуважаемым всеми, известным батюшке о. Серафиму, которого святой старец всегда лично руководил.

Княгиня А. Колончакова рассказывала о прозорливости о. Серафима следующее обстоятельство: «1824 года 14 сентября я удостоилась быть у о. Серафима и получить от него благословение. Я пришла к нему с той целью, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около 4 лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: «Ты много не огорчайся: во всяком роде бывает траур». Когда же начала

я говорить ему о своем брате, он отвечал мне: «Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой». Прозорливость его действительно оправдалась: через три месяца после нашего разговора я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете».

Другой случай прозорливости поведала некая госпожа Н.Н.

«В 1825 году в первый раз посетила я с сестрой Саровскую пустынь, с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Сестра моя первая удостоилась видеть его после утрени и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с ней, потому что не была у заутрени по причине сильной головной боли. По окончании же обедни отправились мы обе к благочестивому старцу в келью. Дорогой я заметила, что служитель сестры моей нес за нами две бутылки, и любопытствовала спросить у сестры: что такое несет он? Сестра отвечала, что она пожелала, по примеру других посетителей Сарова, принести в дар о. Серафиму немного церковного вина и масла. Я же, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что бы могла и со своей стороны принести также в дар о. Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению, и таким образом мы пришли в келью о. Серафима. Когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келье. Я не могла свести глаз с его лица, в котором дышали доброта, смирение и святость. Он принял нас, как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: «Вперед, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси», и, заметив, в какое я пришла смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: «Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то верно, там есть пчелы; так ты велела бы из воску насучить свечей, тогда бы это и было твое». После этого он начал беседовать с нами о пользе душ наших, много говорил о спасительном пути христианском, и каждое слово его запечатлевалось в сердце нашем».

Принимая к себе всех посетителей, сам о. Серафим, однако же, никуда не выходил из кельи и, снявши с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет. Но наконец, с благословения Божия, о. Серафим решился выйти из затвора и, не

покидая монастыря, посещать пустыню и о Господе трудиться в ней для спасения себя и ближних.

Глава VIII.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келью в течение 15 лет, о. Серафим все-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора. 25 ноября 1825 года, в день памяти святителя Климента, папы Римского, и [Петра Александрийского](#), в сонном видении, Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл «огненный столб от земли до неба» и «терпуг духовный». Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но, однако, она, не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сестрам. Число сестер настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения, но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка о. Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать ее заменить тяжелый Саровский устав более легким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» – говорил о. Серафим, но непоколебимая старица наконец ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицей матерью Александрой более не лежит на его совести или же что не пришел тому еще час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки и только, по дару предвидения, посылал избранных Божией Матерью сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь поблизости матушки-то полковницы Агафьи Семеновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне, она всему тебя научит!»

Выйдя из затвора, о. Серафим стал ходить к роднику и келье затворника иеромонаха Дорофея. Родник этот находился верстах в двух от монастыря, и в Саровской обители не знают, кем он был первоначально вырыт. Теперь он был покрыт накатом из бревен и засыпан землей; вода вытекла из него через трубу. Вблизи родника, на столбике, по-видимому нарочно устроенном, стояла икона св. апостола и евангелиста Иоанна

Богослова. По этому обстоятельству родник называли богословским. Когда о. Серафим жил еще в дальней пустынке, то хаживал к этому месту, которое ему очень нравилось, и здесь упражнялся в телесных трудах. На расстоянии четверти версты от богословского родника, на горке, стояла келья, в которой спасался инок, иеромонах Дорофей. В половине сентября 1825 г. благочестивый отшельник переселился в иной, лучший, небесный мир, к которому всю жизнь стремилась душа его. Между тем старец Серафим от долговременных подвигов пришел в крайнее изнеможение: со времени стояния на камнях у него не переставали болеть ноги, а к ногам присоединилось еще ощущение сильной боли в голове. Ему советовали, для поддержания здоровья, иметь движение и пользоваться свежим воздухом. Чувствуя действительную необходимость, он начал еще с весны 1825 года выходить из своей кельи по ночам. Это открыл инок Филарет. Наступил [Великий пост](#) – время особых подвигов для иноков Саровских. Однажды Филарет, встав очень рано утром и совершив свое домашнее правило, вышел из кельи в ограду монастыря, вдруг видит он вдали человека, во мраке, который несет на руках какую-то тяжесть. Филарет сотворил молитву и крикнул: «Кто тут?»

«Убогий Серафим, Серафим убогий, – было ответом. – Умолчи, радость моя!» Тогда Филарет подошел к старцу и, по обычаю, принял от него благословение. Тут он увидел, что о. Серафим нес на руках своих значительной величины камень. Он взял его вне монастыря из-под горы у того места, где [церковь](#) св. Иоанна Предтечи, а Филарет проследил, что старец положил его возле алтаря соборного храма (где ныне он похоронен).

Получив во сне от Божией Матери разрешение выйти из затвора, о. Серафим проснулся, сотворил обычное правило и пошел к игумену Нифонту просить благословения на беспрепятственный выход, по болезни ног и головы, на день в пустынную келью иеромонаха Дорофея. 25 ноября было первым днем, в который старец пошел в лес.

Надо заметить, что в то время батюшка о. Серафим не имел в Саровской обители таких друзей, какими были ему духовник о. Иосиф, о. Пахомий, затем отчасти о. Исая. Игумен о. Нифонт ходил к о. Серафиму, беседовал с ним, наслаждался духовным совершенством старца, но с прежней откровенностью о. Серафим не относился ни к кому. Теперь скорее отроковица Мария Семеновна и Михаил Васильевич Мантуров слышали о бывших о. Серафиму откровениях и даваемых ему поручениях Божией Матерью, чем Саровские иноки. С другой стороны, это и понятно, потому что о. Иосиф и о. Пахомий были наставниками и духовниками о. Серафима, который в упоминаемое время уже сам достиг старческих лет. Поэтому при составлении жизнеописания о.

Серафима авторы пользовались более материалами частными, как показания М. В. Мантурова, протоиерея о. Василия Садовского и Н. А. Мотовилова, чем рассказами Саровских иноков, которые имели перед глазами жизнь нескольких подвижников и затворников. М. В. Мантуров не оставил своих записок, но, несомненно, живя в Дивееве после кончины батюшки с о. Василием и Н. А. Мотовиловым, он и два друга вместе записывали прошлое, известное им со слов старца Серафима. Таким образом вернее, что записки Н. А. Мотовилова писаны ими всеми вместе.

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители о. Серафима говорится (тетрадь № 6): «Когда 1825-го года 25 ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и [Петра Александрийского](#), как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим постоянно говаривал, пробираясь по обычаю сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустынке, увидел он ниже того места, где был некогда богословской колодезь, и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его и где тогда была лишь трясина), а дальше и позади Нее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив землю жезлом так, что искипел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафьи – монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее: ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве: и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер». И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахиней Александрой. И указала, как обнести это место канавою и валом, и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и кельи первые, а потом по времени соорудить в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную [церковь](#) для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего дивеевской монахини Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый, нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший. И за непременно правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он и потом навсегда принимались бы лишь одни девицы, на прием которых Сама Она изъявит Свое благоволение, и обещалась

Сама быть всегдашней Игуменьей сей обители Своей, изливая на нее все милости Свои и всех благодатей Божиих благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. На месте же, где стояли Пречистые стопы Ног Ее и где от ударения жезлом Ее искипел из земли источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам онаго большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской».

Далее Н. А. Мотовилов пишет, что «батюшка о. Серафим основал обитель не по простой своей человеческой мысли и по примеру, где-либо до него существовавшему, но решительно лишь по одному, особенно нарочито на счет этой обители его, бывшему ему личному явлению Самой Божией Матери; и не только устав сей обители и молебные правила, и житейское законоположение для оной опять-таки не сам придумал, а все по единственной воле Ее, из уст в уста возвещенной ему, установил; но даже и ни одной девицы в оную по своему личному желанию, избранию или усмотрению не принял, а хотя и принял иных, но когда Мать Божия не одобряла его выбора, возбраняла ему в том, то он уже не держал их более тут, а отсылал в другую общину, к Ксении Михайловне, чем самым и мне объяснены и явственны различие между ними и их несметная отдельность и полная друг от друга независимость и всецелая каждой из этих общин фундаментальная самостоятельность».

Ныне на месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 года устроен колодезь, отличающийся чудотворной силой, и ниже, вблизи него, существует прежний богословский колодезь.

Через несколько дней после этого явления Матери Божией, а именно 9 декабря, пришли к о. Серафиму две любимые им дивеевские сестры Параскева Степановна и отроковица Мария Семеновна. Не без устроения Божия и воли Богоматери явились именно они в этот день. Отец Серафим объявил им, что они должны с ним идти в дальнюю пустынку. И вот, как записано (в тетради № 6) за рассказывавшей Параскевой Степановной, они втроем вышли из Сарова, как только ударили к утрени, и пришли к источнику Матери Божией, когда заблаговестили к поздней обедне. Дорогой батюшка упоминал о том, что уже 12 лет, как он вышел из своего затвора (то есть открыл дверь кельи для проходящих) и не ходил этими местами. Подойдя к источнику, он объяснил, что колодезь и столбики сделаны им самим. Из этого можно заключить, что с 25 ноября по 9 декабря о. Серафим работал у источника этого, вырывал колодезь, обкладывал кругом и т. д. Тут же о. Серафим совершил чудо целебной водой источника. Как рассказывала Прасковья Степановна, она давно, постоянно кашляла, и батюшка, видя это, обратился к ней со словами: «Зачем ты кашляешь, брось, не надо!» «Не могу, батюшка!» –

ответила больная. Тогда о. Серафим почерпнул воды из источника своей рукавичкой и напоил Прасковью Степановну, которая немедленно перестала кашлять и навсегда излечилась от этой надоедливой болезни. От источника они прошли в лес и к дальней пустынке. Когда они вошли в хижину, то о. Серафим подал им две зажженные восковые свечи, из взятых с собой по его приказанию вместе с елеем и сухарями, и велел стать Марии Семеновне с правой стороны распятия, висевшего на стене, а Прасковье Степановне – с левой. Так они стояли более часа с зажженными свечами, а о. Серафим все время молился, стоя посредине. Помолясь, он приложился к распятию и им велел помолиться и приложиться. После этого сестры целый день чистили вместе с батюшкой погреб возле пустынки и вечером пошли обратно в Саров.

Некоторые полагали, что в этот знаменательный день первого выхода в дальнюю пустынь о. Серафим молился о Дивеевской общине и здесь получил *первую мысль* об устройстве для нее мельницы (см. Саровское изд. 1893 г., с. 84), но это ошибочное мнение. Мы видели, что о. Серафим не допускал иметь *своей мысли* и в таком важном и необыкновенном деле, как основание обители, и руководствовался лишь приказаниями Пресвятой Игумений, Матери Божией. Нам думается, что о. Серафим перед началом построения мельницы и основания новой общины хотел где-нибудь наедине помолиться с такими сестрами, которых Матерь Божия избрала на особое служение Ей и обители. Как известно, Прасковья Степановна была назначена первой старшей мельничной Дивеевской обители, а Марья Семеновна, вскоре как 19-летняя схимонахиня Мария представившаяся пред Господа, была назначена, по словам о. Серафима, начальницей над дивеевскими сиротами в Царствии Небесном, в обители Божией Матери. Позволяем себе думать, что во взаимной молитве основателя обители и двух ее начальниц, на земле и на небе, был великий и сокрытый в то время смысл, понятный лишь одному святому старцу.

Начиная с этого дня (то есть 9 декабря), рассказывала Прасковья Степановна, батюшка весь год сам трудился, готовил столбы и лес для мельницы, и дивеевские сестры работали у него, для чего в своей дальней пустынке он сложил печь, чтобы они здесь отдыхали после трудов.

В 1826 году, в тот же день 9 декабря, Зачатия Божией Матери, были привезены в Дивеево на Саровских лошадях столбы и бревна к месту, предызбранному для нового поселения сестер. Весь материал был приготовлен о. Серафимом, а затем и самим сестрам дано благословение вывозить Саровский лес для мельницы. Так как земля, предназначенная для постройки мельницы, принадлежала г-ну Баташеву, то о. Серафим посылал Прасковью Степановну на Илевский завод к его приказчику.

Прасковья Степановна рассказывала, что она пятнадцать раз ездила на завод с сестрой Марьей Семеновной, но не могла добиться милости. Царица Небесная устроила так, что генеральша Вера Андреевна Постникова, урожденная Баташева, приехала в Саров к о. Серафиму. Старец стал просить у нее эту землю, и Вера Андреевна с любовью обещала уступить ее, взяв этот участок на свою долю, но, однако, позабыла заявить о том главной конторе, в ведении которой была земля. Тогда батюшка просил из конторы отнестись к генеральше Постниковой, и вскоре получилось письменное заявление Веры Андреевны о пожертвовании ею одной десятины земли. Затем впоследствии генеральша Постникова вместо одной десятины подарила три. Отец Серафим несказанно утешился таким милосердием Божиим и приказал сестре Елене Васильевне Мантуровой написать ей от него благодарственное письмо и послал в благословение сухариков. Только зимой 1829 года была отмежевана эта земля, и тогда весной о. Серафим приказал сестрам этот участок земли обрыть канавкою.

О радости батюшки о. Серафима, когда он получил в подарок три десятины земли, свидетельствует нам и любимая батюшкой сестра Ксения Васильевна. Когда она пришла к о. Серафиму, он, весь сияющий, воскликнул: «Видишь ли, матушка, как Сама Царица Небесная схлопотала нам землицы, вот мы тут мельницу-то и поставим!»

В Саровском жизнеописании о. Серафима (1893 г., с. 101) говорится, что от настоятеля о. Нифонта было позволено воспользоваться для сего дела Саровским лесом и дано благословение сестрам вывозить лес для мельницы. Из этого можно заключить, что Саровские иноки подарили лес о. Серафиму и Дивеевской общине, основанной Агафьей Семеновной Мельгуновой, которая столько пожертвовала денег на холодный Саровский собор и дала при смерти еще 40 тысяч о. Пахомию. Но истина совершенно иная. Лес на мельницу был продан о. Нифонтом о. Серафиму, который приобрел его на свои деньги. Мало того, любимица о. Серафима монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) свидетельствует следующее: «Много терпел за нас батюшка, – рассказывала старица, – много родименький принял за нас, много перенес терпения и гонения! Как впервые-то прислал наш батюшка на мельницу-то два столбика, да вовсе так и незначашие, привезли их к нам, да так у воротец-то и сложили, даже класть-то еще негде было у нас. Вдруг, глядим, приезжают к нам из Сарова следователи-монахи, обыскивать нас. Бранятся: «Ваш Серафим все таскает, – говорят они, – кряжи увез! Показывайте сейчас, где они у вас запрятаны!» Чудеса! Показали мы лежащие у ворот столбики. Вот, говорим мы, что прислал нам батюшка, глядите! И верить не хотят, бранятся: «Такие и сякие, все попрятали!» Куда нам было и прятать-то, кельюшка была так, вовсе

махонькая, а земля кругом – вся чужая! Прихожу я после к батюшке-то, а он меня и встречает: «Во, – говорит, – радость моя! Суды заводят, кряжи увез я, Ксенья! Судить хотят убогого-то Серафима, зачем слушает Матерь-то Божию, что велит Она убогому, зачем Матерь-то Божию слушает, зачем девушек дивеевских не оставляет! Прогневались, матушка, прогневались на убогого Серафима! Скоро на Царицу Небесную подадут в суд!» Ввиду этого рассказа нельзя сомневаться, что запи-си Дивеевского монастыря справедливы и лес для мельницы куплено. Серафимом на свои деньги.

Только что повествовавшую нам сестру Ксению Васильевну, весьма молодую в то время, о. Серафим послал в город Арзамас купить жерновые камни для мельницы. Боялась неопытная девушка браться за такое непосильное поручение, но о. Серафим приободрил ее, вперед рассказал, как ей следует ехать, кто встретится, к кому придется обратиться и т. д. Сознывая, что они живут постоянными чудесами, Ксения Васильевна решилась поехать и исполнила приказание святого отца. Но только она вернулась, как батюшка объявил ей, что Царица Небесная приказала иметь два постова на мельнице, один во имя Господа Иисуса Христа, а другой в Свое имя, а потому ей следует отправиться в село Хохлово, к знакомому ему торговцу, чтобы там купить по случаю большого размера камни. Ксения опять смутилась, ибо не знала дороги в село Хохлово, проходящей все время по лесу, и никогда не встречала у батюшки этого торговца, но, послушная слову старца, она со страхом направилась к означенной деревне. Дорогой, никого не встречая, Ксения сомневалась, так ли идет она, но затем заметила, что перед ней летало несколько желтых птичек, которые отлетят и сядут, а когда она подойдет к ним, снова вспорхнут и сядут на неизвестном расстоянии по дороге. Тут она поняла, что птички посланы ей указывать путь, и продолжала идти уже весело и радостно. Придя в село Хохлово, она обратилась с вопросом к крестьянину, который смазывал свою телегу и приготавливался в путь. Оказалось, что перед ней стоит именно тот торговец, к которому послал ее батюшка. Так исполнила Ксения и второе поручение.

Михаилу Васильевичу Мантурову о. Серафим приказал ведать всеми работами. С 1825 г. стал посещать батюшку и о. Василий Садовский, которого великий старец очень полюбил и затем постепенно вел по пути духовного совершенства. В своих записках о. Василий рассказывает, что когда он в первый раз пришел к о. Серафиму, то старец начал поучать его, как следует руководить духовных детей и сестер обители, а затем, прося его, в свою очередь, их не оставить, сказал восторженно: «Как нам оставить великое это Божие дело и тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна! Ведь она была великая жена,

святая, смирение ее было исповедимо, слез источник непрерывный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная! Одежду носила самую простую, и то многошвейную, и опоясывалась кушачком с узелком; а как идет, бывало, то госпожи великие ее ведут под ручки, столь за жизнь свою была всеми уважаема! Так как же нам презреть ее прошения! Я ведь теперь один остался из тех старцев (разумевая строителя Пахомия и казначея Исаяю), коих просила она о заведенной ею общинке. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, и ты не оставь их!»

Отец Серафим в духовно-назидательных беседах своих с приходящими часто говорил: «Матушка Агафья Семеновна великая жена и всем нам благотворительница была и столь изобиловала благодатью Божией, скажу вам, что удостоилась дара духовного, имея слез источник непрерывный такой, что в бытность ее здесь в Сарове во время служб церковных, становясь в теплом соборе, против чудотворной иконы Живоносного Источника, из глаз ее текли не слезы, а источники слез, точно она сама соделывалась тогда благодатным источником этих слез! Великая и святая жена была она, матушка Агафья Семеновна, вельми великая и святая!»

Сестра обители Дарья Зиновьевна свидетельствовала (Летопись, тетрадь № 4), что о. Серафим говорил ей лично, в присутствии старицы Анны Алексеевны и о. Павла, соседа своего по келье в монастыре, передавая два больших пука свеч, белых и желтых: «Вот, батюшка, смотри, – я им даю свеч в воспоминание матушки Александры! Она святая была! Я и сам доньше ее стопы лобызаю! Теперь пока ничего у нас нет, а как Бог благословит, в мощах она у вас будет, тогда все у вас явится; как источник потечет со всех сторон! Народ будет смотреть и удивляться, откуда что возьмется!»

Отец Серафим, по свидетельству многих лиц, говорил о будущем Дивеева, заповедуя всегда ходить и служить Казанской церкви и никогда не называть ее приходской, так как со временем она присоединится к монастырю и будет теплым, зимним собором обители. Он положительно предрекал, что со временем, по Божию изволению, должны в обители почивать открытыми святыи мощи матери Александры, и приказал всем каждый день утром и вечером ходить кланяться ее могиле, произнося при этом: «Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобы и мне было прощено, как ты прощена, и помяни меня у престола Божия!»

Известно, что о. Серафим говорил также Елене Васильевне Мантуровой, Марии Семеновне Мелюковой, Дарье Зиновьевне, Екатерине Егоровне о том, что матушка Александра почивает в мощах, ныне же мы имеем обратное свидетельство лишь от престарелой Ксении Васильевны

Прутковой, то есть монахини Капитолины, которая не подтверждает показаний покойных сестер и, в свою очередь, свидетельствует, будто о. Серафим ей говорил, что мать Александра достигла великого и находится вблизи Св. Троицы, но не почивает в мощах. Будущее покажет, чьи слова были справедливы.

Старица Екатерина Егоровна, впоследствии монахиня Евдокия, рассказывала (Летопись, тетрадь № 4), что о. Серафим на слова ее, «что гроб матери Александры у приходской церкви», так заметил ей: «Что это ты, матушка, говоришь, чего выдумала, какая там приходская [церковь](#)?! Нет у нас приходской церкви и никогда не могли так говорить, матушка! [Церковь](#) Казанская наша церковь, нам матушка Александра и созиждала, она и мощами своими тут почивать будет; и никогда так не можете называть ее – приходскою!»

Старица Прасковья Ивановна, впоследствии монахиня Серафима, показала, что о. Серафим незадолго до своей кончины говорил ей (Летопись, тетрадь № 4): «У вас, матушка, первоначальница-то мать Александра больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобызаю! Вот она обитель заводила, а я возобновлю! Она почивать в мощах у вас будет, матушка!»

Старице Устинье Ивановне, впоследствии монахине Иларии, о. Серафим говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Если бы ты знала только, матушка, какая великая раба Божия заводила место это и покоится у вас в обители, ты бы не скучала! Одежда ее была многошвейная, плат ветхий, и зеницы ее не просыхали от слез! Я сам и доныне стопы ее лобызаю! Каждодневно ходи на ее могилу и проси ее помянуть тебя у престола Божия!»

Старице Евдокии Ефремовне, впоследствии монахине Евпраксии, удостоившейся с о. Серафимом посещения и видения Матери Божией в день Благовещения, батюшка так говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Теперь будете скорбеть да скорбеть, никакой отрады, а после зато, как Господь мощи-то откроет, радость будет великая!»

Мы привели здесь все эти показания покойных сестер, ввиду существующего разногласия о предсказаниях о. Серафима насчет открытия мощей матери Александры и чтобы охарактеризовать этот почему-то спорный вопрос.

Из беседы о. Серафима с о. Василием Садовским в 1826 году, находящейся в записках последнего, явствует, что батюшка лично желал назначить начальницей своей мельничной обители Елену Васильевну Мантурову. Так, перед постройкой своим девушкам «мельницы-питательницы», как всегда выражался старец, призвал он священника о. Василия, который застал о. Серафима сидящим у своего источника грустным, скорбным. Вздыхая, батюшка произнес:

«Старушка-то (то есть матушка Ксения Михайловна) у нас плоха! Кого бы нам вместо нее-то, батюшка?!» – «Кого уже вы благословите...» – ответил недоумевающий о. Василий. «Нет, ты как думаешь?! – переспросил старец. – Кого? Елену Васильевну или Ирину Прокопьевну?» Но о. Василий и на этот вторичный вопрос батюшки ответил: «Как вы благословите, батюшка». «Вот то-то, я и думаю Елену-то Васильевну, батюшка; она ведь словесная! Вот потому я и призвал тебя. Так ступай-ка ты да и присылай ее ко мне», – сказал о. Серафим.

Когда к нему пришла Елена Васильевна, батюшка в восторге объявил ей, что она должна быть начальницей его обители. «Радость моя! – сказал о. Серафим. – Когда тебя сделают начальницей, то тогда, матушка, праздник будет великий и радость у вас будет велия! Царская Фамилия вас посетит, матушка!» Елена Васильевна страшно смутилась. «Нет, не могу я этого, батюшка! – ответила она прямо. – Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницей – не желаю и не могу я быть, батюшка!»

Несмотря на это, о. Серафим впоследствии, когда устроилась мельница и он перевел в нее семь первых девушек, приказал во всем им благословляться и относиться к Елене Васильевне – начальнице их, хотя она так и осталась до самой смерти своей жить в Казанско-церковной общинке. Это до такой степени смущало юную подвижницу, что даже и перед смертью своей она твердила, как бы в испуге: «Нет, нет, как угодно батюшке, а в этом не могу я его слушаться; что я за начальница! Не знаю, как буду отвечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, и послушать его в этом никак не могу!» Однако о. Серафим все время поручал ей всех присылаемых им сестер и, говоря о ней, называл всегда «Госпожа ваша! Начальница!». Вообще начальствование Елены Васильевны было и осталось загадочным и непонятным, так как вскоре она чудесно скончалась.

Теперь вернемся к ближайшей пустынке великого старца. Летом 1826 года, по желанию старца, богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, был снят; сделан новый сруб с трубой для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удобрявал их мхом, сажал лук и картофель. Старец избрал себе это место потому, что по болезни не мог ходить в прежнюю свою келью за шесть верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему после утренних трудов на ногах посещать для отдохновения в полуденное время келью о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника,

новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиной в три и шириной в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец открыт был земляной, со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827 году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келью с дверями, но без окон; внутри нее была печь, совне сколочены сенцы из досок. В течение 1825–1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келью, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыни; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыгой в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали: «Для чего он это делает?» Он отвечал словами св. [Ефрема Сирина](#): «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор под именем *ближней пустыни о. Серафима*, а родник стали называть *колодцем о. Серафима*.

Ксения Васильевна Путкова рассказывает следующее об этой пустынке (тетрадь № 6, рассказ № 32): «И вот еще как задолго предсказал мне наш родименький батюшка, что пустынка-то его наша будет, к нам отойдет! Пришла я к нему в Саров и в самое то время, как усердием верующих ему строилась эта вот пустынка его. Посадил он меня возле и сам сел, и много-много говорил мне назидательно о кротости, смирении и любви, как должны мы любить его, и кто так будет поступать, тот всегда с ним будет; потом и говорит: «Я тебя к себе возьму! Вот смотри-ка, радость моя, ведь эта вот пустынка нам с тобою строится; ведь она у вас будет, пустынка-то, и будем мы жить, как Авраам и Мария!» А я, по молодости лет не понимая ничего, смеючись, просто говорю батюшке: «А я возьму да и уйду от вас, как Мария-то от Авраамия». «Нет, – отвечает, – радость моя, нет тебе дороги уйти-то: Авраам да Мария жили во притворе, а я тебя внутрь себя возьму! Ты и не уйдешь, матушка!» Уж много лет после, когда привезли нам пустынку, уразумела я слова баюшки; ведь всегда я была с ним духом и не могла уже уйти из обители».

Со времени построения новой кельи, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима постоянно разделены были между двумя местностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщем.

В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за ранней литургией в больничной церкви Св. Тайн. В будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. На день же, с четырех, даже с двух часов ночи, удалялся в ближнюю пустынь, провождая в ней время до семи или

восьми часов пополудни. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жажда увидать его, принять благословение и услышать слово назидания; другие приходили к нему в пустынную келью. Старцу, ослабевшему в силах, было тяжело простирать деятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посетителей и не развлекаться от беседований, о. Серафим в начале поселения в ближайшей пустыни причащался Св. Тайн, как и во время затвора, в своей келье. Некоторых стало соблазнять это обстоятельство. Как, в самом деле, старец ходит в пустынь за две слишком версты от монастыря, а Св. Тайн причащается в келье? Но соблазняться было нечем... Старец продолжал причащаться в келье потому, собственно, чтобы избежать многочисленных посетителей, которых еще не в силах был принимать к себе. Однако же, для предотвращения соблазна немощных в совести, от епископа Тамбовского последовало предложение, чтобы старец Серафим сам приходил в [церковь](#) для причащения Св. Тайн. Услышавши о таком распоряжении, он сказал, что не оставит причащаться Св. Тайн, хотя бы пришлось для этого ходить на коленях, и распоряжение архиерея принял со смирением. Но, кажется, это было распоряжением свыше земной власти с целью короче сблизить старца с нуждами верующих. Ибо когда о. Серафим стал ходить в больничную [церковь](#) к ранней литургии, то число усердствующих к нему возросло до огромной цифры. Старец почти не имел покоя ни в пустыни, ни на дороге, ни в монастыре. Строитель Нифонт, любивший старца Серафима, о множестве посетителей говаривал, бывало, так: «Когда о. Серафим жил в пустыни (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских».

Умилительно было видеть, как старец, после причастия Св. Тайн, возвращался из церкви в свою келью. Он шел в мантии, эпитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился хотя слегка взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя: взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям таинством св. Причащения. И благоговевая к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедши в свою келью, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Не менее умилительно было видеть этого смиренного, седовласого, сгорбленного старца, подпиравшегося мотыгой или топором, в пустыни

за рубкой дров, возделыванием гряд, в убогой камилавке, в белом балахоне, с известной уже нам сумой за плечами.

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божиим, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях св. отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Впрочем, старец, украшенный высокой духовной опытностью, наблюдал известные правила в раскрытии пред другими своих благодатных дарований. Правила сии изложены им в наставлении: *о хранении познанных истин.*

«Не должно, – говорил он, – без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил свою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другим?»

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных. Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по [Священному Писанию](#), смотря, сообразны ли слова его с волею Божиею, и по тому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию. Надобно в сем случае следовать учению св. [Дионисия Ареопагита](#) (О небесной иерархии, гл. 2): соделавшись сам божествен, божественных вещей познанием, и в тайне ума сокрыв святая от неосвященного народа, яко единообразная храни, не бо праведно есть, яко же Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов – чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: *не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращеся расторгнут вы* ([Мф. 7,6](#)).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изречению св. [Исаака Сирина](#), лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел (Сл. 89).

Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно, по глаголу: *Аз прославляющия Мя прослаблю* ([1Цар. 2, 30](#)). потому что путь уже открылся».

Таковыми-то правилами духовного рассуждения руководствовался о. Серафим в своем обхождении с другими.

Особенную любовь и почтение о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями *православной* веры Христовой, как-то: Клименту папе Римскому, [Иоанну Златоусту](#), [Василию Великому](#), [Григорию Богослову](#), [Афанасию Александрийскому](#), [Кириллу Иерусалимскому](#), [Епифанию Кипрскому](#), [Амвросию Медиоланскому](#) и им подобным, называя их столпами Церкви. [Жизнь](#) и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной Церкви, приводя в пример блаженного [Марка Ефесского](#), явившего непоколебимую ревность в защите Восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о Православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целостности и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной Церкви – Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, [Димитрии Ростовском](#), Стефане Пермском, преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьи-Минеях, творения многих отцов Церкви так твердо знал, что на память пересказывал из них целые отделения, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения, и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осолоненного благодатью, непременно производила свое действие. Не выходили от

него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него бывало в келье около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращающихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. Итак, посмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара, но неожиданно встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только вступили они в келью, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келье, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из кельи старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собой. Отец Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл перед ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, отец Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру: на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с не любящими его он был *мирен*, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда,

благословляя Господа Бога, говорил: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу (Пс. 113,9)*. Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим как бы плодом своего дела. «Мы, – говорил он, – должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: *о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются; радуйтесь же, яко имена ваша написана суть на небесех*» (Лк. 10, 20).

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, и июня 1827 года исцелена была Александра, жена Нижегородской губернии Ардатовского уезда, села Елизарьева дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года и она имела двух детей. 6 апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с ней сделалась дурнота, головокружение: муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы пришедши в себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось, и наконец уснула. Спустя месяц эти болезненные припадки стали повторяться с ней ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы: там был иностранный доктор; он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу на чугунные заводы. «В Выксе же, по описанию мужа больной, доктор был иностранцем с *большою привилегиею*». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксунский доктор истощил все свое внимание, познания и искусство и наконец дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не может». Такой конец лечения очень опечалил всех и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11 июня 1827 года больная увидела сон. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: «Что ты страждешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положивши на себя крестное знамение, начала читать молитву св. Креста: *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его*. Явившаяся отвечала ей: «Не бойся меня: я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую

обитель к о. Серафиму; он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты такая и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафья». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно делались с ней обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал; но больная, приблизившись к его келье, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Там он накрыл ее эпитрахилью и тихо произнес молитву ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную св. богоявленской водой, дал ей частицу св. антидора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со св. водой да еще сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафьи, возьми себе земли и сотвори на сем месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафья) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: отче Серафим! помяни меня на молитве и помолися обо мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно, с великим шумом: она была здорова во все последующее время и невредима. После этого недуга она родила еще четырех сынов и пять дочерей. Собственноручная запись о сем мужа исцеленной оканчивается следующим послесловием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

Глава X.

Батюшка о. Серафим постоянно исцелял своих сирот от разных болезней. Раз сестра Ксения Кузьминична (тетрадь № 1) страдала зубной болью, от которой не спала ночи, ничего не ела и изнемогла, так как приходилось днем работать. Сказали о ней старшей сестре Прасковье Семеновне; она послала Ксению к батюшке. «Как только он меня увидел, – рассказывала Ксения, – то и говорит: «Что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла? Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит». А я подумала, что это, разве он сам не может меня исцелить? Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он туго-натуго сжал мне лицо обеими руками и несколько раз провел по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло».

Сестра Евдокия Назарова также рассказывала (тетрадь № 1), что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног и ее

привезли к батюшке о. Серафиму, который, увидав ее, стал манить к себе. Ее с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел грести сено. Тут почувствовала она, что с нее что-то спало, и она начала грести, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние стали выговаривать ей, зачем она такая больная пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: «Примите ее к себе в Дивеево, она будет вам прясть и ткать». Так трудилась она до вечера. Батюшка накормил ее обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровой.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении ее отцом Серафимом (тетрадь № 1). «Он, кормилец мой, два раза исцелял меня, – говорила она. – В первый-то я словно порченная была, а потом у меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть: сильно дунул на меня, завязал платочком мне все лицо, да тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Он мне говаривал: «Радость моя! Ты будешь забвенная у всех». И доподлинно, бывало, приду к матушке Ксении Михайловне просить чего или из обуви, или одежды, а она скажет: «Ты бы вовремя приходила и просила; ступай на поклоны». Всем дает, а мне нет. Раз Татьяна Григорьевна что-то на меня оскорбилась и говорит: «Ах ты забвенная!» – а я вспомнила это слово батюшки да как закричу, заплачу. Так и сбылось слово батюшки, всю свою жизнь я была у всех «забвенной». Раз мы с Акулиной Васильевной пришли к батюшке, долго что-то он говорил ей наедине, все в чем-то убеждал, но, видно, она послушалась. Он вышел и говорит: «Вынь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей». Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел – мне, потом насыпал целый мешок сухарей, да и начал его бить палкой, а мы смеемся, так и катаемся со смеху. Батюшка взглянет на нас да еще пуще его бьет, а мы, зная, ничего не понимаем. Потом завязал батюшка да и повесил на шее Аграфене и велел нам идти в обитель. После уже поняли, как эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потом опять поступила к нам и скончалась в Дивеево. Я как возвратилась в обитель, прямо пришла к матушке Ксении Михайловне да сказала, что мы три ночи ночевали в Сарове. Она строго мне выговорила: «Ах ты, самовольница! Как без благословения столько жила!» Я прошу прощения, говорю: батюшка нас задержал, и подаю ей сухари, что принесла. Она отвечает: «Коли батюшка оставил, так Бог простит. Только он дал их тебе к терпению». Так вскоре и вышло: на меня много наговорили матушке, и она меня

выслала. Я все плакала, да и пошла к батюшке Серафиму, все ему рассказала, сама плачу, стою перед ним на коленях, а он смеется, да так ручками сшибается. Стал молиться и приказал мне идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она по его благословию и оставила меня у себя. Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустынку, а у него на лице мухи, а кровь ручьями бежит по щекам. Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: «Не тронь их, радость моя, всякое дыхание да хвалит Господа!» Такой он терпеливец».

Старица Матрена Петровна передала также несколько рассказов о батюшке о. Серафиме (тетрадь № 1). Она поступила в Дивеевскую обитель 16 лет и ходила к о. Серафиму еще ребенком. Имея в обители тетку (впоследствии монахиню Алевтину), она бывала с ней с Сарове. Однажды батюшка ее облил всю святой водой с церковным вином и приказал идти к своим девушкам в обитель. Матрена Петровна желала поступить к Ксении Михайловне, а не на мельницу, так как, будучи бедная, она ходила в лохмотьях и скорее соответствовала убогим сестрам Ксении Михайловны, чем хорошо одетым сестрам мельничной обители. Но этого она не сказала батюшке и просто не пошла к Прасковье Степановне. Отец Серафим провидел поступок девочки и сказал Прасковье Степановне: «Скажи, радость моя, красненькой (она была румяная) девушке Матрене Вертьяновской, что ей нет дороги идти к Ксении Михайловне, а возьми ее к себе». Прасковья Степановна пришла сама к Матрене и передала слова батюшки, но девочка опять не исполнила приказания. Тогда батюшка послал к ней Елену Васильевну Мантурову, которая сделала выговор Матрене заслушание. Не решаясь, по застенчивости, поступить в мельничную обитель, она уговорила своего отца пойти с ней в Саров. Батюшка спросил отца: «Вручаешь ли мне свою дочь?» «Я не препятствую ей идти в монастырь, поручаю ее вам, батюшка», – ответил отец. Тогда о. Серафим взял ее за руку, положил в руку отца и сказал: «Ей нет дороги к Ксении Михайловне, а к моим девушкам пусть идет». «Я уже этого не знаю, а как она сама хочет...» – ответил отец по своему непониманию. С этого дня Матрена поступила к Прасковье Степановне, и батюшка сказал старшей сестре: «Приставь ее к лошадам, она нам годится; как соборто будут класть, она нужна будет, при работах». (Пророчество это сбылось, так как Матрена принимала и отмечала кирпич при постройке собора в шестидесятых годах.) Как только поступила Матрена Вертьяновская в обитель, то вскоре захворала лихорадкой. Пять месяцев она была ее и наконец совершенно изнурила. Батюшка Серафим приказал ее отвезти к родителям и там выкупать в реке, что и сделали. После этого лихорадка была ее три дня без отдыха и сразу пропала. Через

некоторое время, однако, лихорадка вернулась, батюшка приказал тогда привезти ее, как ни была она слаба, в телеге в Саров и выкупать на источнике. Здесь уже она окончательно выздоровела.

Болящая монахиня Мелетина свидетельствовала, что, посылая ее в обитель, о. Серафим говорил (тетрадь № 1): «Знаешь оржаное зерно? Будем по зернышку учиться, а там, матушка, всему научимся и спасемся; земля же под нами вся святая, и все живущие на ней и по окрестностям все спасутся, а кто мое имя будет поминать, не оставлю и я в молитвах моих. Ты не жалуйся на меня, убогого Серафима, за то, что против твоего желания призвал в мою обитель; не я, а Сам Господь и Божия Матерь тебя привели, а я только постарался о тебе. Вы знаете, какое здесь было вражье жилище, но милосердый Господь по Своему человеколюбию и благодати дозволил мне прогнать все сатанинское полчище!»

Мы упоминали о том раньше, что местность деревень Дивеева и Вертьянова была полна заводского населения, разврата, пьянства и, как принадлежавшая множеству помещиков череполосно, отличалась трудностью для управления. Теперь из вышеприведенных слов о. Серафима еще яснее обрисовывается бывшее духовное состояние в сей местности.

Насколько часто сестры дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы (тетрадь № 1). Вновь поступающих он еще заставлял чаще приходиться других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828–1829 годов он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться. Следовательно, ей надо было пройти 50 верст и еще провести время в Сарове. Она смутилась и сказала: «Не успею так, батюшка!» «Что ты, что ты, матушка, – ответил о. Серафим, – ведь день теперь продолжается 10 часов». «Хорошо, батюшка», – сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келью к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил ее, назвав: радость моя! Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святой водой и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толокном и сухарями. В Дивееве она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал ее, говоря: «Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею». Посадил Прасковью и поставил перед ней большое блюдо пареной капусты с соком. «Это все твое», – сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который ее несказанно удивил. Потом из

расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей приготовил такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит: «Поди-ка, матушка, в пустынку, там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его». Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил черствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать, так засох хлеб, и подумала: вот какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал: «Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте». В другой раз сестра Прасковья Ивановна впала в искушение, начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из обители, но не знала, открыться ли батюшке? Вдруг он присылает за ней. Она входит, смущенная и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда ниже мыслию не выходил из монастыря». Повторяя еще несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил ее, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своем повествовании, что в продолжение рассказа «все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом». В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустынке к нему подошли курские купцы, заехавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку: «Что прикажете сказать вашему братцу?» Отец Серафим ответил: «Скажите ему, что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь и день и ночь». Они отошли, а батюшка, воздевши руки, с восторгом несколько раз повторил: «Нет лучше монашеского житья, нет лучше!» Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом, белом балахончике. Еще издали воскликнул он: «Что я тебе, матушка, принес!» – и подошел к ней, держа в руках зеленую веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста еще такой же фрукт, он произнес: «Вкуси, матушка, это райская пища!» В то время года еще не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в мельничной обители о. Серафима Прасковья Семеновна свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сестрам и между прочим рассказала, как страшно было послушаться его (тетрадь № 1). Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марьей Семеновной на двух лошадях за бревнами. Они поехали прямо к

батюшке в лес, где он их уже дожидался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких бревнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела, начала околевать. Сознывая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени тут же, в слезах заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили бревнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать ее.

Старица Евдокия Ефремовна еще свидетельствовала (тетрадь № 1), что батюшка ей сказал: «Что у Господа 12 Апостолов, у Царицы Небесной 12 дев, так вас 12 у меня. Как Господь избрал Екатерину мученицу Себе в невесты, так и я из 12 дев избрал себе в невесты в будущем – Марию. И там она над вами будет старшей! Теперь я избираю вас в сестры себе, а которые будут после меня поступать в обитель, те-дочки мои».

«Была у меня в селе Аламасове, – продолжала старица Евдокия Ефремовна, – на расстоянии от нашей обители 17 верст, родная сестра. Она сделалась больна, и мне должно было навестить ее. Благословившись у старшей Прасковьи Степановны, я пошла в Аламасово. Дорога идет лесом; дошедши до места, где она поворачивает на Саров, припала я к земле, как бы поклоняясь батюшке Серафиму в ножки, потом мысленно целовала их, а также крест медный, Распятие Господне, которое он всегда на себе носил, взяла в рот снегу и проглотила его, вместо частей из просфор, которые батюшка раздавал всем. Сделавши все это, я стала покойна, точно лично побывала у него. На другой день после того приходит к батюшке сестра нашей обители Екатерина Егоровна, он говорит ей: «Вчера была у меня Евдокия-глухенькая (так прозывалась я), благословила в с. Аламасово к больной своей сестре, целовала ноги мои, руки и крест и части просфорные ела. Я благословил ее идти». Через две недели я возвратилась в обитель. Сестра Екатерина спрашивает меня: «Ты была у батюшки Серафима?» Говорю: нет. Она мне рассказала все, что говорил ей обо мне батюшка. В другой раз прихожу к нему, батюшка роет картофель. Он приказал идти к нему в пустынку, потому что там есть у него вареный картофель. «Поди, матушка, – сказал он, – приготовь его, а я тебе пришлю тульских монахинь; ты им предложи эту пищу, но только чтобы они кушали картофель с *кожурою*». Спустя немного времени приходят монахини. Я предложила им вареный картофель неочищенным. Монахини, услышав это, очень оскорбились и начали роптать на меня и на батюшку, а он в самое это время входит и говорит со скорбью: «Вот то-то, матушки, одни Серафимовы дочки должны все

терпеть, а другим-то вот все трудно исполнить». И выслал их из своей пустынки».

Ввиду важности следующего рассказа приведем еще подлинные выражения старицы Устиньи Ивановны (тетрадь № 1). «Однажды сестра обители нашей, Мария Семеновна, говорит мне, – начала она, – что батюшка Серафим многое предсказывал о нашей обители, что случится впоследствии времени. Предвидя раннюю ее кончину, он приказывал слышанное от него передать мне. Очень много чудного, утешительного в устройстве обители говорил ей батюшка в то время, когда только сделано было основание ее – мельница и одна келья поставлены. Мария Семеновна рассказывала мне так, как приняла это от батюшки Серафима, но по моей плохой памяти и давно прошедшем времени (25 лет) я не могу все рассказать, а вот что хорошо помню: в один летний день Мария Семеновна привела меня к Казанской церкви, тут стояли и другие сестры, и, показывая на все это место, сказала: «Вот помните, [церковь](#) эта будет наша, приходская же церковь будет выстроена на другом месте, при ней построятся и духовенство прихожан. Здесь же, говорил батюшка Серафим, будет лавра, а где канавка – там киновия. [Церковь](#) ваша кладбищенская будет во имя Преображения Господня. Я, – говорит Мария Семеновна, – сказала: «Батюшка, кажется, на кладбищах более бывают церкви во имя всех Святых?» А батюшка ответил, что престол всех Святых будет ранее этого устроен».

Еще батюшка сказал Марии Семеновне: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно вам, мог бы и золу превратить в золото, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее же время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет всему конец». В настоящее время мы можем перекрестясь сказать: половина предсказаний уже исполнилась! Но в то время было трудно работать сестрам, хотя батюшка оживлял, подкреплял их и от всего спасал благодатию Божиею. Старица Домна Фоминична рассказывала, что, неся послушание возить дрова из саровского леса от дальней пустынки, она и сестра Акулина Васильевна однажды зимой сильно прозябли и, как малодушные, расплакались. Пошли они к батюшке в ближнюю пустынку, не зная, тут ли он, и плача встали около нее. Батюшка познал духом, что они пришли, и три раза постучал им изнутри в стену, но они не слышали от слез. Тогда батюшка отворил дверь, принял их как нежный отец и так утешил, что они совершенно забыли свою усталость, холод и поспешили ехать домой.

Бесхитростные и простодушные рассказы сирот Серафимовых дороги тем, что они как нельзя лучше, яснее и ярче обрисовывают святую жизнь сестер Дивеевской обители, принявших, по молитвам великого

подвижника и старца Серафима, Царствие Небесное внутрь себя с детской простотой.

«Меня в ту пору, как пришла я к батюшке-то в первый раз, все замуж сватали, – рассказывает старица Акулина Ивановна Малышева. – Прихожу это я к батюшке, а он говорит: «Что, матушка, лучше: рожь или пшеница?» «Как можно; за белый-то хлеб скорее схватишься!» – отвечаю я. «То-то, то-то, матушка, ну и что лучше: земной или вечный?» «Вечный, батюшка, лучше», – говорю. «То-то вот, матушка, так и ступай-ка ты к старице Ксении Михайловне, она от земли до небес – огненный столб, матушка!» И это батюшка три раза повторил: «Она от земли до неба огненный столб, матушка!» Вот и пошла я к Ксении Михайловне, да только лишь пришла, приходит следом сестра из Сарова: батюшка наказывает, говорит, теми же следами сейчас Акулине со Стефанидой прийти, а мы уж ужинали. Что ж, батюшка велит – и пошли. Приходим, чуть-чуть брезжится, а батюшка топит, огонек высекает. «Как с яблоньки яблоко подкатилось, – восклицает батюшка, – так и ты, Акулинушка!» «За вашими молитвами, благословите, батюшка!» – отвечаю я. «Вот нака, Акулинушка, печку-то мне истопи, да мотыжку-то вот эту маленько обожги, матушка, вот тебе и голицы, да как мотыжка-то обгорит, то ты ее тряпочкой вынь-то, у меня здесь есть тряпочка на то, а не голицами; голицы-то спалишь». И ушел на источник батюшка. Истопила я печку, обожгла мотыжку, да как пришло время вынимать и думаю, где буду еще искать тряпку-то, боялась – долго не найду, а вынуть-то всего минута, что голицам сделается!.. Голицами-то и вынула, а они хоть чуточку, а подпалились... Господи! – думаю я, – что мне от батюшки-то будет? Да и пустилась бегом к источнику-то. «Батюшка! – кричу, – кормилец, прости Христа ради!» А он не дал мне договорить-то да и сказал: «То-то, то-то, матушка, ведь я тебе не велел!» А я голиц-то ему и не показала, вот как все знал-то батюшка. И заставил он нас пять грядочек сработать, а как делали грядки-то, послал: «Подкрепитесь, – говорит, – вам подкрепиться, матушки, надо, у меня там и пища есть, там найдете!» Вот пошли мы и нашли горнушку, а в ней и пищу, и что это только была за батюшкина пища какая, в одной посудке, а было 7 пищей: и уха, и щи, и похлебка, и рыба свежая и соленая, и все, все вместе. Вот и поели мы и подкрепились батюшкиной пищей. Батюшка-то и приходит. «Ну, теперь, матушки, – говорит, – подкрепились, надо картошку доставать, полезай ты, Акулинушка, в погреб, тебе картошку доставать». «Благословите, – говорю, – батюшка, за вашими молитвами полезу». А у самой в мыслях-то: Господи, ни зги не видать, темень, а у него-то тут, чай, и мыши, и крысы, да как я наступлю на крысу-то... А батюшка-то сверху и говорит: «Влево-то, влево-то, иди, матушка, не бойся, нету ничего, ничего нет, матушка!» Опираюсь я о стенку рукой-

то да иду, дошла до угла... «В угол-то, нагнись, тут и картошка лежит!» – говорит батюшка... А я все свое думаю: Господи, ну, как я нагнусь, а у него тут мышаты и крысы, и схвачу я мышь или крысу вместо картошки... А батюшка-то опять сверху: «Не убойся ничего, матушка, бери, не бойся ничего; ведь там ни крыс, ни мышей, матушка, нет, они не живут там, матушка!» Вот как батюшка и мысли-то даже наши все знал, кормилец! Достали картофель, а батюшка-то опять и ушел. Ждем, ждем, а его все нет да нет; уж к вечерне, к правилу отзвонили, смеркаться стало, а батюшки все нет; наконец-то пришел – уж темнехонько стало. «Что же мне с вами делать-то теперь, а? – говорит он. – Куда мне вас девать? Здесь, что ли, оставить или в Саров послать? Нет, в Саров не надо, еще скажут: шатающие какие, а вот что, пойдём-ка я тебе мох покажу, Акулинушка; завтра поутру-то встанете и будете щипать». И повел он меня лесом, мимо своего камня и того места, где жил Марка-пустынник, и рассказывал все, как его тут враги искушали, как он с ними боролся-то тут. Вот пришли, и показал он мне мох превысокий. «Вот, – говорит, – умеешь брать лен?» «Умею, – говорю, – батюшка». «Ну, так мох-то все равно как лен, брать надо, да все в кучку-то на грядки-то и класть, он будет гноиться, картошку-то посадим, она хорошая и вырастет». Вернулись назад, только лишь взошли, батюшка-то опять и говорит: «Вот что, матушка, дам я тебе меру картошки, и грядите домой!» А ночь – хоть глаза выколи, даже зги не видать. «Благословите, – говорю, – батюшка, за вашими молитвами пойдём». «Грядите, грядите, матушки, да прямо на Маслиху, да тропкой-то мимо Маслихи не ходите, матушки, а прямо в ворота». А Маслихой-то назывался лес престраннейший, а у саровских-то скотный двор тут. «Матушке-то Ксении Михайловне что сказать велишь, батюшка?» – спросила я.

«А вот картошки-то, матушка, это ей ты подашь да и скажешь: от отца Серафима, убогого, вот я тебе картошку принесла, ты ее прими и меня с ней прими!» Три раза повторил все эти же слова батюшка. «Вот она тебя примет, ты у ней-то и оставайся, матушка, а она ведь столб огненный от земли до неба, матушка!» – опять три раза повторил батюшка, благословил нас, и мы пошли. Идем это мы, а Стефанида-то Аникеева и говорит: «Ну вот, я пойду тропой, мы тут прошлый год все ягоды рвали». «Не ходи, – говорю я, – не ходи, как можно, ведь ты батюшку оскорбишь, он ведь не велел». «Нет, пойду», – заупрямилась она. «Ну, как хочешь, – сказала я, – а я батюшкино-то приказание не преступлю, иди одна, если батюшку оскорблять хочешь». Только что я сказала так-то и пошла дорогой, а она-то в сторону, да как вскрикнет, я так к ней и бросилась, а она в воде по шею! Река Сатис, знаешь, тут протекает, ну, она как пошла ночью-то, ничего не видно, да в воду-то и ухнула. Вот что значит

преступать-то батюшкино приказание. Ну, вытащила я ее да в ворота. Монах отворил нам да и говорит: «Ну, куда вы, куры-то, утопитесь да заплутаетесь еще, оставайтесь ночевать!» «Нет, нет, – говорим, – батюшка домой приказал нам идти!» «Ну, так поужинайте, ступайте, я вас накормлю, чай, голодные, у старика ведь и поесть-то нечего, что у него за пища», – говорит монах. «Нет, нет, батюшка, – отвечаем мы, – благодарим и сыты, и пища была прекрасная!» Так мы и шли, да за Балыковым (половина пути) на дороге, подложив мешки с картошкой под головы, еще заснули с часок. Пришли домой; явилась я к Ксении Михайловне-то, отдаю ей мешок, да, как батюшка-то приказал, и говорю. «Как, – говорит, – это, стало быть, он тебя ко мне вернул, батюшка-то? – спросила Ксения Михайловна. – Нет, нет, не верю, позови-ка сестру Марьюшку-то, я еще вас посылаю! Ступайте обратно к нему». «Благословите, – говорю, – матушка!» Позвала сестру. Ксения Михайловна поговорила с ней, и мы пошли. Приходим, а у батюшки-то народу видимо-невидимо, туча-тучей стоит, а сам-то он, и видим, сидит на обрубочке с каким-то из купечества, и тот из себя белый-разбелый такой, а батюшка-то в руках держит веточку, да его веточкой-то этой все обмахивает, а у самого-то у кормильца точно гвозди на всем личике-то, источники крови бегут. Вот проводил он купца-то да вдруг и исчез. Народ видит – нет его, да и разошелся, а мы-то ждали, ждали до самой до вечерни, все места обошли, а все его нет; тут уже слышим, как он стукнул топориком-то в келье, входим, а он и лежит-то, батюшка-то, весь как есть кругом обложен большущими камнями. «Больно меня комары-то одолели, матушка, уж так одолели, а я думал, думал, куда бы мне деться от них, да вот в погреб-то за камни и скрылся, матушка; ну, Акулинушка, откинь-ка их, матушка», – сказал батюшка Серафим. «Благословите, батюшка», – отвечаю, и так это легохонько я их, не надивлюсь, а камни-то большущие, пребольшущие! А это у него в сенках, и как там очутились вдруг эти большущие камни, Господь знает! «Посторонитесь, посторонитесь, матушки! – вдруг заговорил батюшка. – Ко мне много господ идут!» А вовсе никого нет и не видно, ну да ведь ему-то издали все было виднехонько, потому что чуть-чуть прошло времечко, минут несколько, а и впрямь много господ-то идет. Мы отошли к стороне и слышим... «Вот это, батюшка, моя дочь», – говорит одна. «А это – мой сын», – говорит другой. «Благословите ему взять ее дочь-то за себя?» «Нет, нет, – отвечает батюшка. – Он должен за себя взять ту, что осталась там, а она выйдет за того, что возле вас вот тут живет». И все это батюшка по названьям-то назвал, уж не запомню я местов-то. И как это он все знал, вперед и про всех, истинно диво да и только! Вот отпустил их и говорит нам: «Что пришла, что надо-то, Акулинушка? Ксения-то не берет, ну, ничего, возьмет! Сходи-ка,

Марьюшка, почерпни-ка да принесите мне водицы из источника-то». Сестра принесла, он, сердечный, нас этой водой-то из своих уст sprysнул да и говорит: «Видишь, Марьюшка, Акулинушка-то нам нужна будет, ее начало земля, землю пахать будет». «Батюшка, – говорит сестра, – да у нас ведь и без того дьячок Ефим уже пашет». А батюшка-то: «Глупенькая, глупенькая, – говорит, – да это что у вас за земля; у вас разве столько земли-то будет, да все своя земля-то, матушка! Этой земли начало – Акулинушка, а конец казакам; после нее казаки будут!» (Действительно, первые хлеба засекала и пахала Акулина Ивановна, а с 1855 года пашня идет волами, которыми и правят сестры-казачки.) Стали меня сестры просить у батюшки к себе в хлебную. Батюшка-то и задумался; потом поднял голову-то: «Что ж, ненадолго ведь, – говорит, – возьми ее до Успенья-то». Мы думали, что это он об Успеньевом дне говорит, да уж больно будто коротко до Успеньева-то дня, а сестра-то у меня и умерла через три года, вот он о каком успенье-то толковал, мы уж после вспомнили. Следом почти за ее смертью-то батюшка меня позвал и говорит: «Ну, теперь пора межевать, матушка, придет межевой, приведут ему девять девушек и поставят ширинушкой, а тебя, матушка, как зовут?» – вдруг спросил он меня, я удивилась да и говорю: «Акулиной». – «А по батюшке-то?» «Ивановной! – говорю, – батюшка». – «А Акулину Ивановну под цепь! Так, так, матушка». Прихожу домой-то, а вечером и приходит Михаил-то Васильевич-покойник к Ксении-то Михайловне и говорит: «Межевой здесь, землю смежевать надо, давай девушек, да мне Акулину Ивановну подай!» Вот на завтра-то и выслали нас девять девушек к батюшке Василию; вот и пошли мы-то девять да их трое: Михаил-то Васильевич, батюшка Василий да межевой-то. Пришли. «Ну, сестры, читайте Достойно и батюшкино правильце», – говорит батюшка Василий. Прочли. «Ну, теперь начинать!» Поставили нас и вправду ширинушкой. И что же? Диковинное это дело, право; прямо подходит ко мне межевой. «Тебя как зовут?» – спрашивает. «Акулиной Ивановной, батюшка». «Сестра Акулина Ивановна, – говорит он, – под цепь!» Так и вспомнились мне батюшкины-то слова, как он мне накануне говорил-то. Ну и взяла я цепь-то и три недели целых мы промежевали».

«А я прихожу к нему, к батюшке Серафиму, – рассказывает старица Агафья Григорьевна, – да и думаю, смущенная духом, что по кончине не будет уже никому и никакой награды. Батюшка был в своей келье в сеночках, положил головку на грешное плечо мое и сказал: «Не унывай, не унывай, матушка, мы в Царствии-то Небесном будем с тобою ликовать!» – и всплеснул он ручками, и лицо его как свет просветилось, и до трех раз повторял он все эти же сладостные слова: «Не унывай, не унывай, мы с тобою в Царствии Небесном будем ликовать! – и прибавил:

- Матушка, чтоб умная молитва навсегда бы при тебе была». А я, грешница, изнемогала в малодушии. «Не слушай, - говорит, - матушка, куда тебя мысли-то посылают, а молись так, матушка: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое, и сначала до конца. О, всепетая Мати... потом: помяни, Господи, отца нашего иеромонаха Серафима, и свое-то имя помяни, вот, матушка, мои грехи простит Господь и твои, так и спасемся!»

Ирина Семеновна посадила картофель у батюшки, но когда он приказал его уже вырыть, то она заставила сестер работать, а сама ушла в Дивеево. На грядках снаружи вовсе не было травы от картофеля, а когда стали рыть в земле, то нашли новый картофель с голубиное яйцо. Ирина Семеновна, возвратясь из Дивеева, поразилась чудом и говорит сестрам: «Спрячем этот картофель и покормим батюшку». Наконец батюшка пришел из леса, и Ирина Семеновна показала ему картофель. Батюшка сильно разбранил сестер: «Зачем вырыли! Зачем вырыли!» - восклицал он. Тогда сестры горько заплакали и долго просили прощения. Батюшка простил и сказал улыбаясь: «Во, матушка, если этот картофель кто будет кушать, то и исцеление получит. Весь белый свет изойди, такого картофеля не найдешь, в земле был и не истлел и плод пустил» (тетрадь № 2).

Старица монахиня Ермиония, в свою очередь, рассказывает (тетрадь № 2): «Пошли мы с крестной в Саров на Ильин день, народу множество. Крестная моя Евдокия, которая удостоилась у батюшки присутствовать при явлении Божией Матери в день Благовещения. После ранней пошли мы к батюшке Серафиму, а сенки полны господ; он не отворил дверь и, заслонившись ручкой, стал смотреть и прямо звать нас: «Марфа, Евдокия, подойдите ко мне!» Нас сейчас же пропустили. Батюшка затворил за нами дверь и стал спрашивать, знаем ли мы молитвы. Знаем, говорим мы. «Богородицу», «Отче» и «Верую» заставил за собою читать, потом и говорит крестной: «Евдокиюшка, да она ведь прямо в монастырь готова, все знает». Я говорю: «Батюшка, меня отец не пускает». «Да что ему за дорога?! Ему нет дороги, если Матерь Божия избирает», - говорит батюшка. Ну, и пошли мы в монастырь, и родные уговаривали, да мы не послушали. Сойдемся в монастыре да толкуем: все хорошо и не скучно нам, да только голодно, мяса нет. Вот батюшка и провидел и приказал нам на Рождество Христово, чтобы пришли, ну, и пришли мы, он нас накормил сухариками и сухарей на дорогу насыпал по узелку. «Это вам на дорогу, а теперь не ешьте, а придете домой, то все, что в мире ни есть, кушайте, Бог благословит», - сказал батюшка. Ну, мы и рады; пришли домой, не знают, чем нас потчевать, ну, мы и говорим, что все батюшка благословил есть, ну, и стали есть-то, только кусочек мяса я съела, меня и начало рвать, и так-то рвало, что уже

после я не могла и духу-то просто его слышать. А то стали мы скучать, и он присылает нам что-то мягкое и душистое вроде теста, и как мы поели, так у нас тоска и пропала, и все сердце точно загорелось в нас. Родитель мой работал по просьбе батюшки в Дивееве. Батюшка говаривал ему: «Поработай на сироточек на моих теперь, тебе денег-то не нужно, а придет время, все тебе разом заплачу». Родительница моя была больна полтора года, лечили ее, но ничто не помогало; когда привезли ее к батюшке Серафиму, он дал ей пить водички да сухариков, она сразу и исцелилась».

Некоторых же о. Серафим по своей прозорливости с малолетства предназначал и в духе сего предназначения руководствовал к поступлению в Дивеевскую обитель. Из числа таких была сестра Анастасия Протасова. «В первый раз была я, – рассказывала она впоследствии, – у старца Серафима еще малолетней, вместе с моими родителями и с начальницей Дивеевской общины Ксенией Михайловной. Мать моя давно уже желала видеть о. Серафима, и мы все шли к нему с полною верою. Когда подошли к его келье, народа еще не было, и сотворили, по обыкновению, молитву Иисусову. Батюшка тотчас отворил нам дверь. Он одет был в белый балахончик, и лицо его казалось необыкновенно светлым. Он сказал нам: «Пожалуйте сюда!» – и велел приложиться к образу Божией Матери, стоявшему на столе. Потом мы все поклонились ему в ноги, и он, благословив нас и дав приложиться к Распятию, которое висело на груди его, сказал нам: «Господь, иже везде сый и вся исполняи, вас милостию Своею не оставит. Пророк сказал: не видех праведника оставлена, ниже семени его, просяща хлеба». После того дал нам сам по частице антидора с церковным вином и положил матушке в платок несколько сухариков. Наконец еще раз благословил и сказал: «Грядите с миром».

Во второй раз я была у него семи лет от роду с матерью и дивеевской Ириной Прокопьевной.

Он также благословил нас всех и приказал приложиться к образу Божией Матери; а как я не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной; а затем взял мою руку, вложил ее в руку Ирины Прокопьевны и начал матери моей говорить о пророке Самуиле и другие притчи, и спросил ее: «Понимаете ли вы, матушка?» Она отвечала: «Не могу, батюшка, понять». Тогда он благословил нас всех и отпустил домой. Мать моя, возвратясь в квартиру, подумала, что все это клонится к близкой моей смерти, и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной к о. Серафиму, не решаясь уехать, не простившись с ним. Едва только он отворил нам дверь и мы поклонились ему, как, еще не благословляя нас, положил на уста матери моей свою ручку и сказал: «Не к тому, не к тому,

матушка, не унывай». И тут же дал ей приложиться ко Кресту, бывшему на нем. После того мать моя совершенно успокоилась.

Когда же мне наступил 12-й год и мы пришли опять к о. Серафиму, он спросил мать мою, указывая на меня: «Много ли ей лет?» Та отвечала: «Двенадцатый год, батюшка». Тогда он сказал ей: «Пора нам, матушка, обручить ее жениху». Мать возразила на это, что она еще молода; а Серафим отвечал ей: «Ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьмет». Маменька улыбнулась и подумала, что он действительно прямо говорит ей про будущего моего жениха. А он продолжал: «По двенадцатым-то праздникам шей ей, матушка, обновки: белое платье и красненькие башмачки, а в полуночный-то час вставай сама молиться и мужа-то возбуждай, а ее не возбуждай. Когда она возмужает и укрепится силою и духом, тогда будет и сама мужественна к подвигу». И с тех пор всегда, когда мы ни приходили к нему, он все поминал о вдове.

Когда же исполнилось мне 16 лет от роду, тогда он прямо сказал родителям моим обо мне, что «ей дорога в Дивеево, в мою обитель, к сиротам», и два года сряду после того посылал за мной из обители сестру Анну Петровну, и каждый раз, как мы бывали у него (что случалось раза три в год), он все говорил мне: «Успение тебя ждет, и тебе нет дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божия Матерь семи лет избрала, а они держат тебя у себя», – это говорил он о родителях моих. Отца моего также просил, чтобы мы непременно поставили себе келью на каменном фундаменте и чтобы нам жить в ней только четверем человекам, не более. «А крышу-то, – говорил он, обращаясь ко мне, – ты сама, матушка, накрой и крепко приколоты гвоздями». Раз я сказала ему, что мне жалко расстаться с сестрой, а он отвечал: «Так мы и ее возьмем сюда». Тогда я начала жалеть родителей, что им без нас обеих еще больше будет печали. И вот, когда я была у него в другой раз, он, между прочим, сказал: «А про сестру-то что мы говорили? Мне мнится, лучше оставим ее покуда у родителей: пусть поживет в утешение их» – и, подавая мне просфору для передачи ей, прибавил: «Скажи ей, матушка, что это тебе прислал убогий Серафим». С тех пор мы не так уже стали жалеть друг друга, как это бывало прежде. Когда же принесли к нему трехлетнего брата моего, Ивана, он взял его из рук няньки и, подавая мне, спросил: «У вас есть сад?» Я отвечала ему: «Есть». Тогда он сказал: «Ты, матушка, носи его по саду и говори все: *Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй!* Он возмужает и будет сокровище наше вожделенное; а корми-то его сама, из своих рук».

Однажды, когда я была у него в пустынке, он послал меня к источнику с тем, чтобы я напилась и умылась из него, говоря, что этот источник исцеляет болезни; потом, показывая на окрестную землю, в ту сторону,

где Дивеево, сказал: «Это место выбрала вам Сама Царица Небесная, и никто не может отнять его у вас. Вот я вам сделаю шалашик, а вы будете ходить около него, да сено убирать, да тут и отдыхать. Й хлеба-то, и картофеля-то будет у вас много, и церкви-то свои будут, и устав-то церковный будет так, как и в Сарове, как передали его вам святые отцы. Царица Небесная вам во всем поможет, и я, убогий Серафим, всегда за вас колени преклоняю и за родителей и сродников ваших».

Наконец, когда он стал решительно просить мать мою, чтобы скорее поставили мне келью и отпустили меня в Дивеево, мать заплакала и сказала: «Теперь мы ее отпустим, батюшка, с надеждой на вас; а если вас не будет, то, может быть, они все разойдутся». На это он отвечал ей: «Нет, матушка, и до меня были отец Пахомий и отец Исайя, которые пеклись о них; теперь я, убогий, пекусь, а после меня Царица Небесная о них попечется».

Посылая меня в обитель, он рассказал мне, между прочим, житие преподобной Макрины и прибавил: «Вот, матушка, она сама пошла в монастырь и брата своего, Василия, увещевала. Он был столп Церкви; а когда был в учении и возгордился против сестры Макрины, она своим целомудрием привела его в смирение».

Было бы несправедливо и исторически неверно, если бы мы промолчали о гонениях, которые претерпевал о. Серафим за заботы его о дивеевских сиротах. Законы земли не могли измениться там, где жил такой великий и святой старец; наоборот, враг человечества всегда возбуждает вражду окружающих против праведника с наибольшей силою.

«И всякий человек, живущий, терпи на земле!» – восклицала старица Ксения Кузьминична, начиная свой рассказ о страданиях батюшки Серафима. «Уж на что был свят батюшка-то Серафим, угодник Божий, и на него гонения были! Раз пришло нас семь сестер к батюшке, работали у него целый день, устали и остались ночевать в пустынке. Часу эдак в десятом увидела наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя фонарями и прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исайя, и поскорее навстречу ему отперли мы дверь-то. Вошли они, не бранили, ничего, оглядели только нас зорко, и молча чего-то все искали, и приказали нам тут же одеться скорее и немедленно идти прочь. Мы пошли прямо на Маслиху, да ночь была темная, забоялись мы, на гостиницу и вернулись. Хозяином тогда был Иван Александрович (впоследствии затворник). Увидав нас такими напуганными да смущенными, приветил он нас ласкою, принес поскорее нам рыбы, накормил и уложил спать. Как в два часа ударили к утрени, наша старшая и пошла к батюшке в келью, все ему и рассказала. Батюшка все хорошо знал, но и виду даже не подал, а еще как будто на нас же оскорбился. «Это, – говорит, – оттого, что дурно вы себя держите!» – и

тут же отослал нас в обитель. И вот так-то, как ни покрывал их батюшка, а знали все, что много-много претерпевал он от всех за то, что нас привечал» (тетрадь № 6).

Великая старица, высокой жизни, Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) так говорила о гонениях, которые претерпевал о. Серафим: «То всем уже известно, как не любили саровцы за нас батюшку о. Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему огорчения и скорби! А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся и часто сам, зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке-то, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческой заботой, спрашивая: есть ли все? Не надо ли чего? Со мной, бывало, да вот с Ксенией Васильевной и посылал, больше меду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут, пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то поднял, инда крякнул и говорит: «Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся!» Что это, думаю, батюшка-то всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь-то святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братией больно скорбели на батюшку, что все дает-де нам, посылает, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя, так и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня за шиворот и арестовали. «Иди, – говорят, – к игумену!» Я и молю-то их, и дрожу вся; не тут-то было. «Иди, – говорят, – да и только!» Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас еще пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все... а там: старые лапти, корочки сломанные, отрубки да камни разные, и все-то крепко так упихано. «Ах, Серафим, Серафим! – воскликнул Нифонт. – Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается да и дивеевских-то мучает», – и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку дает же. «Ступай, – говорит, – прямо к святым воротам!» Пошла, остановили же меня и опять взяли да повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни! Игумен ахал, ахал да отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: «Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!» И воистину, бывало, идешь – в святых

ворота только спросят: чего несешь? Не знаю, кормилец, ответишь им, батюшка послал. Тут же пропустят».

Старица Дивеевской обители Матрона Плещеева рассказывала о следующем чудесном обстоятельстве: «Поступивши в Дивеевскую общину, я проходила, по благословию отца Серафима, послушание в том, что приготавлила сестрам пищу.

Однажды, по слабости здоровья и вражескому искушению, я пришла в такое смущение и уныние, что решила совершенно уйти из обители тихим образом, без благословения: до такой степени трудным и невыносимым показалось мне это послушание. Без сомнения, о. Серафим провидел мое искушение, потому что вдруг прислал мне сказать, чтобы я пришла к нему.

Исполняя его приказание, я отправилась к нему на третий день Петрова дня, по окончании трапезы, и всю дорогу проплакала. Пришедши к Саровской его келье, я сотворила, по обычаю, молитву, а старец, сказав «аминь», встретил меня, как отец чадолюбивый, и, взяв за обе руки, ввел в келью. Потом сказал: «Вот, радость моя, я тебя ожидал целый день». Я отвечала ему со слезами: «Батюшка, тебе известно, какое мое послушание, раньше нельзя было, только что я покормила сестер, как в ту же минуту и отправилась к тебе и всю дорогу проплакала». Тогда о. Серафим утер мои слезы своим платком, говоря: «Матушка, слезы твои не даром капают на пол, – и потом, подведя к образу Царицы Небесной Умиления, сказал: – Приложись, матушка, Царица Небесная утешит тебя». Я приложилась к образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась. После того о. Серафим сказал: «Ну, матушка, теперь ты поди на гостинную, а завтра приди в дальнюю пустынку». Но я возразила ему: «Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустынку». Отец же Серафим на это сказал: «Ты, матушка, иди до пустынки и сама все на голос читай: «Господи, помилуй», – и сам пропел при этом несколько раз «Господи, помилуй». – А к утрене-то не ходи, но как встанешь, то положи 50 поклонов и поди». Я так и сделала, как благословил о. Серафим: вставши, положила 50 поклонов и пошла, и во всю дорогу на голос говорила: «Господи, помилуй». От этого я не только не ощущала никакого страха, но еще чувствовала в сердце величайшую радость, по молитвам о. Серафима.

Подходя к дальней пустынке, вдруг увидела, что о. Серафим сидит близ своей кельи на колоде и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха и закричала во весь голос: «Батюшка, [смерть](#) моя!» – и упала. Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукой. Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему о. Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса, и даже когда подошел ко мне

отец Серафим со словами: «Не ужасайся и не пугайся», я продолжала по-прежнему кричать: «Ой, смерть моя!» На это старец отвечал мне: «Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это радость». И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел. Не успели мы сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его. Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собою в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верою. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого отца моего: оно было светло, как у ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок и велел самой покормить медведя. Но я отвечала: «Боюсь, батюшка, он и руку мне отъест». Отец же Серафим, посмотрев на меня, улыбнулся и сказал: «Нет, матушка, веруй, что он не отъест твоей руки». Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне грешной, за молитвы о Серафима.

Видя меня спокойной, о. Серафим сказал мне: «Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь; а о чем нам унывать? Вот, если бы я взял с собой ножницы, то и остриг бы его».

Тогда я в простоте сказала: «Батюшка, что, если этого медведя увидят сестры, они умрут от страха». Но он отвечал: «Нет, матушка, сестры его не увидят». – «А если кто-нибудь заколет его? – спросила я. – Мне жаль его». Старец отвечал: «Нет, и не заколют; кроме тебя никто его не увидит». Я еще думала, как рассказать мне сестрам об этом страшном чуде. А отец Серафим на мои мысли отвечал: «Нет, матушка, прежде 11 лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

Впоследствии старица Матрона пришла по какой-то необходимости в келью, где занимался живописью, по благословению отца Серафима, крестьянин Ефим Васильев, известный по своей вере и любви к старцу, и увидя, что он рисовал отца Серафима, вдруг сказала ему: «Тут бы по всему прилично написать отца-то Серафима с медведем». Ефим Васильев спросил ее: отчего она так думает? И она рассказала ему первому об этом дивном событии. Тогда исполнилось ровно 11 лет, заповеданных старцем.

Хотя и многие посторонние видали также отца Серафима с медведем, но за неизвестностью этих лиц невозможно передать их свидетельств, кроме одного, переданного Саровским иноком Петром.

Глава XII (неполная).

Елена Васильевна Мантурова исполняла все трудные поручения о. Серафима, как образованная особа, но не занимала должности начальницы. Необыкновенно добрая от природы, она явно или видимо ничего не делала, но зато, насколько лишь умела и могла, творила добро тайно, непрестанно и много. Так, например, зная нужду многих бедных сестер, а также нищих, она раздавала им все, что имела и что получала от других, но невидимым образом. Бывало, идет мимо или в церкви и даст кому-нибудь, говоря: «Вот, матушка, такая-то просила меня передать тебе!» Вся пища ее заключалась обыкновенно в печеном картофеле да лепешках, которые так и висели у нее на крылечке в мешочке. Сколько их ни пекли, всегда не хватало. «Что за диво! – говорила, бывало, ей сестра-стряпуха. – Что это, матушка, ведь я смотри-ка сколько лепешек тебе наложила, куда же девались они? Ведь эдак-то и не наготовишься!» «Ах, родная, – кротко ответит ей Елена Васильевна, – ты уже прости меня Христа ради, матушка, да не скорби на меня; что же делать, слабость моя, уж очень я люблю их, вот все и поела!» Спала она на камне, прикрытом лишь плохим ковриком.

Со времени освящения храмов, пристроенных к Казанской церкви, батюшка о. Серафим назначил Елену Васильевну церковницей и ризничей, для этого он попросил Саровского иеромонаха отца Илариона постричь Елену Васильевну в рясофор, что и было исполнено. Отец Серафим надел ей под камилавочку шапочку, сшитую из его поручей. Затем, призвав духовника обители о. Василия, Елену Васильевну и послушницу ее Ксению Васильевну, батюшка о. Серафим строго заповедовал им следующий церковный порядок (см. записки этих лиц):

- 1) Чтобы в обители все, как ризнические, пономарские, дьяческие и церковниц должности, также клиросы навсегда исправлялись бы только одними сестрами, но непременно девицами. «Так Царице Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передав и другим», – сказал батюшка.

- 2) Пономарки и церковницы должны неопустительно, сколь возможно чаще, приобщаться во все четыре поста, все двенадцатые праздники, не смущаясь мыслью, что недостойны, не пропускать случая сколь возможно более пользоваться благодатью, даруемой приобщением Св. Христовых Тайн, стараясь лишь по возможности, сосредоточившись в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, умственно говоря:

согрешила, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами! – приступить к святому, всех искупляющему Таинству.

3) Как перед службой, так и по службе пономаршие должны, взойдя в алтарь, испросить благословение служащего священника. Никогда и ни в чем не прекословить в храме служащему священнику. Он служитель есть Самого Господа, кроме разве исключительно чего-либо могущего случиться особо недолжного. И даже как бы незаслуженно ни оскорбил священник, все перенести молча, смиренно, лишь поклонившись ему.

4) Никогда при какой-либо купле не должно торговаться из церковных вещей: «Скажи лишь, матушка, за сколько хотелось бы тебе что купить! Дадут тебе – благодари; не дадут – никогда не настаивай и не торгуйся; без торгу отдай все, ибо все лишнее от церкви никогда не пропадет. Сам Господь видит и знает и все возвратит!»

5) Зная, кто из сестер пострижен или не пострижен, в случае какой-либо особой нужды никак и никогда не позволять входить в алтарь непостриженным сестрам.

6) Пречистую от литургии носить в трапезу не иначе, как непременно за литургией же служившей пономарки, вследствие освящения и ее самой от токмо даже присутствования ее постоянного прислуживания при наивысочайшем служении престолу Божией славы.

7) Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было, кроме молчаливого знака согласия или отречения, не разговаривать в алтаре, как месте присутствования всегда Самого Господа и Сил Его, не позволяя того и другим, кто бы то ни был, если бы даже пришлось и потерпеть за то. «Сам Господь тут присутствует! И трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия! Кто же возглаголет пред лицом Его!» – говорил батюшка.

8) Ни под каким видом, предлогом либо делом, ниже щетки, ниже ничего, никогда не брать церковного, боясь за то прещения Божия, ибо во храме все наималейшее принадлежит токмо Единому Богу! И все, хотя и малое, взятое оттуда, есть как бы износимый огонь, все и вся пополяющий.

д) Не смущаться и не огорчаться малым молением или невозможностью исполнить все монашеству положенное по действительно крайнем недосуге церковной уборки и дела, стараясь лишь непременно и на ходу, никогда не прерывая умственной молитвы, прочитывать утром среди дня и на ночь им данное правило, да, если возможно, всем положенное общее правило, а если уж нельзя, то как Господь поможет! Но 200 поясных поклонов Спасителю, Богоматери, как бы то ни было, каждодневно исполнять обязательно.

10) При освящении храмов неопустительно всегда 40 дней (6 недель) служить в нем все службы.

11) Вытирая пыль и выметая сор из храма Божия, ниже никогда не бросать его так, с небрежением, «токмо прах Храма Божия свят уже есть!», а, бережно собрав его, сжигать в печи или бросить в реку проточной воды, или же откидывать в какое-либо особое, а не общее проходное либо сорное место; точно так же поступая и при мытии чего-либо церковного, мыть токмо в проточной же воде или же в особой, нарочито только для сего держимой и свято хранящейся посуде; и воду эту сливать тоже в особо на то чистое или уготованное место.

Отец Серафим говорил им: «Нет паче послушания, как послушание церкви! И если токмо тряпочкою притереть пол в дому Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога! Нет послушания выше церкви! И все, что ни творите в ней, и как входите и исходите, все должно творить со страхом и трепетом и никогда непрестающею молитвою, и никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного, и о церкви ничего не должно говориться в ней! И что же краше, превыше и преслаще церкви! И кого бо токмо убоимся в ней и где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда сопредусутствует!» Говоря это, батюшка сиял от восторга неземной радостью.

Глава XIII.

В предыдущих главах летописи неоднократно упоминалось имя иеромонаха Илариона, который был духовником Саровской обители, уважаемым самим батюшкой о. Серафимом. Великий старец всех приходящих к нему направлял для исповеди к о. Илариону и даже поручил последнему постригать в рясофор дивеевских девушек.

Иеромонах Иларион был учеником игумена Назария, о котором говорилось выше. Игумен Назарий, постриженник Саровской пустыни, избранный в настоятели Валаамского монастыря, вернулся под конец жизни опять в Саров, где наставлял братию и приходящих своим высоким примером и словом любви. Иеромонах Иларион, из санкт-петербургских граждан, был пострижен в монашество в Валаамском монастыре в 1797 году. В Сарове всего он пробыл 50 лет. Это был монах строгой и чистой жизни, известный многим лицам, так как Саров посещался при о. Серафиме тысячами народа всех званий и состояний. Всех обращающихся к нему он назидал и утешал: Господь даровал ему дар слова на пользу душ. Вся жизнь его была посвящена подвигам добра, молитвам о спасении ближних, милосердному врачеванию болезней греховных, душеспасительным наставлениям и вообще строжайшему благочестию, поэтому о. Иларион не мог прожить без искушений,

гонений и страданий. Так, он писал своему товарищу в Троице-Сергиеву лавру: «Я и в Сарове спасительном живу, да худо; ведь место не спасет. Иуда и при Самом Христе не спасся. Вы советуете мне не унывать, а паче великодушно радоваться, помня многие о том апостольские слова. Сей самый, брате, путь мой и есть. Великодушные, доблестные души свойства есть в напасти не отчаиваться; благородного же дело есть не токмо в счастья благодарить Господа, но и в несчастьи туюжде благодарность являть... И что может быти лучше сего, как сносить жребий свой великодушно и без роптания. Нет ничего великодушнее, как забывать нанесенные нам обиды. Сия и сим подобная размышляя и сам себя подкрепляя, сам себе глаголю: «Претерпевай, грешнице, скорби, в печалех похваляй Бога. Ниже без труда покой, ниже без брани победа получается. А побеждающему, глаголет Христос, дам ясти от древа животнаго, еже есть посреде рая Божия. И побеждаяй наследит вся: и буду ему в Бога, и той будет Мне в сына» ([Апок. 21, 7](#))». (Достопам. иноки Саровской пуст. М., 1884г.)

Одновременно с отцом Иларионом подвизался в Сарове иеромонах Евгений, «усердный служитель в обители», как сказано в его жизнеописании (Достопам. иноки Саровские, с. 172). Этот смиренный благоговейный старец имел истинный образ благочестия и кротости, поэтому новоначальные, поступая в обитель, с особенной доверенностью поучались от него трудолюбию, молитвословию и прочим иноческим добродетелям. Душа его, проникнутая благочестием, обращала на него внимание новоначальных послушников, и старческое его обращение заставляло их уважать его и деятельно подражать его целомудрию, послушанию, кротости и смирению.

Он таким образом много споспешествовал ищущим спасения к преуспеянию в духовной жизни.

Упоминалось в предыдущих главах также о казначее Исаии, который исполнял должность следователя по ложным наговорам на о. Серафима. Он был родом из московских купцов и поступил в Саровскую пустынь в 1805 году. Постриженный в монашество в 1812 году, он в 1822 году был определен в должность казначея и впоследствии избран настоятелем Саровской пустыни.

Ничего нет удивительного, что о. Серафим терпел от своих современников по наущению врага человечества различные скорби, доносы, преследования, ибо, по слову Св. Евангелия, не было и никогда не будет чести пророку в своем отечестве. В числе иноков, обращавшихся к о. Серафиму не столько за советами, ибо их не исполняли, сколько за предсказаниями, был некий Иван Тихонов Толстосшее, живописец по ремеслу из г. Тамбова. Так как характеристика этого инока, имевшего столь пагубное влияние на

Дивеевскую обитель в течение многих лет, должна быть выведена с подобающей для истории осторожностью, то составителю летописи остается обратиться к повествованиям, рассказам и свидетельствам современников его, предоставляя им самим слово. Наиболее рисуют характер, душевные качества и деятельность Ивана Тихонова слова самого старца о. Серафима, затем отзыв о нем впоследствии приснопамятного Филарета, митрополита Московского, и мнение Св. Синода по указам 1861 года.

Начнем только с того, что Иван Тихонов, вкрадчивый, способный, льстивый и тщеславный, по отзывам и теперь живущих в Дивеевском монастыре дивных стариц, определенных туда самим о. Серафимом, поселил в мельничную обитель свою двоюродную сестру, которой выстроил келью. Под этим предлогом он часто просился в Дивеево и как бы стремился приобрести влияние на сестер. Мы упоминали о том, что при межевании земли, подаренной г-жой Постниковой, находился и инок Иван Тихонов. По этому поводу в рассказах старшей сестры мельничной обители Прасковьи Степановны встречается следующее (тетрадь № 1, рассказ 3):

«Когда отводили землю, – говорит она, – Иван Тихонович вместе с г. Мантуровым жили у нас в обители целую неделю; я, грешная, была старшей над сестрами, и в продолжение этой недели батюшка несколько раз приказывал ко мне, что он гневается на меня, – зачем живет у нас Иван Тихонович (как звали о. Иоанна) и чтобы я его непременно выслала, но я сделать этого не посмела, и после, когда я пришла к батюшке, он строго мне выговаривал за это».

Чудный подвижник и единственный верный послушник и друг, бывший помещик с. Нучи, строитель Рождественских храмов в Дивееве, Михаил Васильевич Мантуров записал следующие свои показания о послушнике Иване Тихонове (тетрадь № 6).

«Иду я раз к батюшке Серафиму и встретил по дороге Ивана Тихоновича, который шел от него и говорит мне: «Расскажу вам, батюшка, как я сейчас напугался! Пришла мне вражья мысль выйти из Сарова, и очень смущался я. Пошел я к батюшке, застаю его у источника, сидит он, одна ножка в лапотке, а одна разута, да берестюю водицу из источника и на головку, и на ручки, и на ножку поливает. Я смотрю, подошел и остановился, а он, не оборачиваясь и не поднимая головки, спрашивает, да так-то сурово: «Кто там?» Я испугался и говорю: «Я, убогий Иоанн!» А батюшка-то опять еще суровее: «Кто там?» – переспрашивает. «Убогий Иоанн, Иоанн убогий!» – говорю я, а сам весь растерялся, все мысли вылетели у меня, подхожу ближе... Батюшка мне и говорит: «Оставь то, что ты задумал! Оставь то, что ты задумал!» И так несколько раз повторил мне, и тут только вспомнил я, с чем шел к

батюшке. Не получив благословения выйти из Сарова, я со страхом упал ему в ноги и стал у него просить прощения. «Во, батюшка, о том-то я тебе и говорю! – отвечает батюшка на мои мысли. – Оставь то, что ты задумал! И вот я, Серафим убогий, тебе говорю: если ты когда-нибудь оставишь Саров, то ни здесь, ни в будущем не узришь лица Серафима!»

«Вы должны оставаться в Сарове! – сказал я, – продолжал М. В. Мантуров, – стало быть, нет вам на то Божия благословения!» – и пошел я своей дорогой к батюшке. Прихожу на источник и застаю батюшку точно в том же положении, как рассказывал Иван Тихонович: с разутой ножкой, поливающим берестой воду. Подхожу получить благословение, а он меня и спрашивает: «Кто с тобой по дороге встретился, батюшка?» «Иван Тихонович – живописец», – отвечаю я. «Ну вот, батюшка, будь ты мне в том свидетель, что я, сколько ни уговаривал его оставить, что он задумал, никак не мог уговорить. Так вот, батюшка, будь ты мне свидетель, что я в душе его не повинен! Вот то-то, и видишь, я руки и ноги и голову-то себе на что поливаю... в свидетели тебя беру, батюшка, что я в душе его не повинен!» (рассказ № 67).

«Бывая в Сарове, – говорит далее Михаил Васильевич, – и ничего не примечая еще дурного в Иване Тихоновиче, хоть никогда он мне не нравился, я по зову его заходил иной раз к нему напиться чаю. Раз спросил меня батюшка, где я был. «Пил чай у живописца тамбовского» – ответил я. «Во, радость моя! – воскликнул батюшка, – не ходи ты к нему никогда! Это во вред тебе послужит, батюшка! Ведь он зовет-то тебя не теплым сердцем, а чтобы от тебя чего выведать!» С тех пор я перестал ходить к Ивану Тихоновичу. Удивительно, как все знал и как берег нас батюшка!» (рассказ № 68).

«Один раз тоже пришел я к батюшке, а он такой скорбный: «Вот, – говорит батюшка, – одолевает меня Иван-то Тихонович из Тамбова, все просит: дай да дай мне, батюшка, послушание! Ну а в чем я ему дам послушание-то? Обсуди-ка сам, в чем я ему дам послушание-то? А вот и говорю я ему, батюшка: нет тебе дороги в моих девушек входить! А коль хочешь защитит их от обид братии, как работают здесь, то можешь! Вот я тебе говорю, другого я ему никакого послушания не давал, батюшка!» (рассказ № 693).

«Перед отъездом моим за послушание батюшки Серафима к г. Куприянову пришел я в Саров с батюшкой проститься, он и говорит мне: «Во, батюшка, одолел меня Иван из Тамбова: благослови я его выйти из Сарова, а я сказал ему: если ты не выйдешь, то со временем тебя в казначеи произведут, а если выйдешь, то ни в этом, ни в будущем свете не узришь ты лица Серафимова, и никогда уже в Сарове не будешь! Так вот я сказал ему, батюшка, так и тебе это сказываю, и ты это попомни!» (рассказ № 70).

Елисавета Алексеевна Ушакова, нынешняя игуменья Мария, в свое время сообщила рассказ, подтверждающий повествование М. В. Мантурова. В тетради № 2, рассказ № 3, говорится:

«Помню я, как в 1845 году отец Иоасаф (Иван Тихонович) ежедневно и постоянно повторял всем нам, и кто лишь хотел его слушать, один и тот же рассказ о батюшке Серафиме, показывая на то изображение его, где батюшка представлен у источника с разутой ножкой, поливающим ковшиком, сделанным из бересты, воду себе на голову». Затем следует точный рассказ Ивана Тихоновича, ответ Мантурова и слова батюшки о. Серафима, после чего Елисавета Алексеевна прибавляет: «Постоянно до 1848 года повторялось это отцом Иоасафом. В этом же 1848 году он совершенно отчаялся, что, не находя полезным, не хотят его производить в иеромонаха в Сарове, чтобы он исполнял в Дивееве должность духовного попечителя, и перешел в Нижегородский Печерский монастырь, где получил пострижение в иеромонахи. Помня свои собственные рассказы о предсказании батюшки, в случае его выхода из Сарова, и после своего перехода принявший уже совсем иной вид и обнаруживший настоящий свой характер, весьма не утешительный и не лестный, он уже с этого времени даже не упоминает о том, что прежде так охотно и постоянно всем желающим его слушать рассказывал».

Враг не оставляет человека в покое до самого гроба. Поэтому о. Серафим во многих возбуждал зависть и злобу на то, что всех принимал к себе, делал добро, не различая полов. Один брат (инок) решился даже сказать ему: «Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты пускаешь к себе всех без различия». Отец Серафим, оправдывая себя от пустого нареkania, привел в пример св. Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников. «Положим, – говорил он, – что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание могу тогда привести Богу на страшном суде Его?» Отсюда видно, что о. Серафим считал прием к себе всех приходящих делом совести, обязательством жизни, в котором Бог потребует от него отчета на суде.

Некто выразил ту же мысль еще решительнее: «Тобою, – говорил, – некоторые соблазняются». Старец отвечал на сие так: «Но я не соблазняюсь ни тем, что мною одни пользуются, ни тем, что других это соблазняет».

Гораздо чувствительнее для него была беседа игумена Саровской обители о. Нифонта. Раз, возвращаясь из пустыни в келью, встретился старец Серафим с о. Нифонтом. По своему смиренномудрию предваривши настоятеля поклоном, он приветствовал его, по обычаю

иерейскому, братскою любовью. Отец же игумен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему мысль братии, которые по строгости своего воззрения не одобряли, что о. Серафим принимал к себе людей всякого пола и рода, хотя и для спасительного назидания. «Особливо, – говорил он, – тем соблазняются, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам дивеевским». Игумен Нифонт любил и уважал старца Серафима и держал к нему такую речь единственно потому, что братия соблазнялись... Выслушав слова отца игумена, старец снова упал к нему в ноги и дал ему мудрый и спасительный ответ – не предаваться на будущее время ложным внушениям и не принимать от братии всякого слова на ближнего без рассуждения. «Ты пастырь, – говорил он, – не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно, и посох, как бич, для всех страшен». Старец Нифонт выразил свое согласие на то, чтобы о. Серафим не изменял своего направления и по-прежнему продолжал всех принимать к себе, ради их душевной пользы. Так повествует составитель жизнеописания о. Серафима.

Не менее соблазнялись Саровские монахи тем, что в Дивеевской обители батюшка Серафим приказал сестрам пономарить, читать непрестанно Псалтирь в церкви и т. д. Сестра Ксения Васильевна Путкова свидетельствует (тетрадь № 4, биография Елены Васильевны), что раз, когда она пришла к батюшке Серафиму, он сказал ей: «Восстали, радость моя, восстали на убогого-то Серафима, укоряют, что, говорят, выдумал девушкам в церкви быть, Псалтирь читать да в церкви ночевать! Когда это слыхано, где это видано! Вот и приходят ко мне, матушка, и ропщут на убогого Серафима, что исполняет приказания Божией-то Матери! Вот, матушка, я им и раскрыл в прологе из жития-то [Василия Великого](#), как блазнились на брата его Петра, а святитель-то Василий и показал им неправду блазнения их да силу-то Божию. И говорю: а у моих-то девушек в церкви целый сонм ангелов и все силы небесные соприсутствуют! Они, матушка, и отступили от меня – посрамленные. Так-то вот, радость моя, недовольны на убогого-то Серафима, жалуются, зачем исполняет он приказания Царицы Небесной! Сама Она Пречистая заповедала мне, а я вам заповедую, и да не смущается сердце ваше! Свято храните то и никого в том не слушайте!»

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось в знак Божия определения. Действительно, наутро это дерево оказалось выворочено с громадным корнем, при совершенно тихой погоде. Об этом

дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из 12 первых сестер обители, рассказывает (тетрадь № 6, рассказ 7) следующее: «Была я тоже свидетельницей великого чуда с покойной сестрой обители Ксенией Ильиничной Потехиной, впоследствии недолго бывшей начальницей нашей мельничной общинки, позже благочинной монастыря нашего монахиней Клавдией. Приходит к батюшке Серафиму живописец тамбовский, саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печется он о нас, что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной. «Помолимся, – говорит батюшка Серафим, – мню, что древу этому более ста лет... – При этом он указал на дерево громадных размеров... – Простоит оно еще много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной, преклонится древо сие в их сторону!.. – И указал на нас. – Так и знай, – продолжал о. Серафим, – что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до Царя, пожалуй, дойдет!» Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурей какою вывороченное со всеми своими корнями. И приказал батюшка радостный, весь сияющий, разрубить дерево и отвезти к нам в Дивеево». (Корень его хранится доселе в кладбищенской церкви с прочими вещами о.Серафима.)

Старица Прасковья Ивановна свидетельствовала (тетрадь № 6, рассказ 13), «что, остановившись и показывая ручкой на одно громадное дерево, сказал мне батюшка: «Матушка, помолимся трое суток, оно и преклонится!» Я молчу да и думаю, идучи-то: это, видно, батюшка прикажет мне рубить его! А он опять еще и еще повторил те же слова. Совсем о том позабыв, я и не молилась о древе, а через три дня прихожу, как батюшка наказал, и застаю его у этого самого дерева, которое уже лежало со всеми точно страшной бурей вывороченными вверх корнями; бури же никакой не было. Тут как раз еще одна из наших сестер была, батюшка-то и говорит нам: «Это ради вас, матушки, это ради вас!» И радостно приказал ей рубить ветки и отвезти в Дивеево на дрова, а мне, подав топорик свой, приказал отрубить вершину. Топорик этот так я и сберегла и в 1852 году отдала его матушке начальнице, и хранится он в батюшкиной у нас пустынке».

«Исполняла я послушание при лошадях, – говорила Домна Фоминична (впоследствии монахиня Дорофея, тетрадь № 6, рассказ № 35), – и поехала в Сарово за щепами да прутьями на дрова. Прихожу к батюшке Серафиму, а он сидит на большущем свалившемся древе, обрубая его ветки, да и говорит мне: «Вот видишь, радость моя, что я рублю-то! Это ваше, ваше, матушка, чудное древо, ради вас и для вас преклонилось

оно; вот прикажи сестрам-то, что нарублю, сложить все в одно место, а как подмерзнет, подъезжай на лошадке, да и увози все к себе».

Настоятель Николо-Барковской пустыни игумен Георгий, бывший гостинник Саровской пустыни Гурий, свидетельствует (тетрадь № 6, рассказ № 79), что, пришедши однажды к старцу о. Серафиму в пустынку, нашел его, что он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. По обычном приветствии старец открыл об этой сосне, которую рубил, следующее: «Вот я занимаюсь Дивеевской общиной, вы и многие меня за это зазирали, что для чего я ими занимаюсь; вот я вчерашний день был здесь, просил Господа для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь. Если угодно Господу, то в уверение того чтобы это дерево преклонилось. На этом дереве от корня аршина полтора вышины была заметка вырублена крестом. Я просил Господа сего уверения, вместе с тем, что если вы или кто о них попечется, то будет ли угодно это Богу. Господь исполнил для вашего уверения: вот дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев: строителя Пахомия и казначея Исаяи, моих покровителей; они о них обещались пещись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда странствовала вдова полковника, имя ея Агафья; она пришла сюда и с ней три рабыни единомышленные. Эта Агафья, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвования деньгами на устройство собора; не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от нее три мешка денег, один был с золотыми, другой с серебряными, а третий с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружен ее усердием, вот за что обещались о них вечно пещись и мне заповедали. Вот и я вас прошу, имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафья. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали белье, а им из обители давали на содержание всю пищу: как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители, по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомий и Исаяя пеклись о них, но никогда в их распоряжение не входили, ни Пахомий, ни Иосиф; я и то не распоряжался ими и никому нет дороги ими распоряжаться.

Вот и о. Иван наш, – продолжал старец, жалуясь на Ивана Тихонова с негодованием, – испросил благословение у батюшки Нифонта в Дивеево, поблизости; приедет туда, говорит, что я его послал – Серафим; заводит у них пение партесное, вводит некоторые обычаи, это им не нравится, приходят они ко мне, жалуется со слезами; так не должно ему делать и

никому не распоряжаться ими и после меня. И он будет все более и более к ним учащать, будет говорить всем, что я то и то приказывал ему, будет заводить постройки, будет говорить, что я желаю у них монастырь открыть, но вот я тебе, батюшка, сказываю, что я ничего этого не говорил; пусть живут уединенно, монастыря не просят, а живут общиною, как Алексеевские в Арзамасе. Из обители бы не отлучались за сборами и никуда не ходили до поры и времени, а занимались бы хлебопашеством да огородами; окопались бы земляным рвом, сделав и вал изо рва земляной же; и все своими руками делали бы, о стяжании не заботясь, имели бы церковную службу; всякое воскресенье петь параклис Божией Матери непременно; непрестанно читать Псалтирь. Если они эту заповедь сохраняют, то Господь будет им посылать все потребное, а если нарушат, то не будет мира у них и будут постигать их всякие скорби, напасти и беды!»

«В другое свидание, – пишет игумен Георгий, – старец сказал мне о дивеевских девицах: «Не забывай и не оставляй их, чем можешь: словом, делом благотвори им; по [Василию Великому](#), добродетель великая – не оставлять постниц. Они нам по-прежнему служат, готовят белье для братии, четырежды в год присылают белье мне: к Пасхе – сто рубах, к Успению Божией Матери – сто рубах, к Введению Божией Матери – сто рубах и к Рождеству Христову – сто рубах, которые я отдаю рухальному для раздачи оных».

Старица Дарья Фоминична просила записать ее показание об отношении батюшки о. Серафима к Ивану Тихоновичу (тетрадь № 6, рассказ 40): «Раз, будучи с сестрами у батюшки в келье, – рассказала она, – слышали мы чьи-то шаги. Батюшка быстро затворил дверь и, прислонясь к ней спиной, говорит нам тихонько: «Тс! Живописец идет!» Слышим, подошел Саровский послушник Иван Тихонов тамбовский, потолкался, потолкался, а мы все молчим... Видит, что заперта дверь, и ушел, а батюшка-то и говорит нам: «Вот, матушки, если он дождетя вас и будет вам что говорить про деньги, то вы поклонитесь лишь молча да ничего ему и не говорите!» Пошли мы и действительно, как сказал батюшка, встретили Ивана Тихонова, который поджидал нас и сказал: «Деньги 50 рублей, данные батюшкой, это мои деньги, это я дал, так всем и скажите!» Но мы, помня приказ батюшки, лишь поклонились ему молча и пошли своей дорогой. В другой раз, когда Михаил Васильевич почему-то пригласил к себе Ивана Тихонова, а тот остался уже ночевать у него, мы в то же время были у батюшки, а он и говорит нам: «Во, матушка, каков живописец-то! Мишенька-то добром на денек взял, а уже он и ночь ночевал! Ведь уж он, матушка, как лапу-то впустит, так и не выпустит!»

«По вызову батюшки, – рассказывает старшая сестра Прасковья Степановна (тетрадь № 1), – однажды прихожу в его келью, нашла батюшку очень расстроенным; он, по обыкновению, благословил меня и начал говорить со слезами: «Вот, матушка, приходил ко мне Иван Тихонович и просил: «Батюшка, благослови мне, я буду заботиться о твоих девушках», а сам хочет взяться холодным сердцем. Скажу тебе, матушка, во всю жизнь он будет холоден до вас, и сестры, которые будут ему преданы, будут для вас холодны. После меня вам отца не будет. Вы останетесь совершенно сиротами, а отец Иоанн (Иван Тихонович) только всю жизнь будет нападать на вас».

Благодатная старица Евдокия Ефремовна (мать Евпраксия) повествует следующее (тетрадь № 1, рассказ ее 3): «Раз я была у батюшки в келье, он беседовал со мною шесть часов кряду, много говорил утешительного и к концу беседы сказал: «Радость моя, я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставлю. А о. Иоанн (Иван Тихонович) просит, чтобы я вас после своей смерти отдал ему; нет, я не отдаю! Он и его преданные будут сердцем холодны к вам. Он говорит: «Ты, батюшка, стар, отдай мне своих девушек», а сам просит холодным сердцем! Скажи ему, матушка, моим именем, что ему до вас дела нет!» После кончины батюшки Иван Тихонович, увидавши меня, спрашивает: «Не говорил ли вам что обо мне батюшка Серафим?» Я ему отвечала: «Батюшка велел тебе сказать, чтобы ты в наши дела не входил и обители не мешал». Он оскорбился и начал говорить, что видел меня во аде, угрожал, чтобы я молчала. Я и молчала; видно, еще не пришло время. Батюшка Серафим говаривал мне: «Кто против Господа, Царицы Небесной и против меня убогого пойдет, не дам жития ни здесь, ни в будущем. Не убойся, говори мое, когда будут спрашивать, не умолчи моей благодати, и как у угодников Божиих Антония, Феодосия и Сергия Чудотворца были помощники, списали их житие, так и ты, что слышишь от меня, запиши».

Сестра Домна Васильевна (впоследствии Олимпиада) записала следующий факт из жизни о. Серафима (тетрадь № 1). Ей рассказала это близкая ей по духу сестра Анна Александровна, которая, по свидетельству и других сестер, была особенно любима батюшкой и многим в обители передала тот же факт. Однажды она стояла с батюшкой у его источника, и о. Серафим, облокотясь на сруб, смотрел долго в него. Вдруг источник весь возмутился и сделался совершенно грязным. «Я же, – рассказывала о себе Анна Александровна, – смотрела в это время на батюшку, не обращая внимания на источник. Вдруг батюшка поднял голову и, показывая на источник, сказал: «Посмотри-ка, матушка, какой источник-то!» Я, увидавши его совершенно грязным и бушующим, очень испугалась и с ужасом спросила батюшку: «Что это

значит?» В это время сходил с горы Иван Тихонович, нынешний иеромонах Иоасаф. Батюшка, всплеснув руками, показал на него и произнес: «Вот, матушка, это возмутитель всему свету и меня, убогого Серафима, возмутил. – И потом опять, указывая на источник, прибавил: так, матушка, и у нас».

«Вот как был прозорлив батюшка Серафим, – рассказывает сестра Ксения Васильевна Путкова (тетрадь № 6, рассказ 29), – и как ему все, все было открыто Господом! За несколько лет предсказал он о смутах у нас, о преданных ему сестрах, как выйдут они от нас и не будут батюшкиными. Была у нас одна сестра, Прасковьей Павловной Ерофеевой звали. Быв ко мне в церковное послушание назначена, занималась она хорошо, да неудобно нам было, потому что жила она в другой келье. Вот по этому-то случаю и пришла я к батюшке: «Благословите, – говорю, – батюшка, сестру-то Прасковью Павловну ко мне перевести, она так хорошо занимается, да больно неловко, что не со мной живет, а у нас и место-то есть теперь, и поместить ее можно; вот и жалко нам ее, больно хороша она к церкви!» «Хоть и хороша, – говорит он, – да пусть до времени живет да служит там!» «Да что же, – говорю, – к нам-то не взять, батюшка, ведь у нас место-то есть, а она хорошо служит; так-то неловко!» Все настаиваю я, была настойчива, грешница! «Нет, нет, – говорит, – радость моя! И не могу того сделать; ведь она прилепится к Ивановым сестрам; она ведь не наша, не моя, матушка; она Иванова сестра!» Так я и ушла от него ни с чем, ничего-то не понимая, и, раздосадованная, пришла домой да Прасковье-то Павловне все и рассказала. Услышав все, она сильно заскорбела и пришла, плача, к батюшке спрашивать: «За что он ее своею не считает?» А батюшка-то только и сказал ей: «Нет, это я так, живи до времени, матушка, живи до времени!» А мне опять строго-настрога все то же повторял, запретил брать ее в келью. Часто-часто она скорбела о том, вспоминая батюшкины слова и сама не понимая их. Не понимала и я, а когда батюшка скончался, то ее перевели к нам, и была она хорошей церковницей, как вдруг у нас случилась Иоасафская смута! Гляжу и глазам и ушам своим не верю, ведь и вправду перемутилась Прасковья Павловна, враг попутал, прилепилась к батюшкиному слову и Ивановым сестрам. Св. Синод выслал ее из обители, и вышла она Иванова сестра, как предсказал мне батюшка за столько лет вперед».

На этом оканчиваются свидетельства и показания незабвенных сирот Серафимовых о живописце Иване Тихоновиче, желавшем сделаться старцем, попечителем и духовником Дивеевской обители.

В столь трудное время для дивного старца о. Серафима его ободряла и укрепляла Царица Небесная. Вот что пишет по этому поводу протоиерей о. Василий Садовский: «Однажды (1830 г.), дня три спустя после

праздника иконы Успения Божией Матери, пошел я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашел его в келье, без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: «Есть ли у тебя, батюшка, платочек?» Я ответил, что есть. «Дай его мне!» – сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посуды пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что сроду я таких не видывал. «Вот у меня, батюшка, была Царица, так вот после гостей-то и осталось!» – изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклал полный платочек и, сам завязав его крепко-крепко, сказал: «Ну, гряди, батюшка, а придешь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые и близ обители живут в кельях, они все наши будут!» Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: «Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во, радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благодатью покрыла убогого Серафима. «Любимиче Мой! – рекла Преподобная Владычица, Пречистая Дева, – проси от Меня, чего хочешь!» Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!» И угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. А убогий-то Серафим, – продолжал батюшка, – Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка!

И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыни спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трем не дано, три погибнут, рекла Матерь Божия! – при этом светлый лик старца затуманился. – Одна сгорит, одну мельница смелет, а третья... сколько ни старался я вспомнить, никак, не могу, видно уж так надо».

Благодатная сестра Евдокия Ефремовна, удостоившаяся быть при следующем посещении Царицы Небесной о. Серафима в 1831 году, сообщила свой разговор с батюшкой о том же посещении, которое только что передал о. Василий (тетрадь № 6, рассказ 21).

«Вот, матушка, – сказал мне батюшка Серафим, – во обитель-то мою до тысячи человек соберется, и все, матушка, все спасутся, я упросил,

убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица на смиренную просьбу убогого Серафима; и кроме трех, всех обещала Милосердная Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка, – продолжал, немного помолчав, батюшка, – там-то, в будущем, все разделятся на три разряда: *сочетанные*, которые чистотою своею, непрестанною молитвой и делами своими, через то и всем существом своим, сочетованы Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут! *Избранные*, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И *званные*, которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым темное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка, а которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами, куда как мрачно и тяжело будет им; будут сидеть все, качаясь из стороны в сторону, на одном месте!» И, взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. «Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы! – продолжал батюшка. – Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты так сказывай всем!» Затем, благословив, отпустил меня».

Ксении Васильевне о. Серафим так рассказал (тетрадь № 6, рассказ № 30): «Скажу тебе, посетила Царица-то Небесная убогого Серафима и вот что, скажу тебе, радость моя, рекла Матерь Божия: «Любимиче Мой! Проси у Меня, чего хочешь!» Слышишь ли, матушка, как возрадовала Матерь-то Божия убогого Серафима, как неизреченно возрадовала! А я-то, убогий, молил Владычицу, да спасутся все, кто в обители моей будет! И задумалась Царица-то Небесная, матушка, и излила всю благодать Своей милости на убогого Серафима! И все спасутся, матушка, обещала нам Сама Пречистая Владычица; только три погибнут: одна сторит огнем, другую мельница смелет, а третью...» (забыла, странно, видно не нужно нам помнить!). Еще говорил мне батюшка Серафим, что будет в обители его три разряда сестер: *сочетанные*, что паче всех возлюбили Господа и так Ему угодили, что и здесь всегда с Господом только были, и там вечно же в блаженстве с Господом будут! *Избранные*, которых батюшка избрал, и они его чтут, все его дела делают и заповеди его сохраняют и всегда исполняют; зато с ним в его обители всегда же и будут. *Званные* – все прочие, разного рода живущие так себе, нерадиво, непослушливо, лишь бы прожить. «Нам до них дела нет, матушка, пусть до времени хлеб наш едят!» – сказал о. Серафим».

За год и девять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: «Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!» «Достойна ли я, батюшка, получить благодать по грехам моим?» – отвечаю я. Но батюшка приказал: «Повторяй, матушка, несколько раз сряду: Радуйся, Невесто Невестная! Аллилуйя!» Потом начал говорить: «И слышать-то никогда не случилось, какой праздник нас с тобой ожидает!» Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна, а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: «Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтобы видеть тебе эту радость! Давай молиться!» И, сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне: «Не убойся, не утрашися, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!» И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: «О Препоблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородице!» И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли 12 дев, потом еще св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: «Кто это у тебя лежит на земле?» Батюшка ответил: «Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!» Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку, и батюшка – за левую, и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Ней, и спросить, как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к Ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божий. Потом подошла к св. Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно так же св. Иоанн Богослов. Подошла к девам и их спросила каждую об имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я

спросила их всех, то подумала – пойду, упаду к ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг все стало невидимо. После батюшка говорит, что это явление продолжалось четыре часа. Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: «Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих», но батюшка отвечал мне: «Я, убогий, просил о вас Божию Матерь, и не только о вас, но о всех любящих меня и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял, кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я, отец ваш, попекусь о вас и в сем веке, и в будущем, и кто в моей пустыни жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот «какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!» Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: «Вот как молитесь: Господи, сподоби мне умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на страшном суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!» После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословив меня, сказал: «Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь».

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны (тетрадь № 6, рассказ № 23) встречаются еще большие подробности. Так, она говорит: «Впереди шли два Ангела, держа один в правой, а другой в левой руке по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шеей большой круглой пряжкой-застежкой, убранной крестами, разнообразно разукрашенными, но чем – не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, зеленое, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев, на голове Ее была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку-застежку и на само лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за Нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами, они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келья батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного.

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: «Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною». Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: «Не убойся, мы пришли посетить вас». Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицей, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великой радостью, спросила я батюшку Серафима: «Где мы?» Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: «Кто это?» – то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их и т. д. Девы все говорили: «Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание и за поношение; и ты пострадаешь!» Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что я слышала хорошо: «Не оставь дев Моих дивеевских!» Отец Серафим отвечал: «О Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управлять!» На это Царица Небесная ответила: «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание, если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих: ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!» Потом, обратясь ко мне, сказала: «Вот посмотри на сих дев Моих и на венцы их; иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав царства вечного и небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа, и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же». Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами!» – и благословила его. Простились с ним и все святые: девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия». Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: «Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас убогих. Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил; вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага-диавола и противу его будь во всем мудра; Господь тебе во всем поможет!» и т. д.».

В сентябре 1831 года прибыл в Саров некий помещик Симбирской и Нижегородской губерний, коллежский советник Николай Александрович Мотовилов, совершенно больной, о котором неоднократно упоминалось в предыдущих главах летописи. Родившись в 1809 году в симбирском имении, он воспитывался в Казанском университете по филологическому факультету и затем был совестным

судьею и почетным смотрителем уездных училищ в Корсунском уезде. В записке своей, под заглавием «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях», он пишет и о своем исцелении по молитвам отца Серафима.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и невероятных великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал неисцельно более трех лет. 1831 года 9 сентября батюшка о. Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжело больного, из сельца Бритвина, нижегородского лукояновского имения моего, к батюшке о. Серафиму. 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь, 7 сентября и 8, на день Рождества Божией Матери, удостоился иметь я две беседы первые с батюшкой о. Серафимом, до обеда и после обеда, в монастырской келье его, но исцеления еще не получал. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустынку, близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находящемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда возле большой и очень толстой сосны, и до сего времени на берегу реки Саровки существующей, на его сенокосной пажинке меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня он сказал: «Да ведь я не доктор, к докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь». Я подробно рассказал ему бедствия мои, и что я все три главных способа лечений испытал, а именно аллопатией лечился у знаменитых в Казани докторов – Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Федоровича Фукса, по званию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга, гидропатией на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии, взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана, через ученика его пензенского доктора Питерсона, но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих, и затем ни в чем уже не полагаю себе спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатию Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтоб Господь исцелил меня. И он сделал мне вопрос: «А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?» Я отвечал: «Верую!» «А веруешь ли, – продолжал он меня спрашивать, – что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним

словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи, одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне так же мгновенно и одним словом может всецело исцелить вас?» Я отвечал, что «истинно всему этому всею душою моею и сердцем моим верую, и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к вам!» «А если веруете, – заключил он, – то вы здоровы уже!» «Как здоров, – спросил я, – когда люди мои и вы держите меня на руках?» «Нет! – сказал он мне, – вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы вконец!» И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне: «Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здоровы теперь». И потом прибавил, радостно смотря на меня: «Вот видите ли, как вы теперь хорошо стоите». Я отвечал: «Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня». И он, отняв руки свои от меня, сказал: «Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко стоите; идите же смело, батюшка мой, Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места». Взяв меня за руку одной рукою своею, а другой в плечи мои немного подталкивая, повел меня по траве и по неровной земле, около большой сосны, говоря: «Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли!» Я отвечал: «Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!» «Нет, – сказал он мне, отняв от меня руку свою, – Сам Господь совершенно исцелить вас изволил и Сама Божия Мать о том Его упросила, вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете, идите же...» – и стал толкать меня, чтобы я шел. «Да эдак упаду я и ушибусь...» – сказал я. «Нет, – противоречил он мне, – не ушибетесь, а твердо пойдете...» И когда я почувствовал в себе какую-то выше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал: «Довольно уже» – и спросил: «Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем, и во всем совершенно? Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне; веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его, и прилепитесь к Нему всею душою вашею, и всегда крепко надейтесь на Него, и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжело изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно малопомалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий...» И довольно потом еще побеседовав со мною,

отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым. Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустынки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один с гостинником отцом Гурием, твердо, без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мной при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем извещая о великом чуде этом. Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исая, с 24 старцами иеромонахами Саровскими, встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостью Божией, через великого старца Серафима мне во дни их дарованной. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом, и в одну из бесед его, в конце ноября 1831 года, имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии и слышать тогда беседу эту его, а потом и многие тайны о будущем состоянии России открыл он мне».

Глава XIV.

Беседы отца Серафима с монашествующими и мирянами.

К отцу Серафиму лично обращались монашествующие из мужских и женских обителей; в числе их являлись к нему настоятели монастырей. Он излагал перед ними свои мысли об обязанностях настоятеля.

«Настоятель, – говорил он, – должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучен долгим учением в рассуждении добра и зла ([Евр. 5, 16](#)).

Настоятель должен быть искусен в [Священном Писании](#): он день и ночь должен поучаться в законе Господнем, чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней, земной жизни таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных; потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому требующему его наставления; ибо, как говорит [Петр Дамаскин](#) (в Добротолюбии, о назидании души добродетелями. Часть 3, лист 52), несть всякий человек верен дати совет ищущим; но кто от Бога приял дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен.

Настоятелю должно иметь также дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущие и проразумевать козни вражий.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: истинного бо пастыря, по словам [Иоанна Лествичника](#), показывает любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря (в книге к Пастырю, гл. 5, лист. 178 на об.)».

Другие из настоятелей, заботясь о спасении порученных их руководству братии, спрашивали о. Серафима о том, как управлять братией. На такой вопрос одного из них о. Серафим дал следующее наставление:

«Всякий настоятель да сделается и да пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумной матерью.

Чадолубивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью; в нечистоту впадших очищает, омывает тихо, мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает,

согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но во угождение подчиненных: должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовью, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кротостью, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омывть возложением на них поста и молитв, сверх определенных обще для всех; одевать учением и примерной жизнью своей в одежды добродетелей; непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже ропота – и тогда они с ревностью будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю».

В 1830 году один иеромонах, вызываемый из Саровской пустыни настоятелем в Казанскую епархию, пришел к о. Серафиму принять благословение. Он нашел старца в лесу в трудах над грядями и подошел к нему молча, не говоря ни слова. Отец Серафим, увидев издали идущего к себе брата, запел и довел до конца *светилен св. Кресту: Крест хранитель...* Потом о. Серафим спросил пришедшего: «Ты куда едешь, брат?» «В Казань вызывают», – отвечал пришедший.

«С тобою обман, батюшка, идет, – сказал о. Серафим и прибавил: – Не ходи в Макарьевскую пустынь». А Макарьевская пустынь лежит в полугоре близ города Свияжска и называется Подгорной.

«Меня, батюшка о. Серафим, вызывают не в Макарьевскую, а в Раифскую пустынь игуменом», – сказал пришедший брат, имея в виду поправить ошибку старца.

А о. Серафим продолжал свое: «Я тебе говорю, не ходи в Макарьевскую». Подумавши же еще немного, примолвил: «Ну, поживи вне Сарова несколько... Опять к нам приедешь, и умрем здесь в богоспасаемой Саровской пустыни». Потом, благословив брата, старец отпустил его с миром.

Брат отправился. Прибывши в Казань, он узнал, что действительно был определен указом не в Раифскую, а в Макарьевскую пустынь. Вспомнив слова о. Серафима, убедительно говорившего: «не ходи в Макарьевскую», он отказался от этого назначения и был послан строителем в Цивильский Тихвинский монастырь.

Г-жа П. И. Шкарина, пользовавшаяся с 1827 года особенным доверием о. Серафима, свидетельствует, что он еще за год до первой холеры, что была в 1830 и 1831 годах, говорил: «Грядет гнев Божий на Россию, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, – говорил он ей, – бодрствуйте и молитесь, да не найдет на вы внезапно час смертный».

Холера, открывшись в России, посетила монастырь Тихвинский, в котором строителем был Саровский брат. Болезнь заставила его выпросить у начальства увольнение от монастыря. Он возвратился опять в Саровскую пустынь.

Немало являлось в это время к о. Серафиму и таких людей, которые, желая поступить в монастырь, спрашивали у него советов и наставлений. Старец, по своей прозорливости, дарованной от Господа, делал полезные советы и нередко предрекал будущее.

Так, в 1830 году один послушник Глинской пустыни, нарочно прибыв в Саровскую обитель, спросил у о. Серафима, есть ли ему благословение Божие поступить в монашество. Молодой человек, не зная еще хорошо себя самого, не усвоивши мысли о своем призвании, колебался между миром и монастырем; некому было поверить ему своих дум; не было вблизи человека, который решил бы его пожизненный вопрос. Вот приходит глинский послушник к о. Серафиму, падает ему в ноги, просит развязать душу от вихря сомнений. Спрашивает, есть ли воля Божия поступить ему и брату его Николаю в монастырь. Не так ли и сам о. Серафим, за несколько лет назад, являлся в Киев к затворнику Досифею? Ответил же он послушнику так:

«Сам спасайся и брата своего (родного) спасай». Потом, подумавши немного, сказал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу – и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл».

Сказав это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и произнес:

«Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братии Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей».

После этого послушник решился поступить в монашество. При пострижении ему дали имя Паисия, и в 1856 году он был произведен во игумена к Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а через шесть лет возведен в архимандрита той же обители, сделавшись таким образом, как предвидел старец Серафим, пастырем душ человеческих. Родной же брат его, о котором о. Серафим говорил: «спасай брата», поступил в монашество под именем Назария и окончил жизнь свою в Козелецком Георгиевском монастыре, в звании иеромонаха.

Давая наставления начальствующим из монастырской братии, о. Серафим излагал и подчиненным обязанности их в отношении к начальникам.

«Стяжи смирение, послушание, повиновение – и спасешься, – говорил он словами преподобного Варсонофия. – И отнюдь не говори вопреки: что это? Но будь благопокорлив наипаче авве твоему, который ради Бога печется о тебе и которому вверена душа твоя (Варе. Отв. 242).

Кто поистине хочет быть учеником Христовым, тот никакой не имеет власти над собою, чтобы делать что-нибудь самому по себе, говорит тот же учитель. Ибо что делается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знает полезное для себя, нежели авва, то зачем и называть себя учеником его?

Повинующийся повинуется во всем и не печется о спасении своем, потому что печется о нем другой, кому он подчинился и вверился. Кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел свою волю и в том, в чем отсек.

Кто хочет узнать путь совершенно и нейдет со знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града (совершенно безмолвия).

Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоем – и тогда спасешься. Смирение и послушание суть искоренители всех страстей и насадители всех добродетелей (Варе. Отв. 309, 357, 551–618, 68, 226).

Подчиненный должен умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы иметь жизнь вечную. Он должен быть как сукно на сукновальне, по словам преподобного Антиоха. Ибо как сукно белильщик колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело, подобно снегу; так и послушник, терпя унижения, оскорбления, поношения, очищается и делается как серебро чистое, блестящее, огнем разжженное (Ант. Сл. 113).

Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются, ибо несть власть, *аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* ([Рим. 13, 1](#)).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: *противляйся власти, Божию повелению противляется: противляющийся же себе* [зрех](#) приемлет ([Рим. 13, 2](#)).

Послушливый много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает через сие понятие о вещах и приходит в умиление».

Многие из новоначальных иноков спрашивали о. Серафима советов и наставления на счет того, как им спасти себя и присных своих. Отец Серафим отвечал на это следующее:

«По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в обитель, – не унывай: посещение Божие есть. *Аще* соблюдеши, яже тебе скажу – спасешься сам и присные твои,

о которых заботишься: не видех, глаголет Пророк, праведника оставлена, ниже семени его просяща хлеба ([Пс. 36, 25](#)). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без опущения, узнай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие и полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие – занимайся оным; если зовут на послушание – иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. В молитве внемли себе, то есть ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, отдельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своя и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва она беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть* (26,19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по кельям братии, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассудить о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи; помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдишь осуждать много разговаривающих или смеющихся; будь в сем случае глух и нем; что бы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (Чет. мин. 28 ноября, в житии его), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынноческое, послушание безроптивно, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден.

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й, 12-й и час за полунощью; аще изнеможешь, можешь вдобавок днем спать. Сие держи несумненно, до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел.

Скажу тебе истинно, **аще** тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания своего. Смиряться, и Господь поможет тебе, и *изведет яко свет правду твою и судьбу твою, яко полудне (Пс. 36,6), и просветится свет твой пред человеки (Мф. 5,16)*».

Саровский монах Киприан был смущаем тягостью возложенного на него послушания, пошел к о. Серафиму в келью за наставлением. «Не успел я войти к нему в келью, ни сказать ни одного слова, – говорил монах, – встретил он меня у двери и сказал: «Радость моя! Нет дороги отказываться от послушания».

Один раз пришел к о. Серафиму монах из очень дальнего монастыря. Старец в то время трудился у своего колодца. Подошедши к нему, странник поклонился и попросил благословения, а о. Серафим, занимаясь трудами, не обратил на него никакого внимания. Инок, постояв молча, отошел восвояси без всякого утешения. Тогда о. Серафим, подошедши к дивеевской сестре, тут же неподалеку трудившейся, сказал: «Вот, матушка, требует благословения, а сам не знает куда». Так, разумеется, понял поведение старца и сам инок, не получивший благословения на дело, без рассуждения и сознания задуманное.

Не оставляя без духовного назидания монашествующих, о. Серафим много поучал и мирян, обличая в них ложные направления ума и жизни и преподавая положительные правила благочестия. Так, один благоговейный священник привел с собой к о. Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук богословия, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседой со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник между тем во время разговора часто наводил речь на цель, с которою пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает православную веру, сам профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его на счет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки наверх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочитать историю

св. [Иоанна Дамаскина](#), говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

В 1831 году 18 июня были в Сарове и пришли в пустынь к о. Серафиму Иван Михайлович Кредицкий и жена его Ю. П. «Мы нашли старца, – говорили они, – на работе: он разбивал грядку мотыгой, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руки, прочитал тропарь Успению Божией Матери: *»В рождестве девство сохранила еси«* т. д.; потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всей прошедшей моей жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую небесную сладость, Бог весть каким образом туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего: для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доньше я не могу вспомнить без особенного ужаса, целых три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но о. Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши со свойственной ему неизъяснимо-радостной улыбкой: чтобы я не боялся этого шума мысленного; что это действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли.

С тех пор, действительно, этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и менее чем в месяц совершенно прекратился».

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителй старообрядчества, жители села Павлова Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только что переступили они

за порог кельи, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. Апостолов: сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в [церковь](#) греко-российскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архипастыри – суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за ней, наливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя Церковная или старая?»

«Оставь свои бредни, – отвечал о. Серафим, – жизнь наша есть море, Св. Православная [Церковь](#) наша – корабль, а кормчий – Сам Спаситель. Если с таким кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду – спастись без кормчего?»

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келье о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. Отец Серафим запер дверь и спросил ее:

«Откуда ты, матушка?» – «Из Владимирской губернии». – «Давно ли ты больна?» – «Три года с половиной». – «Какая же причина твоей болезни?» – «Я была прежде, батюшка, православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере – и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в [церковь](#) ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли на двор и нашли – я лежала. Они внесли меня в комнату. С тех пор я хвораю». «Понимаю... – отвечал старец. – А веруешь ли ты опять в Св. Православную [Церковь](#)?» «Верую теперь опять, батюшка», – отвечала больная.

Тогда о. Серафим сложил по православному персты, положил на себе крест и сказал: «Перекрестись вот так во имя Святой Троицы». «Батюшка, рада бы, – отвечала больная, – да руками не владею».

Отец Серафим взял из лампы у Божией Матери «Умиления» елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и она тут же получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из дивеевских сестер. Отец Серафим сказал ей: «Это, матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная». Потом спросил ее:

«Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в [церковь](#) не ходят?» «Таких нет, батюшка, – отвечала сестра, – а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все». «Попроси их от моего имени, – сказал о. Серафим, – чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы». «Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают». «Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит: он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?» «К прискорбию, у нас в роду все так молились».

«Хоть и добродетельные были люди, – заметил о. Серафим, пораздумавши, – а будут связаны: Св. Православная [Церковь](#) не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?» Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены. «Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности». Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны св. Христовой веры.

О православном сложении перстов и положении на чело крестного знамения должным образом о. Серафим очень заботился и приписывал крестному знаменю великую силу. Крестьянин Ардатовского уезда села Автодеева М. Б., собираясь в Саров на богомолье, пред самым выездом получил такой жестокий удар, что память совершенно потерял, и его без сознания привезли в Саровскую пустынь. Здесь один послушник, земляк больному, привел его к о. Серафиму. «Едва только стали подходить мы к келье старца, – рассказывал после М. Б. и бывший с ним послушник, – как я уже почувствовал в себе облегчение, чувство памяти и понимания понемногу снова начало возвращаться ко мне, и я помню все, что о. Серафим говорил и делал со мной в то время. Сперва он благословил меня и начертил на челе моем крест маслом из лампы, потом дал мне две пригоршни сухариков, наконец сам показал мне трехперстное

сложение креста и сказал: «Милостив [Бог](#)! Молись Ему так: со временем все это пройдет». И действительно, немного спустя по возвращении моем домой я сделался совершенно здоров, молитвами угодника Божия о. Серафима».

Часто старец Божий одним своим видом и простым словом приводил к сознанию грешников, и они решались исправиться от пороков. Так, в одно время к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как будто отталкиваем был кем-то. Наконец сам старец обратился к нему и спросил строго: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех тут бывших, начал раскаиваться в своих пороках, особенно краже, сознаваясь, что он недостойн явиться пред лице такого светильника. Конечно, это сознание не могло не принести добрых плодов в жизни простосердечного крестьянина.

Иван Яковлевич Каратаев относительно наставлений о. Серафима, лично ему данных, рассказывал следующее:

«В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонт. В Курске и дорогой много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других, в особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни, затворнике и пустынноике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно заехать по пути в Саров. Но когда я был подле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом прозорливости старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукой человека, даже может быть грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией, и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк, по приказанию начальства.

Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь я уже решился, по совету своего отца, побывать у о. Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мной, переменился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил о.

Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну, и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатию нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей». Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания св. икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божий, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, – прибавил он, – и не только тело их, но и душу; так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного». Затем в подтверждение почитания святых икон он приводил в пример, что «еще в Ветхом Завете, при кивоте завета, были золотые Херувимы; а в церкви новозаветной Евангелист Лука написал лик Божией Матери, и Сам Спаситель оставил нерукотворенный Свой образ». Наконец, в заключение он сказал, что «не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного суда».

Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание, но я не припомню их всех. Говорил он, что «искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее – и она истребляется; что так-то и на врага-диавола, стоит только оградить себя крестным знаменем – и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что «все святые подлежали искушениям; но, подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умиловивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели». И наконец несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие».

Слушая о. Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании. Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления,

предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от о. Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести людей, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбою о прощении за нее к о. Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около кельи о. Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха: где келья о. Серафима? Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвой к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храм, и молитвами Св. Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устройство Дивеевской общины, за твое здоровье». Потом о. Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, которую вливая мне в рот, сказал: «Да изженется благодатию Божию дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и св. воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими св. молитвами; на это он сказал:

«Положи упование на Бога и проси Его помощи, да умей прощать ближним своим-и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего».

Генерал Павел Яковлевич Куприянов пришел к старцу и благодарил его за молитвы. «Вашими молитвами, – говорил он, – я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду святую, и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец отвечал на это: «Великое средство ко спасению – вера, особливо *непрестанная сердечная молитва*; пример нам св. Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: *Моисее, Моисее, что вопиеш ко Мне*? Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Св. пророк Даниил

говорит: *Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока: молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили печь огненную».*

Когда о. Серафим говорил это, подошли к нему два человека, одетые в светское платье. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «А наше дело с вами учить детей!» Удивленный такой речью, этот отвечал искренно: «Да, я пастырь западной церкви!» После беседы со старцем этот пастырь обещал и, говорят, присоединился к Православной Церкви. Князь Николай Николаевич Голицын, проезжая из Москвы в Пензу, по желанию принять благословение от о. Серафима, заехал в Саров и, не найдя старца в монастыре, поспешно пошел в пустынь. На дороге в полуверсте от монастыря старец встретился с ним, к величайшей его радости. Князь подошел к нему и просил благословения. Благословивши, старец спросил: «Кто ты такой?» Князь, не назвав своей фамилии, сказался просто проезжающим человеком. Тогда о. Серафим с братолюбием обнял его и, поцеловав, сказал: «Христос воскрес!» Затем спросил: «Читаешь ли ты Святое Евангелие?»

Проезжавший сказал, что читает. «Читай почаще, – отвечал старец, – следующие слова в сей божественной книге: *Приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обряцете покой душам вашим. Иго Мое благо и бремя Мое легко есть (Мф. 11, 28–30)*». Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогой продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Пришедши в монастырь, старец пригласил князя к себе в келью, дал напиток св. воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжавшего человека: «Долго ли намеревается он пробывать в монастыре?» Тот ответил, что предполагает уехать наутро, после ранней литургии. Тогда о. Серафим с невыразимой любовью сказал, что, любив его, он желает еще видеться с ним завтра, после ранней обедни, что поэтому, собственно ради него, он не пойдет завтра в пустынь и останется в монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей кельи, благословил, обнял его и ввел в келью. Здесь опять напоил его св. водой, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из Святого Евангелия и еще *Символ веры*, в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член. К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестны; но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

В отношении к родителям о. Серафим внушал уважение даже и в таком случае, если бы они имели слабости, унижающие их. Так, один человек

пришел к старцу со своей матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъяснить о. Серафиму слабости своей матери, старец мгновенно положил правую свою руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. По учению нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважение и любовь из-за недостатков их. От сына обратясь к матери, о. Серафим сказал: «Отверзи уста свои». И когда она открыла, дунул на нее трижды. Отпуская же их от себя, сказал: «Вот вам мое завещание: не имейте в дому своем не точию вина, но ниже посуды винной, так как ты (обращаясь к матери) не потерпишь более вина».

К последним же годам жизни о. Серафима относятся замечательные наставления разным лицам, в свое время записанные Саровским иноком Сергием, бывшим впоследствии архимандритом Высоцкого Серпуховского монастыря: о должностях и любви к ближнему; о неосуждении ближнего и прощении обид; о терпении и смирении; о болезнях; о милостыне; о посте; о покаянии; о слезах и о Святом Духе.

Были у старца Серафима на беседе и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить своей пытливости. Так, одному Саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнения о. Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого старца. Серафим же ласково воздвиг его и продолжал говорить так: «Господь сказал Своими пречистыми устами: *о дне том и часе никто же весть; ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой Един. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына человеческого. Яко же бо бяху во дни прежде потопа, ядуще и пьюще, женящиеся и посягающе, дбндеже вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дбндеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына человеческого (Мф. 24, 37)*». При сем старец тяжело вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного, прогневаем Господа и нехранением св. постов; ныне христиане разрешают на мясо и во св. четырехдесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а [Церковь](#) имеет правило: не хранящие св. постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера – Православная [Церковь](#), не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правду: сих врата ада не одолеют».

Видя, что о. Серафим так много подвизается в научении других, один брат решился спросить его: «Что ты всех учишь?» На это достоблаженный старец отвечивал: «Я следую учению Церкви, которая поет: *не скрывай словес Бога, но возвещай Его чудеса*» (вторник Страстной седмицы, на вечерн. стих).

В другой раз ему послано было сказать, зачем он приходящих к нему помазывает елеем из лампы, горящей в келье его пред иконой. Отец Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в Писании, что Апостолы мазали маслом и многие больные от сего исцелились. Кому же следовать нам, как не Апостолам?» И обычай его помазывать приходящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

Дух кротости и смиренномудрия, с которым старец относился к посещавшим его, весьма ясно отпечатлевается в следующем рассказе г-жи Елизаветы Николаевны Пазухиной, симбирской помещицы.

«С самого раннего детства слышала я о прозорливости и святости Саровского затворника и пустытника о. Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось, наконец, по милости Божией, в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, сказали мне хозяйка квартиры, где я остановилась, что если я не успею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже о. Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустынку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать о. Серафима в его пустынке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь, что было в субботу после обеда; ехала всю ночь и наутро была в Сарове. Первый вопрос мой, при входе в гостиницу, был: «Не кончилась ли ранняя обедня?» И когда монах, которому предложила я свой вопрос, объявил мне, что обедня уже окончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть о. Серафима. Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Я отправилась, на счастье, к его келье, вместе со множеством других посетителей Сарова, и мы нашли, что дверь его кельи заперта была изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отворялась. Наконец я обратилась к стоявшей подле меня, у самых дверей, даме с маленькой девочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только что малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. Но каков был общий наш испуг, когда о. Серафим, отворив

дверь, начал опять закрывать ее! Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумавши: «Господи! Верно, я всех недостойнее, что он, увидев меня, решился снова затвориться». Но едва подумала я это, как о. Серафим, стоя в полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал: «Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного», и вслед за тем вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: «Пожалуйста, матушка; скажите мне, какая вам нужда? Что вам угодно?» Я заплакала от радости и сказала ему, что у меня одно желание – принять его благословение и испросить его св. молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: «Господь да благословит вас, благодать Его с вами!» И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После того начал он благословлять и прочих подходивших к нему, и каждому, по благословению, говорил: «Грядите с Богом». Мне же не сказал этого, и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну оставшуюся по уходе всех, он сказал мне милостиво: «После вечерни, матушка, пожалуйста ко мне», – и затворился снова.

По возвращении в гостиницу я прежде всего приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данной мне о. Серафимом. Я хотела по приезде домой обделить ими всех усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к о. Серафиму и снести ему привезенный мною гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свечей. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свечи и масло, забыл исполнить мое поручение, то я решилась снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свечей. Меня уверяли, что о. Серафим ни у кого не берет ничего; но я не переменяла своего намерения; думая, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свечей. После вечерни я нашла старца в сенях его кельи, на коленях лежащего у гроба. Увидевши меня, он поспешно встал и, благословляя, сказал: «Пожалуйста, матушка, пожалуйста ко мне». При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждой, осмелилась я подать ему полотно, говоря: «Св. отец! Удостоите принять от истинного моего усердия это полотно». И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: «Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится». Тогда я осмелилась добавить и деньги, сказав, что не успела купить масла и свечей. Он принял и деньги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей о. Дамаскину, Саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне о. Серафима.

Настоящая беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль на другой день исповедаться у него; я сообщила об этом желании о. Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно

неудобоисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы Он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима. Утром опять я отправилась к нему, и когда слуга мой отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца опять подле его гроба. Он ввел меня в келью, приказал перекреститься и трижды дал пить мне св. воды, сам поднося ее к губам моим; потом попросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: «Вот, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующим». Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедоваться у него, говоря: «Святой отец! Позвольте мне сказать вам одно слово». Он отвечал: «Извольте, матушка», потом вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: «Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших» и т. д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени, и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Св. Духа буди с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего». Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: «Господь вам поможет». И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня повсеместно свирепствовала сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своего возраста. Бедная мать просила меня убедительно взять ее, с последней новорожденной дочерью, вместе с собой в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу и в первую свою поездку в Саров взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к о. Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до года, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: «Утешайтесь ею». Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива, а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали».

Игумен Николо-Барковской пустыни Георгий, бывший гостинник Саровский Гурий, сообщил много случаев из жизни о. Серафима и из

своих бесед (тетрадь № 2). Так, он пишет, что «старец, говоря об имуществе Саровской пустыни, сказал: «Леса, земля и прочие имущества – это вечное достояние обители; я, убогий Серафим, бдел две недели, просил Матерь Божию, чтобы Она Своею милостию усвоила все имущество на вечные времена обители, и Матерь Божия не оставила меня убогого и благословила мне открыть, что Ей угодно, чтобы все имущество обители этой вечно неотъемлемо осталось за нею, до скончания века!»

Многие являлись к о. Серафиму, – говорит игумен Георгий, – просить благословение удалиться для спасения души на Афон, но старец никому благословения не давал, говоря, что там очень трудно, невыносимо скучно. Спасаться, по его мнению, всего удобнее в Православной России. «Если мы здесь плачем, – говорил о. Серафим, – то туда идти – для стократного плача, а если мы здесь не плачем, то и думать нечего о св. обители». Другие приходили к старцу просить благословения быть юродивыми, на что не только он не давал совета, но и с негодованием говорил: «Кто берет путь юродства на себя, без особого звания Божия, все в прелесть впадают; из юродивых едва ли один отыщется, чтобы не в прелесть находился, и погибали или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли; при мне только один обнаружил юродство, запел в церкви кошачьим голосом, старец же Пахомий в ту же минуту приказал юродивого вывести из церкви и проводить за монастырские ворота. Три пути, на которые не должно выходить без особого звания: путь затворничества, юродства и путь настоятельства».

Одному из Саровских иноков о. Серафим открыл великую тайну, как он сподобился быть восхищенным в небесные обители (Жизнь и подвиги о. Серафима. СПб., изд. 1849–1856 гг.). Когда другой узнал это, то тоже пожелал выслушать старца и пришел к нему. Но только он хотел открыть уста, как старец загородил их своей рукой и сказал: «Огради себя молчанием». Тут же он начал рассказывать перед ним историю пророков, апостолов, св. отцов и мучеников, со свойственной ему простотой. Он описывал их подвиги и страдания, твердую веру и пламенную любовь к Спасителю, по стезям Которого они неуклонно шли, неся каждый крест свой для получения спасения; вспоминал и разные их чудотворения, которые они производили благодатию Божией, к славе Господа. Описывал также многих подвижников, в иночестве прославившихся своими подвигами в терпении и непрестанном бдении. Он говорил, что все святые, которых прославляет [Церковь](#) Христова, оставили нам, по своем успении, жизнь свою, как пример для подражания; но исполнением в точности, от всей души, заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать и

сподобились разнообразных даров Духа Святого. Исполнение же заповедей Христовых для каждого христианина есть бремя легкое, как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти; а для этого всегда нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестных. В то же время нужно очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Тайн Тела и Крови Христовой.

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» – сказал о. Серафим иноку и тут же начал объяснять, что значит стяжание мирного духа. Это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. Ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное; а перед ним вся слава мира сего как ничто; все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях; там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрерывным бдением, молитвой и памятованием Господа.

«Вот я, убогий Серафим, – сказал старец, – для сего прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочесть Евангелия и Апостола дневного и Святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется, оттого что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному».

Вслед за этим в неизобразимой радости он произнес: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в доме Отца Моего обители мнози суть (то есть для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое Имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости, Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я

там вкушал, сказать тебе невозможно». И с этими словами о. Серафим замолчал... Он поник головою, глядя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил:

«Ах, если бы ты знал, – сказал старец иноку, – какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша (при этом он показал на свою келью) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. Апостол Павел ([2Кор. 12, 2-4](#)), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горного селения, в котором водворятся души праведных?!»

В заключение своей беседы старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Игумен Георгий (гостинник Гурий) сообщает еще, что один 20-летний юноша явился к о. Серафиму с вопросом, благословит ли он его на поступление в монастырь. Старец сказал: «Не все могут вместить, и на это принуждения от Господа нет, но все возможно верующему... Остайся в мире, женись, не забывайте с сожительницею общения, страннолюбия; держитесь тех добродетелей, которые будут поминаться на страшном суде Божиим, по Св. Евангелию: «Взалкал, и даете Ми ясти, возжадал, и напоите Меня, наг бех, и одеясте Мя...» Вот в чем ваше спасение, и еще приложите чистоту, храните среды и пятки, и праздничные и воскресные дни. За нехранение чистоты, за несоблюдение среды и пятка супругами дети рождаются мертвыми, а за нехранение праздников и воскресных дней жены умирают родами». Юноша возвратился домой, но еще сильнее воспламенился к иночеству и через 1,5 года поступил в Саровскую пустынь.

Архимандрит Балаклавского монастыря Никон писал следующее (тетрадь № 2): «В молодости моей, пред окончанием семинарского курса в 1827 году, я жил в августе месяце по приказанию старца Серафима в Саровской пустыни до 3 недель и в течение этого времени неоднократно был удостоен келейной беседы о. Серафима, в коей он говорил мне: «Зачем ты хочешь идти в монахи? Вероятно, ты гнушаешься брака?» Я на это отвечал: «О св. таинстве брака я никогда не имел худых мыслей,

а желал бы идти в монахи с той целью, чтобы удобнее служить Господу». После сего старец сказал: «Благословен путь твой, но смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце: 1) учись умной, сердечной молитве, как учат св. отцы в Добротолубии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к Нему; 2) к обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: *Богородице, помилуй мя!*; 3) одна молитва внешняя недостаточна; Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а черные головешки; 4) бойся, как геенского огня, галок намазанных (женщин), ибо они часто из воинов царских делают рабами сатаны; 5) помни, что истинная монашеская мантия есть радушное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей, нет и спасения; 6) все делай потихоньку, полегоньку и не вдруг: добродетель не груша – ее вдруг не съесть».

Затем автор письма сообщил несколько случаев прозорливости о. Серафима.

Глава XVII (неполная)

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день вечером и одевался в подрясник из черного толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимой носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жара надевал полумантию, сделанную из цельной кожи с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимой – в бахилах, а идя в [церковь](#) к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимой и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Тайн, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келье богомольцев. Один богатый человек, посетивши о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» Отец Серафим отвечивал: «Иоасаф царевич данную ему пустынноком Валаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы» (Четья-минейя ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келье. Спал же он сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянувши ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичах и поленьях, бывших в его келье. Приближаясь же к минуте своего

отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, бывши у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, – то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой сказал: «Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец».

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всею точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего при чтении Псалтири на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. *За живых.* «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычества Твоего православно живущия: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2. *За усопших.* «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотцев, отцев и братии наших, zde лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоя бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келье пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я, – рассказывал Николай Александрович, – видевши у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и упавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: «Для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келье своей нестерпимый жар от теплоты огненной?» А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

«Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего. Я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и

поминаю их сначала единой. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне не достало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек – одну большую свечу, за иных же постоянно тепло лампады; и где следует на правиле помянуть их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свечи и кандила (то есть лампады). А что это не моя, убогаго Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В [Библии](#) говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее! рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в нощи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть». Так вот, ваше боголюбие, почему св. [Церковь](#) Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандилы, или лампады, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. Ангелов и св. человеков, Богу благоугодивших».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви.

Раз сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство. «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязаемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е. С. Шихаевой.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. Отец Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской кельи, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келью и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться, только смотри лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинувшись словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подстрекало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении и от неожиданности и необычности видения

вскрикнул. Отец Серафим, по совершении молитвы подошедши к нему, сказал: «Вот ты теперь будешь толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Г. Я. действительно встал с постели, и хотя опираясь на других, но уже сам на своих ногах вышел из кельи. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатью Божией был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

Глава XX.

За неделю до своей кончины, в праздник Рождества Христова, в 1832 году о. Серафим по обыкновению пришел к литургии, которую совершал о. игумен Нифонт. Он причастился Св. Христовых Тайн и после литургии беседовал с о. игуменом. Между прочим, он просил игумена о многих, особенно о младших из братии; не забыл упомянуть и на этот случай в последний уже раз о том, чтобы его, когда умрет, положили в его гроб (Жизнеописание о. [Серафима Саровского](#), изд. 1893 г., с. 220). Простясь с игуменом и братией, старец возвратился в свою келью и одному из монахов, именно Иакову, ныне иеромонаху Толщевского монастыря, вручил финифтяный образ прп. Сергия – посещение его Матерью Божией с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу; сей образ, – продолжал он, – прислан мне честным о. архимандритом Антонием, наместником св. лавры, от мощей прп. Сергия». К о. Антонию старец Серафим, как и прежде мы видели, питал особую любовь. 1 января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную [церковь](#) во имя святых Зосимы и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился по обычаю Св. Христовых Тайн. По окончании же литургии он простился со всеми здесь молившимися братьями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обошедши кругом св. престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами – путем рождения – входит

в мир сей, а другими, то есть вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных, но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с ней Параскеве Ивановне 200 руб. ассигнациями денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сестры находились в большой нужде.

В тот же день, после литургии, был у о. Серафима Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонах Феоктист. Отец Серафим, окончив беседу с ним, сказал в заключение: «Ты уже отслужи здесь». Но Феоктист, поспешая домой, отказался служить в Сарове. Тогда о. Серафим сказал ему: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь». Отец Феоктист, разумеется, и этого не понял и, получивши от старца благословение, отправился в тот же день из Сарова. Старица Матрена Игнатьевна рассказывала (тетрадь № 1), что накануне кончины батюшки была у него одна из келейных их сестер. Он ей говорит: «Матушка, какой нынче будет новый год, земля постонет от слез!» Она не поняла, что он сказал ей о своей кончине. При ней он и скончался. «Когда она возвратилась из Сарова, я ее спрашиваю: «Что батюшка, здоров ли?» Она молчит. Я опять повторяю. Она, помолчав, тихо сказала: «Скончался!» Я закричала, заплакала, оделась наскоро да как безумная без благословения убежала в Саров. И вот вам, как перед Господом, скажу, что когда я целовала ручки и ножки у батюшки Серафима, каждый раз ощущалось такое же благоухание, как от св. мощей, а его не хоронили восемь дней. Сбылось его последнее слово, что воистину земля стонала от плача и рыдания, когда его погребали. И какое было стечение народа!»

Нужно заметить, что рядом с кельей старца Серафима стояла келья монаха о. Павла. Они отделялись одна от другой глухой стеной, возле которой была печь. Входы в ту и другую келью были особые. Издавна в Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили каждый особо по одному. Как учеников о. Серафим не имел у себя, так и келейника у него не было, а по соседству обязанности келейного исправлял иногда брат Павел. Старец отличал его доверием и говаривал: «Брат Павел за *простоту* своего сердца без труда войдет в Царствие Божие: он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество».

Старец Серафим имел обыкновение, при выходе из монастыря в пустынь, оставлять в своей келье горящими зажженные с утра перед образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар, но о.

Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келье пасхальные песни: *Воскресение Христово видевше... Светися, светися, новый Иерусалиме... О, пасха велия и священнейшая Христе...* и некоторые другие духовные победные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей кельи к ранней литургии, почувствовал в сенях близ кельи о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в двери о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в [церковь](#) иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел

в пустынь». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келье о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал ее со внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке, близ двери. Они-то и тлели, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келье о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у кельи. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братии бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия между тем безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели: *Достоинно есть...* В это время неожиданно прибежал в [церковь](#) мальчик, один из послушников, и тихонько оповестил некоторых о происшедшем. Братия поспешили к келье о. Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его кельи и нашли его самого. Принесли зажженную свечку и увидели, что старец, в обычном своем белом балахончике, стоял на обыкновенном месте молитвы перед малым аналоем на коленях, с открытой головой, с медным Распятием на шее. Его руки, сложенные крестообразно, лежали на аналое, на книге, по которой он совершал свой молитвенный труд перед образом Божией Матери Умиления, а на руках лежала голова ниц лицом. Полагали, что он уснул; стали осторожно будить его, но ответа не было: старец окончил подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лицо оживлено богомыслием и молитвой. Тело старца было тепло, как будто бы дух его только еще сию минуту оставил храмину свою. Но его уже никто не мог теперь пробудить к жизни.

Так описывает автор жизнеописания о. [Серафима Саровских](#) изданий 1863 и 1893 годов. Но вопрос: не описывает ли он это со слов очевидцев или смотря на изображение, которое было написано ошибочно, как говорят современники. В издании 1893 года приложено не такое изображение, так что оно не соответствует вовсе описанию. Н. А. Мотовилов в записке «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» опровергает сведения Саровского издания. Так, он пишет: «Батюшка скончался на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками, а не поникши вниз и лежащим на книге, как в сем издании 1863 года изображено. А что он действительно стоя на коленях, в таком положении скончался, слышал я тогда по приезде моем

из Воронежа лично от самого игумена Нифонта и живших возле батюшки отца Серафима иеромонаха Евстафия и иеродиакона Нафанаила, которых игумен Нифонт призвал к себе при мне для того, чтобы о нем подробно сами мне сказали».

Иноки с благословения настоятеля подняли на руках тело старца Серафима и положили в соседней келье иеромонаха Евстафия. Там омыли ему чело и колени, одели по монашескому чину, положили в известный нам дубовый гроб и тотчас же вынесли в соборный храм. После, когда утихло волнение и беспокойство, когда стали разбирать вещи в келье почившего, заметили, что и книга, над которой он почил непробудным сном, несколько обгорела.

Весть о кончине старца о. Серафима быстро разнеслась повсюду. Вся Саровская окрестность быстро стеклась в пустынь. Все скорбели и горько плакали о смерти старца; в особенности разлука с ним тяжка была для Дивеевских сестер.

Дивеевская сестра Прасковья Ивановна, которой о. Серафим пред кончиной своей дал деньги, купив хлеба и возвращаясь в Дивеево, на дороге услышала горестную весть и, не заезжая к себе, погнала лошадь в Саров.

Бывший накануне иеромонах Феоктист, выехав в то же время из Сарова, ночевал в деревне Вертьянове, а на другой день утром отправился дальше. На пути, без видимой причины, завертка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась, и он поставлен был в необходимость остановиться в Дивеевской общине. Там нашел всех сестер в глубокой скорби и слезах: они оплакивали кончину о. Серафима. Дивеевский священник был в отсутствии по должности благочинного. Сестры убедительно просили о. Феоктиста отслужить панихиду об упокоении в блаженных обителях души старца Серафима. Желание их было исполнено, и сбылись слова старца: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь».

Тело о. Серафима было положено в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением прп. Сергия, полученным из Троице-Сергиевой лавры. Могила блаженному старцу уготовлялась на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2 января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: «Вот так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!» (Сказания о подвигах о. Серафима, с. 34, изд. 1849.)

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской лавре, был послушником в Саровской пустыни и находился при гробе о. Серафима. Он передал Дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда. Когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, пораженные случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-затворника. (Впоследствии усердием нижегородского купца Я. Сырева над могилой его воздвигнут чугунный памятник, в виде гробницы, на котором написано: «Жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12-ть дней».)

Не было сказано при гробе о. Серафима речей: воспоминание о его жизни и делах, изустные рассказы о них при гробе замечательного подвижника были самым лучшим назиданием, заменявшим всякое другое слово. Но какой-то неизвестный стихотворец, в грустном одушевлении смертью старца, тогда же в форме элегической песни воспел его жизнь, подвиги и кончину.

Саровскому пустыннику о. Серафиму
Он был и именем, и духом Серафим;
*В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,
Внимая всем его молениям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель ?
Как много дивного избранным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!
Куда бы светлый взор он только ни вперял –
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл –
Судьба грядущего всецело рисовалась,
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседу о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:*

*В делах его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотела омрачить...
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.
Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовью равно ко всем горел:
Богач, бедняк, счастливец и уничиженный –
Равно один привет у старца всяк имел.
Несчастные ж к нему стекались толпой:
Он был для сердца их отрадный утешитель.
Советом мудрым он - безмездною целью
Всех к Богу приводил святой руководитель.
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой наустах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? Вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный тихий сон...
Теперь ликует он в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропим слезой,
И имя будем чтить во век благословенным.*

11 января прибыл в Саров исцеленный Николай Александрович Мотовилов в отчаянии, что он не застал даже похорон о. Серафима. Автор жизнеописания о. [Серафима Саровского](#), издания 1863 и 1893 годов, неизвестно от кого получивший сведения о помещике Мотовилове, говорит, что в недавнем времени был исцелен о. Серафимом помещик, страдавший ногами и ходивший на костылях. После исцеления о. Серафим приказал ему ехать в Киев поблагодарить Божию Матерь. Помещик с радости предался утехам жизни, не исполнив словес старца. Тогда болезнь опять возвратилась к нему. Снова больной обратился к старцу, покрытый стыдом. Отец Серафим велел ему ехать в Воронеж к святителю и чудотворцу Митрофану. Там помещик немало время жил у тогдашнего епископа Антония, молился о своем здоровье, но не получил чудесного исцеления. Наконец святитель Митрофан явился во сне епископу Антонию, показал ему образ Св. Троицы и предстоящего пред Ней старца Серафима и сказал: «Скорее отпусти больного в Саров; его может исцелить один Серафим». Тотчас после сего видения епископ Антоний отправил больного в Саров и с ним послал пять больших свечей о. Серафиму, приказывая, в случае смерти старца, поставить эти свечи за упокой его души. Больной очень спешил в Саров. От Тамбова, оставивши своих лошадей, он поехал на почтовых; но поспел в Саров только на другой день после погребения о. Серафима. Поставив свечи за упокой его души, он очень плакал о смерти старца, от

которого чаял исцеления, и скорбь свою рассказывал в монастыре всей братии.

Сведения эти о Н. А. Мотовилове спутанны и неверны, что свидетельствует живая еще жена его, живущая ныне в Дивееве, и, наконец, личная записка Николая Александровича. Кроме приведенных выше выдержек из записки, он пишет: «Я пробыл в Воронеже более трех месяцев, в совершенном и полном здравии, 2 января 1833 года, в этот же день вечером услышал я от высокопреосвященного Антония, что батюшка отец Серафим в ночь на этот день, во втором часу за полночь, скончался, о чем он сам ему, явясь очевидно, возвестил. Он по нем сам в тот же день соборно отслужил панихиду. А я 4 января выехал из Воронежа и прибыл в Саровскую пустынь, через два дня после погребения о. Серафима. И вот как все дело поистине было, а не так, как в издании 1863 года, на странице 313, напечатано обо мне. Я, напротив, не только получил исцеление, но и столь чудное, что до сих пор, 61 года жизни моей, благодатию Божией и общими молитвами великого старца Серафима и трех святителей великих: Митрофана, Тихона и Антония – пользуюсь в течение 38 лет совершенным здоровьем, о чем печатно свидетельствую во славу Господа и Пречистой Его Матери и великих угодников Божиих. Что же касается до явления святителя Митрофана, то он явился мне, а не преосвященному Антонию, через два года, в 1834 году. В Киеве советовал батюшка отец Серафим побывать, «ибо там, – сказал он, – Господь много откроет вам!» Как это совершенно несправедливо, так и многое другое, например: кому неизвестно, что великий старец Серафим никогда не имел у себя модной мебели и что келья его вся была завалена разными приносимыми ему предметами, им употребляемыми, в мешках и просто лежавшими. Впереди келья заставлена была вся большими бутылками и бутылками и штофами с елеем и со св. водой, и с церковным вином в бочонках, и сотни свеч горели на двух медных, круглых, в роде подносов с местечками для свеч, подсвечниках, так что едва маленький и узкий ход от двери его к образам оставался. А на эстампе, например, при явлении Божией Матери с двумя апостолами, келья представлена пустая, а он сам посреди лежащий на модной кушетке, тогда как в это время он лежал возле передней стены, на простой скамье, а под головой был камень, доставшийся после него впоследствии мне. Да и Божия Мать, обращаясь к Апостолам, изволила сказать о нем: «Сей от рода Нашего есть!» и не «Моего», как напечатано о явлении Ее на день Благовещенья с 12 святыми девами и другими при том предстоящими. Не только во времени не соблюдено правды, ибо показано оно было не в 1831 году, а в 1832, да и не в деревянной его пустынной келье, а в монастырской каменной, где он и скончался на коленях в молитве, со сложенными

крестообразно руками... В большее утешение душевной скорби моей, что я не удостоился поспеть к погребению о. Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиной последних лет жизни его, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место, в день его кончины; также образом Божией Матери Жизнедательницы, небольшой на кипарисе, тот самый, которым благословила его родительница его при дозволении ему остаться навсегда в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку «Алфавит духовный», с недостающими сначала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, маленький кипарисный крест, вырезанный его руками и обложенный серебром из того старинного рубля серебряного, который дала ему его матушка, отпуская на богомолье в Киев, и который был на нем. А медный большой, другой крест осьмиконечный, родительницы его благословение, сказал мне тогда игумен Нифонт, «и образ Божией Матери «Радости всех радостей», пред которой он, стоя на коленях, скончался, отдал я в его девическую Дивеевскую обитель».

Каждая печатная или рукописная строка, касающаяся памяти подвигов и чудес великого праведника отца Серафима, составляет ныне драгоценный вклад в историю Дивеевской обители и Саровской пустыни, но, несмотря на это, авторы жизнеописаний батюшки Серафима, между которыми первое место занимают г. Елагин и Саровские иноки (изд. 1863 и 1893 гг.), не поместили в своем труде многих показаний послушника Ивана Тихонова, в особенности касающихся лично его самого. Это недоверие к печатным рассказам о. Иоанна (впоследствии иеромонаха Иоасафа) нельзя не признать *характерным, веским и, конечно, заслуженным*, ибо кому лучше было знать своего послушника, как не инокам пустыни. Как мы вскоре увидим, они аттестовали его весьма плохо, и если поместили выдержки из изданных этим послушником книг в 1849 и 1856 гг. под заглавием «Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима», то потому, что рассказы эти сообщены Ивану Тихонову разными лицами, хорошо известными Саровской обители, в особенности Н. А. Мотовиловым, и они достоверны, а что касается его лично, то пропущено Саровскими авторами, так как он приписывал в этих повествованиях себе то, что было сказано другим в его присутствии.

Однако нам кажется нетрудным воспользоваться для истории и этими рассказами Ивана Тихонова, в которых так ясно проглядывают и правда, и прикрасы.

Незадолго до кончины своей о. Серафим принял в шестом часу пополудни Ивана Тихонова, живописца. Старец имел такой обычай, что если желал усладить своего посетителя долгой беседой, то запирает всегда дверь свою на крючок. Так сделал и на этот раз о. Серафим, впустив к себе о. Иоанна, который в то время проходил послушание канонарха. «Отец Серафим обратился прямо к вопросу: так ли я исполняю свою должность, как бы следовало?» – говорит Иван Тихонов. Если уже этими словами начал беседу великий старец, то, несомненно, Иван Тихонов отличался неисполнением своих обязанностей, что было хорошо известно старцу и впоследствии письменно подтвердил весь монастырь. «Я думал, – продолжает послушник Иван, – что он говорит о внешнем исполнении, и потому отвечал ему, что стараюсь, батюшка, исполнять все как следует!» Хорошо же понимал Иван Тихонов своего учителя, как он называл старца, и плохо же воспользовался он духовными наставлениями его, если мог на одну секунду подумать, что великий праведник и чудотворец, убогий Серафим, будет заботиться о внешнем исполнении им обязанностей! Если так мыслил Иван Тихонов, то, несомненно, внутреннего в нем ничего не было, а потому старец Серафим и повел речь о необходимости ему внутренне работать над собой. «Но, – говорит дальше Иван Тихонов, – отец Серафим хотел, чтобы к внешнему присоединилось и внутреннее, духовное основание, потому что Господу неуживчива одна наружность. Он сам говорит, что *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением*. Потом, как бы стороною, он и начал изобличать меня, говоря, что ведь есть такие, которые, кажется, хорошо читают, но не понимают смысла того, что читают; ведь многие есть и такие, которые говорят, что были у обедни, или у заутрени, или у вечерни, и льстят себя ложной надеждой, что они действительно были, а в самом-то деле где скитался тогда ум их? Они только телом были в храме Божиим...» Итак, Иван Тихонов сам признает, что о. Серафим стороною начал изобличать его, то есть все, что говорил, то намекал на него и обвинял в греховном стоянии в храме, в бессмысленном чтении и в отсутствии молитвенного настроения. «Вот, ты ведь был у ранней обедни? – спросил о. Серафим, как пишет о. Иоанн. – А какие же там читались дневный Апостол и Евангелие?» – «Иногда, по невниманию, я делался совершенно безответным; тогда *обыкновенно* он сам говорил, что именно читалось...» Вслед за этими словами Иван Тихонов пишет: «По окончании всей сладкой беседы своей он вдруг говорит мне: «А жизнь моя сокращается; духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв». И с этим словом подает мне сверток желтых полтинных свечей, говоря, чтобы я взял *одинадцать*». Спрашивается: для какой цели сообщил эту свою беседу со старцем послушник о. Иоанн? Он хотел рассказать, как старец предсказал ему свою кончину, а выяснил нам,

потому что это было действительно и оказалось трудным изменить смысл беседы, как о. Серафим еще раз на прощание уговаривал служить Господу внутренне, а не только наружно.

Затем следует повествование, как о. Серафим, передавая ему свечи и уменьшая число их с каждым свиданием, намекал этим на близость своей смерти. Современники великого старца и живущие еще в Дивеевской обители старицы говорят, что не Ивану Тихонову давал таким образом батюшка свечи, но для истории интересен факт, а не подробность, ничего не значащая, и потому безразлично, был ли Иван Тихонов участником или свидетелем не понятого в то время предзнаменования о смерти старца. Иван Тихонов пишет, что после последней сладкой беседы о. Серафим дал ему одиннадцать свечей, и прибавляет для подтверждения нашего убеждения и вышеприведенного мнения: «Отец Серафим, сделавши мне еще несколько отеческих наставлений и прибавивши, чтобы я *поспешил производить плоды, духовные*, отпустил меня с миром. Я же в простоте, без всякого внимания, сжег те 11 свечей. Через несколько времени, когда я был у отца Серафима, он, сделавши мне *много разнообразных наставлений, необходимых для жизни моей*, под конец опять повторил прежние слова о сокращении его жизни и потом подал мне девять свечей. То же повторил он и в 3-й раз, через несколько времени, и тогда подал мне 6 свечей. На четвертый раз, повторяя те же слова, он прибавил, чтобы я *поспешил, по возможности, собирать духовные плоды*, и подал мне уже 3 свечи. Таким образом, в пятый раз он подал мне одну, а в шестой раз только полсвечи. Но уже на четвертом разе я рассказал об этих свечах одному брату, и тогда по общему обсуждению мы решили, что старец этими свечами непременно говорит нам о своей кончине, потому что еще прежде в своих наставлениях он уподоблял человека по телу свече зажженной и мало-помалу догорающей. Только мы не могли понять, что именно означало число свечей. Когда же я пришел к нему в следующий, у-й раз, отец Серафим, между прочими наставлениями, опять повторил прежде сказанные слова с глубоким вздохом и особенным чувством, что жизнь его сокращается. После того старец начал повторять и напоминать мне все, что он *в течение жизни сеял на грешной душе моей*».

Ясен смысл слов о. Серафима, который старался как-нибудь спасти Ивана Тихонова и отстранить его от судьбы, которую знал вперед великий старец и предсказал как ему, так и о. Василию Садовскому, М. В. Мантурову и всем дивеевским сестрам. [Судьба](#) его могла бы измениться, если бы он поработал над собой и духовно улучшился бы.

Наступил страшный день 1 января 1833 года. Отец Серафим пришел в последний раз к ранней литургии в больничную [церковь](#) во имя

преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, в которой он обыкновенно приобщался Св. Тайн.

Иван Тихонов в то время был голосовщиком на правом клиросе и застал о. Серафима сидящим здесь на откидной лавочке. «Когда я пришел, – рассказывает о. Иоанн, – заблаговременно в больничную [церковь](#), поклонился батюшке в ноги, прося его благословения, он спросил: «Кто это?» – потому что было еще темненько. Я отвечал ему, как и всегда: «Тамбовский убогий Иоанн». Тогда он встал, благословил меня и поцеловал отечески (?), посадил подле себя, а сам глубоко вздохнул и этим вздохом уже предсказал мне что-то страшное. Вслед затем он сказал: «Ну, возлюбленный (!) отец Иоанн, прости; я с тобой уже больше не увижусь!» Пораженный совершенно этими словами, я упал в колени отца Серафима (?) и весь залился слезами: «Как же это, батюшка?» – мог я только ему выговорить. Тогда он отвечал мне: «Я говорю это тебе по Бозе: мы, уже больше с тобою не увидимся. Только ты все убогого Серафима слова постарайся запечатлеть на сердце твоём; с ними всегда и ходи, и помни, что вси своих си ищут, а не яже ближних»; и это последнее он повторил несколько раз и потом еще прибавил: «И не буди чужд посетитель!»

Последние слова, несомненно, Иван Тихонов не понял, когда говорил их ему о. Серафим, затем не уразумел их и впоследствии, а потому решился сообщить этот свой рассказ. Между тем все в словах – «и не буди чужд посетитель!» – смысл всей речи старца и характеристики отношений его к Ивану Тихонову до последнего часа жизни его. Отец Серафим знал, что будет делать Иван Тихонов после смерти его в дорогом, любимом Дивееве, где старец не позволял себе всем распоряжаться, ввиду того что Царица Небесная Сама назвала Себя Игуменьей этой обители, и в надежде, что о. Иоанн может еще исправиться, сказал ему: «и не буди чужд посетитель!» Видимо, о. Иоанн никогда не был знаком со Священным Писанием и потому не познал смысл этих слов. Св. апостол Петр в своем первом Послании (4, 15) учит, что христиане должны страдать плотью, потому что Сам Христос пострадал за нас плотью; страдающий же плотью перестает грешить. Апостол напоминает, что близок всему конец, надо быть благоразумными, бодрствовать в молитвах; более же всего иметь усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов и т. д. И прибавляет св. апостол: «Да не кто убо от вас постраждет яко убийца, или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель!» – то есть только бы не пострадал кто из вас как убийца или вор и злодей, или как *посягающий на чужое!* Итак, о. Серафим советовал Ивану Тихонову не забыть его наставления и не быть посягающим на чужое, то есть на должность отца и попечителя дивеевских сестер, которых он породил духом. Не понимая

этих слов, Иван Тихонов решился напечатать свой рассказ, будучи убежден, что предыдущее повествование убеждает в дружбе, которую будто бы питал к нему великий старец. И вот, ослепленный неведением и необразованием, Иван Тихонов сам себя бичует в своих рассказах, предназначенных для своего прославления. Рядом с обвинением себя в посягательстве на чужое он говорит: «Старец начал напоминать мне все, особенно чтобы я не оставил сирот дивеевских и устроил у них все. В подражание он приводил мне св. [Афанасия Афонского](#), говоря так: «Ты всегда и во всем подражай ему. Как он устроил все в Афонской горе, так и ты все устрой в Дивеевской обители». И потом, посмотрев на меня с особым чувством и покачав головой, прибавил: «Много тебе будет скорбей, но претерпи их, Господа ради, с благодарением; и где бы ты ни был, не оставляй сирот моих отчески. Мать Божия не оставит вас, и я духом буду с вами. Многие приближаются к ним, но дороги им нет никакой. Многие пестуны, но не многие отцы ([1Кор. 4. 15](#)); терпеть-то им многие советуют, но за них и с ними терпеть не хотят». Мало этого, Иван Тихонов пишет, что о. Серафим отчески его поцеловал, назвал «возлюбленным», а он упал в колени отца Серафима, полчаса пролежал так, рыдая и т. д. «Я в старце терял Друга, – говорит он, – наставника, нежнейшего отца; на моем же попечении он оставлял сирот дивеевских; мне казалось тогда, что они все разбредутся...» И этим рассказам верили в Петербурге!..

Иван Тихонов не остановился на этом; нет, под его диктовку записано, что великий старец еще без конца прощался с ним, поклонился ему в землю, обнял голову «своими преподобными руками» и проч. На другое утро за ранней обедней, только он отпел *Достойно*, как бросил все, убежал из церкви и поспешил в келью отца Серафима, в которой нашел небольшое замешательство. Все современники показывают, что дым первый заметил о. Павел, его сосед, которому старец и предсказал, что смерть узнается пожаром; он же и нашел в темноте стоящего на коленях о. Серафима и тотчас засветил свечу. Но Иван Тихонов, хотя и признает, что явился не первым, ибо застал в сенях замешательство, и о. Павел с братией потушили пожар, однако повествует, что он первый бросился к старцу и только хотел припасть к нему, как он сам пал на его грудь, еще совершенно теплый, как будто дух его в это самое мгновение оставлял тленную свою оболочку, – последний дорогой подарок ему. По правде, и наше слово немеет в устах после решимости этого человека уверять, что даже прах великого праведника о. Серафима пал в его объятия, которые должны были принять и сирот дивеевских Серафимовой пустыни. Еще так недавно перед смертью старца дивный священник, отец Василий Садовский, верный слуга Серафимов, принял от него последнюю волю, святое завещание, в котором приказывалось никого не допускать

распоряжаться в обители Царицы Небесной. И как труп о. Серафима мог пасть ему в объятия, когда старец умер стоя на коленях, спиной к входной двери и лицом в угол?

Но на 60-й странице своих рассказов Иван Тихонов говорит, что батюшка Серафим, отходя в вечное успокоение, совершенно предал ему окончательное и дивное устройство обители, приказав воздвигнуть в ней боголепные храмы, а также ограду, вырыть пруды, обсадить свободную землю деревьями, фруктовыми садами, за которыми съездить в г. Курск, и т. д. Это поручение будто бы удивило и устало Ивана Тихонова вначале, потому что обитель в то первоначальное время своего существования не имела еще никакого вида, ни устройства, ни даже прочного основания, утвержденного на законных актах.

Желание доказать, что о. Серафим все делал через него, дошло у Ивана Тихонова до бессмысленности. Так, на с. 62-й он повествует: «Заботясь о том, чтобы положить начало, старец дал мне собственными руками 100 руб. на покупку у г-на Жданова небольшого лоскутка земли, близ первоначальных келий, говоря: «Вот, я положу начало, и ты докончи все и устрой!» Каждый читатель подумает, что Иван Тихонов отправился и исполнил поручение старца, тем и конец. Но нет, кряду он говорит следующее: «И при этом о. Серафим избрал из живущих в обители двух сестер: старицу Ульяну Григорьевну и из дворян девицу Елену Васильевну Мантурову, для того чтобы они съездили к г-ну Жданову и купили у него вышесказанный лоскут земли. Посланные, с помощью Господа и Матери Божией и по молитвам о. Серафима, скоро и успешно исполнили свое поручение. Они купили у г-на Жданова этот клочок земли и совершили законную купчую крепость в городе Темникове, Тамбовской губернии». Спрашивается: зачем было старцу дать Ивану Тихонову собственными руками 100 руб. на покупку земли, когда все поручения исполняла образованная начальница общины Елена Васильевна, и она ездила и заплатила не 100, а 300 рублей, данные на это батюшкой, как и значится в купчей? Обыкновенно поручаются дела тем, которые их делают.

Нельзя не отметить еще следующего факта. Иван Тихонов тут же пишет (с. 62): «На этой-то первоначально купленной земле старец назначил сам место для построения священного собора, и когда некоторые из стариц в то время малодушествовали и говорили, что им не дожить до такой радости, то старец, утешая их, говорил им с улыбкой: «А вы, матушки, будете камушки носить при постройке собора!» Как мы увидим дальше, Иван Тихонов всеми силами старался построить собор на ином месте и доказывал Нижегородскому архиерею, что старец никогда не приказывал строить на месте, купленном у г-на Жданова. Таков был мнимый ученик Серафимов, относившийся ко всему

истинному «с холодным сердцем», как характеризовал его сам великий старец.

Хорошо известно, что, получив от генеральши Постниковой уведомление о пожертвовании ею трех десятин земли Дивееву, батюшка о. Серафим приказал Е. В. Мантуровой написать благодарственное письмо и послал жертвователю в благословение сухариков. В то время Иван Тихонов еще не смел делать шагу и, как свидетельствует протоиерей о. Василий Садовский, усиленно просил М. В. Мантурова выхлопотать ему у игумена дозволение посетить родственницу в Дивеево и таким образом присутствовать при торжестве по случаю окончания дела с генеральшей Постниковой. В 1849 году Иван Тихонов, в надежде, что никто не будет опровергать его показаний, пишет (с. 65), как о. Серафим призвал его к себе, приказал написать генеральше Постниковой покорнейшее письмо и послал при письме несколько сухариков, а затем послал его вместе с о. Василием и Мантуровым в Дивеево присутствовать при отводе земли.

Еще поразительнее рассказ Ивана Тихонова о дереве, преклонившемся по молитвам о. Серафима. Сестры Анна Алексеевна и Ксения Ильинична Потехина (бывшая впоследствии начальницей) свидетельствуют, что при них пришел Иван Тихонов к батюшке Серафиму, и тогда старец начал упрекать Саровских иноков, причисляя к ним и Ивана Тихонова, что они напрасно блазнятся на него за дивеевских девушек; ничего он не делает от себя, и все по приказанию Самой Царицы Небесной. «Мню, – сказал о. Серафим, – что этому дереву более ста лет! Помолимся, аще же я творю послушание Царицы Небесной, преклонится дерево сие в их сторону» (то есть сторону стоявших здесь Анны Алексеевны и Ксении Ильиничны). Игумен Георгий, настоятель Николо-Барковской пустыни, пишет, что, будучи иноком Гурием в Сарове, он однажды пришел к старцу Серафиму и нашел его перерубавшим сосну, преклонившуюся по его молитвам. «Вот я занимаюсь Дивеевской общиной, – сказал о. Серафим. – Вы и многие меня за это укоряли: для чего я ими занимаюсь; вот я вчерашний день был здесь, просил Господа, для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то в уверение того чтобы это дерево преклонилось...» Затем, объяснив, почему он занимается Дивеевской общиной, он прибавил (следовательно, на другой день падения дерева!) с негодованием: «Вот и о. Иоанн (Иван Тихонов) просит благословения у батюшки Нифонта в Дивеево поблизости; приедет туда – говорит, что я его послал – Серафим; заводит у них пение партесное, вводит некоторые обычаи; это им не нравится, приходят они ко мне, жалуются со слезами; так не должно ему делать и никому не распоряжаться ими и после меня. И он будет все более и более к ним

учащать, будет говорить всем, что я то и то приказывал ему, будет заводить постройки... Но вот я тебе, батюшка, сказываю, что я ничего этого не говорил» и т. д.

Что же печатно заявляет в 1849 году Иван Тихонов?! На с. 85: «Разные послушания, касательно устройства обители, он возложил на меня, также по особенному Промыслу Божию и по особенному его ко мне расположению, что выражал он часто апостольскими словами ([Флп. 2, г](#)): *ни единого бо имах равнодушна, иже приснее о вас* (разумея сирот дивеевских) *попечется*. Сначала он возложил на меня, несмотря на мою юность и неопытность, по благословению о. игумена Саровского, послушание выучить сирот чтению, пению и порядку церковного устава, для того чтобы они сами, без помощи причетников, с одним служащим иереем могли отправлять все церковные службы. За такое участие мое в отеческом попечении о. Серафима о Дивеевской обители *враг-диавол* *воздвигал на старца и на меня грешного такие скорби и гонения, что я несколько раз собирался выйти из Саровской пустыни, чтобы избежать всякой злобы и зависти (!)*. Однажды, после одного сильнейшего из подобных оскорблений, я пошел к старцу... Упавши ему в ноги, *облобызав его стопы, священные уста и руки, которыми он благословил меня милостиво, как отец*, я в то же время спешил излить перед ним все свои скорби и смущения».

Отец Серафим заградил его уста и сказал: «Сколько я просил тебя, а ты все хромаешь и доселе, как младенец; а дороги-то нет никакой нам хромать, *если мы* все терпим к славе Божией и Пречистой Его Матери и *печемся* о сиротах дивеевских, за которых нас укоряют, поносят, клеветают и осыпают хульными словами».

Потом, как бы скорбя на малодушие Ивана Тихонова, он будто бы сказал: «Впрочем, посмотрим, но справедливо ли нас отцы-то гонят, ибо все святые отцы велят жен-то бегать? Так, скажи мне, угодно ли это Господу, чтобы мы их не оставляли и пеклись о них? И по Бозе ли этот путь наш, докажи мне?» В продолжение этих слов о. Серафим, как будто бы сам будучи в смущении, требовал от о. Иоанна послушника доказательства (?!). «Я, – пишет, не смущаясь, Иван Тихонов, – с верою обратился к Господу, премудрости Наставнику и смысла Подателю, чтобы Он просветил меня свыше и дал бы мне возможность успокоить моего отца и благодетеля!» Выслушав себе похвалу, о. Серафим, по свидетельству этого Ивана Тихонова, как бы изменился и сделался спокойнее духом, но потом опять, по-прежнему потрясая его за руку, *просил* *подробнейшего объяснения* и чтобы о. Иоанн, в доказательство истины пути *его*, привел какие-нибудь примеры из св. отцов. «Тогда я снова со смирением, – пишет о. Иоанн, – отвечал ему, что все святые украсили жизнь свою этими высокими добродетелями...»

Затем следуют поучения Ивана Тихонова о св. Николае Чудотворце, о [Пахомии Великом](#), о [Феодосии Печерском](#), о Феодосии Великом, которые, чтобы прочесть со смыслом, надо 20–30 минут, и невольно всякий удивится знанию его житий святых. Этому и добивался, видимо, Иван Тихонов от о. Серафима и петербургской публики, среди которой он делал сборы на монастырь в 1849 году! Что же делает великий старец и прозорливец? «Когда я кончил, – пишет о. Иоанн, – о. Серафим, державший во все это время меня за руку и слушавший меня со вниманием, вдруг сделался как ангел Божий и, в радостном духе взглянув на меня, сказал: «Во, во, радость моя! А мы с тобою все хромаем, как младенцы (следовательно, и о. Серафим унывал, и не собирался ли даже уйти вместе с о. Иоанном из Сарова?); а дороги-то нам нет никакой хромать, если мы все творим к славе Божией!» Когда же старец замолчал, Иван Тихонов повторил пред ним еще слова святителя [Дмитрия Ростовского](#): «Отыми от ангела крылья, и он будет дева; дай крылья деве, и она будет ангел!» Выслушав еще поучение, о. Серафим еще с большим восторгом сказал: «Так вот какая радость!» И потом вдруг он обратился к западу и, подняв правую руку, указательным пальцем показал на одно огромное еловое дерево, сказав: «Мню, что оно 50 лет растет; так мы помолим Господа, чтобы Он нам показал чрез это древо знамение, угодно ли Его благодати, чтобы мы пеклись о сиротах дивеевских. Если это угодно будет Господу, тогда оно преклонится вот сюда...» и т. д. Взглянув на Ивана Тихонова, старец будто бы еще прибавил: «Молюся о тебе, да не оскудеет вера твоя: это сказал Спаситель Петру». Затем Иван Тихонов благословился, приложился к медному распятию, которое всегда носил старец, пал ему в ноги, просил св. молитв, в укрепление грешной его душе, чтобы всегда быть в мирном духе, не смущаться от скорбей, опять благословился, а о. Серафим продолжал кланяться ему вслед, и что же? Иван Тихонов пишет: «Возвратясь в свою келью, я совершенно забыл о заповеди старца молиться о знамени древа, был в развлечении, заснул и провел ночь во всякой беспечности. Поутру же после ранней обедни вдруг родилось во мне сильное желание быть в пустыни о. Серафима».

Подходит он к пустынке и видит дивное чудо: дерево лежит. Подходит прежде или после того, как о. Серафим показывал дерево иноку Гурию (будущему игумену), обвинял Ивана Тихонова и запрещал ему касаться Дивеевской общины. Но о. Иоанн пишет (с. 93): «Когда я начал подходить, он не допустил меня до себя за несколько сажен и упал предо мною ниц на землю. Я пал ему взаимно, со страхом и трепетом, прося благословения. Тогда старец встал и, взяв меня за обе руки, с тихой радостью и восторгом поцеловал, благословил и сказал: что ты пришел ко мне, убогому, возлюбленнейший мой о. Иоанн?» Станный вопрос,

который не мог задать старец, после того как накануне выслушивал наставления возлюбленного (?) послушника и просил его молить, чтобы дерево преклонилось! Но Иван Тихонов говорит, что не мог ничего ответить и упал ему в ноги. Старец поднял о. Иоанна и, подведя к дереву, с восторгом сказал: «Вот, батюшка, Павел апостол говорит: вся могу о укрепляющем мя Христе; *мы с тобой* не Павел, а Бог нас слушает!» Это знаменитое повествование Иван Тихонов заключает рассказом, что о. Серафим оградил его крестным знамением и связал клятвой, что он никому до смерти его не скажет об этом. Мы же видели, что о. Серафим всякому приходящему к нему показывал дерево и объяснял причину совершившегося чуда, а дивеевским торжественно приказал увезти дерево домой, как преклонившееся ради них.

Через непродолжительное время после смерти о. Серафима один офицер, г. Каратаев, отправлявшийся в Курскую губернию в свой полк, заехал в Саров, чтобы, по всегдашнему обыкновению своему, принять благословение о. Серафима. Молодой человек очень скорбел, что не застал в живых блаженного старца. «Известие о кончине его, – говорил он, – возмутило всю мою душу; я принял его как наказание за мои грехи; но отслуживши панихиду на его могиле, я почувствовал вдруг такое спокойствие души, что, казалось, будто через самого старца получил прощение в грехах и услышал обещание его молиться за меня у престола Божия». Игумен Нифонт поручил г. Каратаеву в Курске заехать к родным о. Серафима,

передать им от него просфору и благословение и рассказать о кончине блаженного их сродника. По приезде в Курск он тотчас же отправился к родным о. Серафима и нашел Алексея, брата его, уже умершим, он только что скончался. За несколько дней до сего времени этот брат был совершенно здоров, только подвергался сильной тоске, не ведая о кончине брата и не сознавая причин своей грусти. Скорбное состояние духа расположило его искать себе утешения в молитве: ежедневно ходил он в [церковь](#), наконец поговел, исповедался и причастился Св. Тайн. В это время из Сарова получено было письмо о кончине о. Серафима и его портрет. Тогда брат стал окончательно готовиться к смерти; над ним совершено было таинство Св. Елеосвящения, после которого он и скончался. Мы заносим это обстоятельство в жизнеописание о. Серафима потому, что, говорят, он, бывши раз в Курске, предсказал брату о его кончине в таких дошедших до нас выражениях: «Знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскоре за тем последует».

Скоро после погребения родилась сама собою мысль о сохранении памяти о достоблаженном старце Серафиме. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Известно, что о. Серафим неохотно соглашался на то, чтобы писали с него портреты. Так, мать

дивеевской сестры Анастасии Протасовой, имея большую приверженность к о. Серафиму, просила раз у него благословения списать с него портрет. Отец Серафим отвечал на это: «Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божий и Святых, а мы – люди, и люди-то грешные». То же самое повторил он в ответ при подобном случае Саровскому иноку, прибавив в пояснение: «Мы всегда и во всех случаях должны стараться отсекаать вины тщеславия в самом начале». Но мать сестры Анастасии стала умолять его с настойчивостью не отказать ей. Тогда только из уважения к ее усердию он уступил ее желанию и сказал: «Это в вашей воле, пусть будет по вашему усердию». Благодаря таким убеждениям были собраны и доныне находятся в Саровской обители в квартире настоятеля два верных изображения старца Серафима. Одно написано в то время, когда старцу было около пятидесяти лет. Отец Серафим представлен с открытой главой, лицо у него чистое, белое, глаза голубые, нос прямой, с небольшим возвышением; волосы светло-русые, густые с проседью; усы и борода густые с проседью; рука одна с другою соединены на груди. Старец стоит одетым в мантию. Этот портрет написан художником академии Димитрием Евстафьевым для г-жи Анненковой и ею передан в Саровскую пустынь. Другой портрет, находящийся также в келье Саровского строителя, писан с натуры лет за пять до кончины старца. Отец Серафим изображен в мантии, эпитрахили и поручах, как он приступал к причастию Св. Тайн. По этому портрету видно, что лета и иноческие подвиги имели влияние на внешний вид старца. Здесь лицо представлено бледным, удрученным от трудов; волосы и на голове, и на бороде густые, но не длинные и все седые. Правая рука положена на эпитрахили у груди. Этот портрет написан художником Серебряковым, который после был иноком Саровской обители и в ней опочил вечным сном. Художники Саровской пустыни, кроме портретов, написали на полотне картину его смерти, снимок с которой при жизнеописании прилагается с немногими взятыми с действительности дополнениями в подробностях.

В Саровский монастырь являлись после смерти о. Серафима многие лица, свидетельствовавшие, кому какое благодеяние оказал славный подвижник, кто и какое получил от него исцеление. Записки о таких событиях доставляемы были собственноручные или, по крайней мере, засвидетельствованные их подписью. Заодно упомянем здесь, хотя несколько забегаем вперед, какая судьба постигла вещи о. Серафима.

Те лица, у которых были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить их у себя, а другие старались что-нибудь приобрести из его вещей на память себе. По заведенному с давних пор в Саровской обители порядку все вещи после смерти брата поступают в так

называемую *рухальню* (кладовая рухляди) и делаются общим достоянием обители. Всякий брат, в чем нуждается, то берет из рухальни и, износивши одну вещь, переменяет на другую. Вещи о. Серафима, поступившие в то же хранилище, не остались там, но, по усиленным просьбам почитателей старца, розданы были им старшими из братии: о. Нифонтом и о. Исаиею. Так, и у инок Саровской пустыни Гавриила был портрет о. Серафима. Счастливый владетель так дорожил им, что не хотел никому показывать, и если показывал самым близким особам, то никак не выпускал его из своих рук. Крест медный, который о. Серафим всегда носил на себе поверх одежды, по благословению преосвященного Иеремии, бывшего епископа Нижегородского, хранится в Дивееве, в церкви Преображения Господня. Большой железный крест, который носил старец под одеждой, на шее, находится в Саровской пустыни. Господа Тепловы, прослышав о смерти старца Серафима, прислали из Таганрога нарочного в Саров получить что-нибудь из его кельи, и им посланы были два кувшина, в которых подвижник носил для себя воду; оба кувшина были наполнены водой из Серафимова источника. У одной из сестер Дивеевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорик, которым работал о. Серафим в пустыни. Сестра берегла его, еще при жизни старца, как необыкновенную драгоценность; потом согласилась передать его своей начальнице для хранения в пустынной келье о. Серафима. Г-жа Мария Колычева, бывшая в близком духовном общении с другим затворником того времени, Георгием, с восторгом писала ему, что она после смерти о. Серафима получила из его кельи белый полотняный платок, лампаду и стаканчик; обе последние вещи в звездочках. Две ряски, из оставшихся после смерти о. Серафима, переданы были сестрам Дивеевской общины, из коих одну сестра носила на себе, а другую выпросила для себя г. Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшие, в виде войлока, с головы его после двух болезненных его страданий, хранились у дивеевской церковницы Ксении Васильевны и у Саровского старца о. Феодосия. Камни, на которые старец для умерщвления искушений врага восходил молиться в течение тысячи суток, перенесены в Дивеевскую общину. Тот из них, на котором он стаивал днем в своей келье, находится в прежнем своем виде в Преображенской церкви в Дивееве. От другого из этих камней, на котором о. Серафим молился ночью пред открытым небом, остался один обломок, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых о. Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собою. И этот остаток, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца также перевезен в Дивеево и положен в той же Преображенской церкви. Келья, в которой о. Серафим подвизался в ближней пустыни,

куплена Н. А. Мотовиловым и также перенесена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпное чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших лиц Царского рода, пастырей Церкви, о. Серафима, усопших сестер обители и других благодетельствовавших ей при своей жизни особ. А другая подвижническая келья о. Серафима в Дивееве же обращена в алтарь в храме Преображения Господня. Образ Царицы Небесной «Радости всех радостей», написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келье о. Серафима, находится теперь в соборе Дивеевской обители. Усердием Наталии Ивановны Богдановой на нем положена серебряная вызолоченная риза. Перед ним в определенный день недели поется акафист Спасителю и Божией Матери. Благочестивые посетители питают особое усердие к иконе сей и, по своей вере, получают от нее духовное утешение. Особенно известной сделалась одна вещь из оставшихся после о. Серафима. Незадолго перед кончиной своей он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению Михайловну Кочеулову полумантией, которую сам носил. Когда сестра обители, Елисавета Андреевна Татарина, отправлялась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия о. Серафима. Эта мантия в последнее время огласилась в Петербурге даром исцеления над дитятей, которому искусство первых в столице врачей отказывало в помощи. Из Евангелий, которые читал в келье о. Серафим, одно находится в Сарове, а другое – в Дивеевской обители у Е. И. Мотовиловой. Последнее Евангелие, в кожаном переплете, есть то самое, которое о. Серафим носил всегда с собой в сумочке за плечами. Рассматривая его, мы увидели, что в этом переплете собраны были вместе: Псалтирь, Евангелие, книги Деяний и послания святых Апостол. В Дивееве же хранится малая часть книги Четьи-минеи первой трети, тлевшая при пожаре, бывшем при кончине старца Серафима. Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них приобретена Дивеевской общиной.

Затем после смерти о. Серафима, за исключением немногих нераспечатанных писем, ничего не осталось. Старец жил и умер, как выражено на его памятнике: «во славу Божию».